

ВОКРУГ СВЕТА

5 1967
МАЙ

У самого синего неба

Над побережьем Каспия надолго повисли беспросветные облака. Временами сыпал крупный мокрый снег, и черноглазые мальчишки, особо не мешкая, уже лепили на улицах Махачкалы под пирамидальными тополями снежных баб и играли в снежки тут же среди пестрой уличной толпы столицы солнечного Дагестана.

«Поезжайте в горы,— говорили мне, словно извиняясь за непогоду. — Ну, например, к аварцам. Убедитесь — солнечным не зря называют наш край».

Действительно, за первым же перевалом, куда поднял нас еще бойкий, но вышедший из моды в современных городах автобус, открылись взору

1967

ВОКРУГ

СВЕТА

№ 5

МАЙ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

НАВСТРЕЧУ
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

«МОРЕ ЗДЕСЬ СДЕЛАЕМ, ПАРОХОДЫ БУДУТ ПО НЕМУ РУДУ ВОЗИТЬ, ВОКРУГ САДЫ ЗАЦВЕТУТ. И МИЛЛИОН КИЛОВАТТ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА!

...ДУМАЛИ ЛИ ГОРНЫЕ ОРЛЫ, ЧТО ИМ ПРИДЕТСЯ ЛЕТАТЬ НАД МОРЕМ?!»

НАШ СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ В. ОРЛОВ РАССКАЗЫВАЕТ О ПУТЕШЕСТВИИ ПО ДОРОГАМ ДАГЕСТАНА — ОБ АУЛАХ, ЛЮДЯХ, СТРОЙКАХ.

«ДУМАЯ О РОДИНЕ, ВСПОМИНАЕШЬ, КАК ОДНАЖДЫ В ПУТИ, НАЙДЯ ПРИЮТ НА ОПУШКЕ СОСНОВОГО БОРА, ТЫ, ПОГРУЗИВШИСЬ ВЗГЛЯДОМ В ЗВЕЗДНУЮ, ОПРОКИНУТУЮ НАД ТОБОЙ ЧАШУ, ЗАМЕТИЛ НОВУЮ ЯРКУЮ БЕГУЩУЮ ПО НЕБОСВОДУ ЗВЕЗДУ...»

ФОТОРАССКАЗ ОБ ЭКСПОНАТАХ СОВЕТСКОГО ПАВИЛЬОНА В МОНРЕАЛЕ.

«ГАУПТМАН СУНУЛ РУКУ ЗА БОРТ ШИНЕЛИ И ТУТ ЖЕ ВЫДЕРНУЛ. НО ВМЕСТО ПАКЕТА В ЕГО ЛАДОНИ ТУСКЛО БЛЕСНУЛА ВОРОНЕНАЯ СТАЛЬ. ПРОГРЕМЕЛИ ДВА ВЫСТРЕЛА».

ВОСПОМИНАНИЯ А. ЛУКИНА О РАБОТЕ СОВЕТСКИХ РАЗВЕДЧИКОВ В ТЫЛУ ВРАГА, О ПОСЛЕДНЕЙ ОПЕРАЦИИ НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА.

«МЫ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». Ю. ВЕРЧЕНКО, ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА ЦК ВЛКСМ, РАССКАЗЫВАЕТ О КНИГАХ, КОТОРЫЕ ВЫЙДУТ В ЭТОМ, ЮБИЛЕЙНОМ ГОДУ.

«Я не трону тебя, килло!» Очери Л. Шапошниковой об индийском племени, живущем в джунглях Ориссы.

«Миф о парижанке». Отрывок из книги французского писателя Андре Моруа.

«Деревенская трагедия». Рассказ современного ямайского писателя Джона Хирна.

Вести из Австралии, Англии, Болгарии, Бразилии, Гватемалы, Греции, Индии, Италии, Мексики, Новой Гвинеи, Франции, Чехословакии, Японии, с островов Полинезии.

яркое синее небо и рыжие, коричневые, ослепительно белые, искрящиеся в лучах солнца горы.

Но еще долго автобус то с упрямством мула карабкался вверх по крутой дороге, то плавными виражами съезжал в долины, где дремали в ожидании весны грушевые и персиковые сады, то забирался в ущелья, где среди всеобщей неподвижности каменные осыпи были, пожалуй, единственным признаком движения, и, наконец, выбрался на Хунзахское плато, где когда-то находилась столица Аварского ханства.

Из-за первого ряда домов, выстроившихся на самом краю пропасти, постепенно прорисовывается и весь аул Хунзах — известный колхоз-миллионер, отары которого насчитывают более тридцати пяти тысяч овец. Плоскокрышие белые сакли с верандами, окрашенными в синий цвет, прилепившиеся друг к другу, чем-то напоминают конструкции современных многоэтажных домов, бог весть каким фантазером возведенных на этих, казалось бы, неприступных кручах.

Чуть в стороне от Хунзаха, обступив нескладную, громоздкую крепость, виднеется аул Арани. Крепость была построена русским царем, но так ему и не пригодилась. Стены ее во время гражданской войны служили щитом красным партизанам Муслима Атаева, державшим здесь оборону против белогвардейских банд.

На другом конце плато скромно прижался к горной гряде такой же бело-синий аул Цада. Цада — кто теперь его не знает! Здесь родились поэты Гамзат Цадаса и его сын Расул Гамзатов.

По мере того как дорога уходит все дальше и выше, плато и аулы постепенно пропадают из виду. Горы будто смыкаются вокруг и словно на руках выносят тебя к самому небу. И когда уже кажется, что вот-вот коснешься его рукой, горы внезапно разверзаются, и взгляду твоему открывается каньон, в темно-синей глубине которого отливает перламутром река Аварское Койсу.

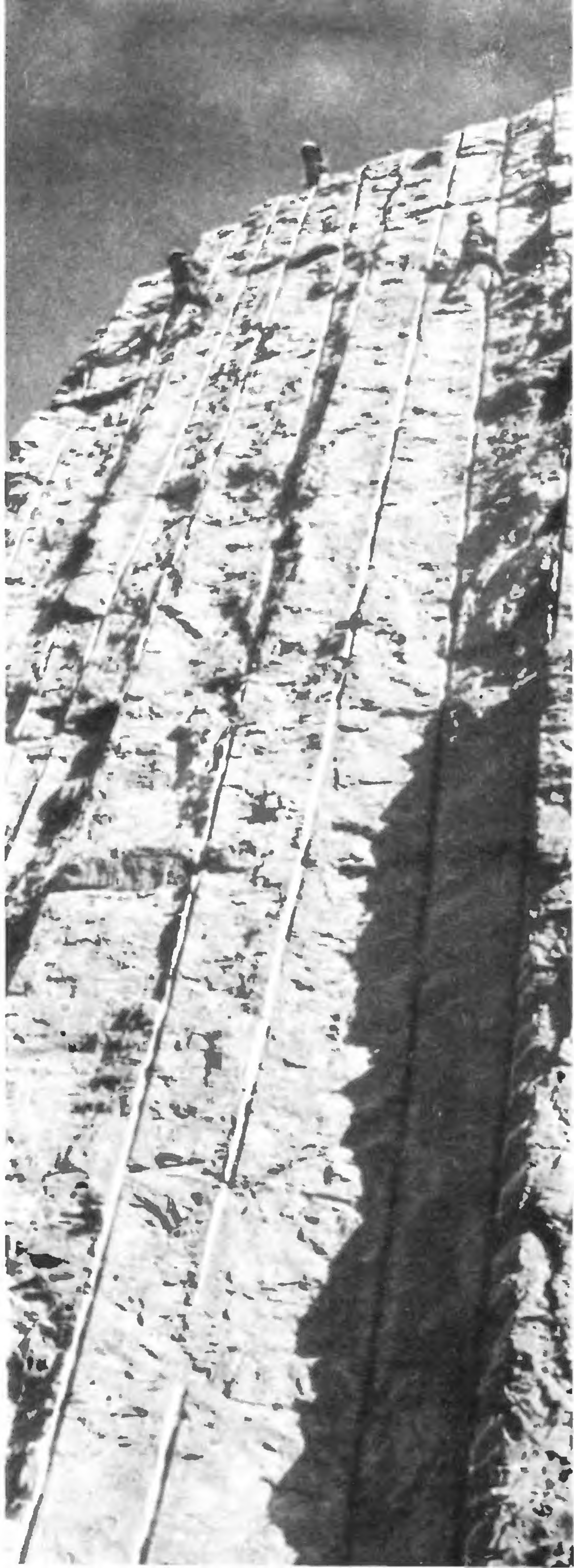
Здесь нельзя было не задержаться. Автобус высадил меня и покатиł дальше. А я присел на кучу камней, которую заботливый аварец приготовил для ремонта своего дома, — такие кучки встретишь в горах вдоль всех дорог.

Я огляделся. Бездонное ущелье, коричневого цвета камень южного склона, лед и снег искрятся на северном, синь — вверху. Дремлет Аварский каньон... И даже шум протарахтевшего над самыми пиками вертолета не может развеять плотной тишины.

Внизу вдоль реки скользят игрушечные грузовики, но и оттуда не доносится ни звука — слишком далеко. Они направляются в самые далекие аулы: Цунту, Советское, Тлярату. Сверху, как с самолета, видны крошечные кирпичики домиков на карнизе у пропасти и ниже, как по витой лестнице, уходящие почти до самой реки. Смелыми должны быть люди, живущие над такой кручей. Кружочки садов, обнесенных черными камнями. Сколько труда вложено, чтобы эти сады плодоносили...

Первые деревца в Аварии появились меньше чем полвека назад — раньше считали, что на этих склонах они не будут расти. Аварский революционер Мирза-Магомед Хизроев мечтал превратить долины своего края в настоящий рай. Последние годы жизни, тяжело больной, он начал сажать сады. Он хотел, чтобы сады покрыли голые склоны каньонов, но для этого надо было забрать воду из рек, несущихся по дну ущелий с ревом разъяренного зверя.

Он был не единственным мечтавшим об этом,

впрочем, даже тогда, в 1920 году, это было уже не только мечтой. В ту пору аварцы вместе с другими народами Дагестана за два года построили канал. Его называли именем Октябрьской революции.

— Считайте, что вы успели заглянуть в прошлое Аварского каньона, — сказала мне, когда я вернулся в Хунзах, Залма Гитинова, работник райкома партии. — Уже в этом году в каньоне начнет действовать насосная станция. Вода оросит склоны, и сады покроют долину. Если хотите заглянуть в наше будущее, поезжайте в Чиркей.

Мне не забыть этой дороги. Солнце быстро спряталось за снежные пики. Мы ехали сквозь фиолетово-синюю темь, навстречу вывездившимся огням аулов. Шофер затянул песнь про горы и любимую, о которой кто-то тоскует на чужбине. Пассажиры с горским темпераментом дружно подхватывали припев, а потом, примолкнув, слушали, как поет и поет шофер. И дорога казалась такой же прекрасной и бесконечной, как его песня. Так мы и ехали, пока не нагнали мальчонку.

Стоя во весь рост на арбе, он погонял мулов и тоже пел во все горло. На сигналы нашего автомобиля он никак не реагировал, и только выверившийся навстречу мощный МАЗ с огромным прицепом для бетонной арматуры заставил его поспешно ретироваться.

...Дыхание огромной стройки чувствуется задолго до Чиркея. Навстречу то и дело попадаются треллеры с прицепами, самосвалы (дорога здесь — уже не узкая горная грунтовка, а современная шоссейная магистраль). Но когда, наконец, оказываешься на дне котлована Главного каньона, в растерянности мечешься взглядом — в стройке весь розоватый склон. Огромные строительные краны размахивают шеями где-то под небесами, и справа, и слева меж них снуют БЕЛАЗы, которые рядом с тобою оказываются с двухэтажный дом, а там наверху — словно букашки.

Будто поняв мое состояние, какой-то парень с

усиками улыбнулся: «Сразу все не увидишь, строим у самого неба и под землей, а главное — плотина. Перекроет вон то ущелье. Двести тридцать четыре метра высотой будет».

Долго я бродил по стройке — видел первые дома города, растущего на уровне орлиных трасс; видел уже пробитые в горах туннели, по которым в канун юбилейного Октября со скоростью экспресса устремится полноводный Сулак, забыв свое прежнее русло; видел ровные срезы скал — под основание арочной плотины, а под конец завернул в Чиркей, взглянуть на его шестисотлетние седины.

Аул жил обычной жизнью. По крышам выросших в скалы саклей наперегонки с козами бегали ребята-тишки. На главной площади, под стенами мечети, закутанные в бараньи шубы, в островерхих лохматых шапках старики вели неторопливый хабар, а по узким улочкам семенили к колодцу горянки, закутанные в платки, с серебряными кувшинами для воды... Я поравнялся со стариком, который выезжал из аула верхом на маленьком осле. «Куда путь держите, дедушка?» — спросил я его. «Поеду с местами попрощаться. Переезжать будет скоро наш аул. Море тут будет, разве не слышал? — не в силах скрыть грусти, сказал дед. — Шестьсот лет стоял аул. Кто мог подумать, что обуздают Сулак...»

Конечно, жаль расставаться с местом, в котором прожил сто, а может, и больше лет. Молодежи прощаться со старым легче. Я вспомнил, как воодушевился сразу молодой аварский паренек, вот уже третий год работающий на стройке скалолазом, как загорелись его глаза, когда рисовал он картину будущего:

— Море здесь сделаем, пароходы будут по нему руду возить, вокруг сады зацветут. И миллион киловатт электричества! Потом примемся за Меатли, а там... очередь дойдет и до моего аула. Перекроем Аварский каньон!

...Думали ли горные орлы, что им придется летать над морем?!

ВАЛЕРИЙ ОРЛОВ, наш спец. корр.

— У вот, — сказал Карамышев, — я предостерегал! — Он нервно потрянул головой. Седые волосы упали на лоб. — Вы представляете по крайней мере, где он?

— Контрольные пункты опознавали машину каждые двести километров, — спокойно ответил Павленко. — Исчез он где-то на последних двух сотнях. Он почти выиграл пари. Хотя вы и отказались с ним спорить! Вертолеты его не нашли. Самое главное: он не взял свой блок-универсал.

— Легкомыслие! Как на это пошли?

Инженер пожал плечами.

— Вы психолог и должны его понять. Иначе вся затея ничего не стоила бы: пропадало бы ощущение подлинности.

— Как психолог я и возражал! — Карамышев возбужденно шагнул вперед, но низкий парашют возвра-

Карамышев вытер лоб. У него закружилась голова.

— Я первый раз здесь, — признался он.

— Не только вы, — засмеялся Павленко. — Сюда приезжают, — на его румянном лице появилось такое выражение, будто он все это создал, — экскурсии инженеров со всего света. Если кружится голова, смотрите направо.

Но Карамышев не мог отвести взгляд от лавины, мчавшейся и обгонявшей их, как если бы они стояли на месте. Лавина неслась бесшумно, как Ниагарский водопад в старинных немых фильмах. Лишь воздух, сминаемый массой устремившегося вперед металла, со свистом разлетался в стороны.

— Абсолютная прямая, — Павленко не терпелось сообщить пусть самые элементарные сведения. — И заметьте: почти все время по суше. Из Евразии в Америку по дамбе и мостам. На судах-паромах только через Атлантический океан и на коротком сравнительно участке. Сверхскоростная магистраль.

В. САПАРИН

ПАРИ

Научно-фантастический рассказ

мя напомнил ему, что не следует подходить ближе к краю круглой площадки, если не хочешь стукнуться лбом о стенку прозрачного купола...

Вокруг лежала бескрайняя тундра. Широкая бледно-оранжевая полоса удивительной прямизны прочерчивала ее словно след фантастического снаряда. Машины выплывали из-за горизонта и убегали за горизонт. Казалось, бесконечные ленты конвейера несли все эти цистерны, длинные и толстые, словно дирижабли, на колесах и на воздушных подушках, фургоны, огромные как дома, горы тюков на платформах, укрытые прозрачной пленкой, яхты, поставленные на трайлеры, тысячи, нет, миллионы самоходных экипажей, обслуживающих человечество.

Собеседники спустились к подножию придорожной башни, с верхней площадки которой разглядывали Заполярную Кольцевую. Она все так же иеутомимо несла через тундру бесчисленные экипажи, не отклоняясь ни вправо, ни влево. Река, поглотившая Реброва.

Они уселись в открытый кабриолет. Тот, описав короткую дугу, вышел на шоссе, но не окунулся в поток машин, а покотился вдоль самой кромки.

— Дорожка для туристов, — пояснил инженер. — Разрешается плестись до шестидесяти; там, где пейзаж особенно живописный, даже до сорока. Вполне старомодное «трюх-трюх», не правда ли?

Уже в соседнем ряду машины шли со скоростью не меньше ста пятидесяти. Следующий ряд продерживался, словно нитка в ткани. Дальше — мелькание длинных и коротких пятен, полосы, цветные чертики в глазах. В последнем ряду машины-пули летели бесконечной трассирующей очередью.

Карамышев сидел нахмурившись. Казалось, он не слушал.

— Простите, но меня интересуют некоторые, совсем не технические детали, — остановил он инженера. — Что произойдет, если на дорогу, допустим, забредет олень?

Он испытующе взглянул на молодого спутника.

— Смотрите, заяц! — сказал тот.

Между мелкими кочками, смешно подбрасывая зад, неторопливо пробирался пушистый зверек.

Тундра жила своей жизнью. Лемминги, удивительно похожие на увеличенные ожившие вербные «барашки», возились у своих норок. Парили ястребы, для которых кольцевая дорога, вероятно, казалась чем-то ероде бурной реки. Около водопадов тоже ведь живут звери. Животные привыкают к любой обстановке, если их не трогать.

— Заяц... — раздумчиво произнес Карамышев. — Да, но Ребров мог ползти в самую гущу. В этот бурлящий котел металлических струй. Его должно было туда потянуть.

— Возможно, и полз, — охотно согласился Павленко. Он оскалил белые зубы. — А вам разве не хочется?

— Гм... — Карамышев отодвинулся от борта. Инженер усмехнулся.

— Оленя не пропустит электрический забор, — спокойно заметил Павленко. — За оленя можете не беспокоиться.

— Вы не ответили на главное, — в голосе Карамышева послышалась настойчивость. — «Психология» оленя и меры для его безопасности мне понятны. Но Реброву не нужно пересекать электрический забор. Изобретатели этой дороги не предусматривали Реброва. Представьте: Ребров не сдержался, что тогда?

— Да ничего! Вы можете пешком пересечь шос-

Рисунки Н. ГРИШИНА

се, и с вами ничего не случится. Этот поток как змея: все звенья тормозятся одновременно. Я не хочу повторять избитых вещей,— в конце концов вы, инженер, тоже отлично понимаете, что, если бы люди продолжали управлять своими бегающими, плавающими и летающими созданиями, как в старину, скоро людей на Земле едва хватило бы для одной только профессии — водителя. Решалась огромной важности принципиальная проблема. И вот перед вами самый современный вариант комплексного решения: здесь все так слито, что образует единый, автоматически и безотказно действующий механизм. Недаром же по такому принципу сейчас проектируется целая сеть глобальных дорог... Так вот, — инженер показал на тугую струю металла и пластмассы, бьющую словно под огромным давлением прямо к горизонту, — уверяю вас: эта дорога не знает столкновений. Поэтому я и рекомендовал ее Реброву. Он задумал проехать по самой современной магистрали в автомобиле с рулевым управлением, хотел нагляднее ощутить дистанцию времени. Отлично придумано для писателя.

Карамышев внезапно перебил инженера:

— Остановите машину!

— Пожалуйста. Стоп! — скомандовал Павленко.

2

Кабриолет выехал на обочину и остановился.

— Опыт не удался, — объявил психолог. — Машину нельзя остановить на шоссе?

— Абсурдные приказания она не выполняет. Но попробуем. Не съезжай с шоссе. Остановка! — приказал он.

Кабриолет плавно замедлил ход и остановился. Машины объезжали его.

— Я хочу знать, что с ним пришло после? — сказал Карамышев.

— После чего?

— После того, как у него сломалась машина. Ведь не может что-то неподвижное долго торчать на шоссе. Здесь все должно двигаться.

— Это и есть ваш эксперимент? Впрочем, вот ответ.

По обочине быстро катил кран на мягких шинах. Поравнявшись с кабриолетом, он схватил экипаж мягкими лапами и перенес его вместе с сидоками на обочину. После этого осведомился:

— Нужен ремонт? Хотите пересечь на другую машину? Куда доставить эту?

— Благодарю вас, все в порядке, — сказал Карамышев. Ему захотелось приподнять шляпу. — Поедем, мы напрасно беспокоим этого... джентльмена. Где же все-таки произошло столкновение?

Инженер удивленно взглянул на спутника.

— Я же вам говорил... Полная гарантия!..

Психолог поморщился.

— Как вы не понимаете! Произошло столкновение совсем другого рода. Неужели вы думаете, — добавил он в сердцах, — что можно надеть старомодный пиджак, вместо блок-универсала сунуть в карман авторучку — и, пожалуйста, отправляйтесь в прошлое...

— А что, — заинтересовался инженер, — этот барьер времени, или психологический барьер, или как там он называется, он действительно существует или это просто?..

— Выдумка незадачливых психологов вроде меня, — с горечью закончил Карамышев. — Ваше прекраснорудие просто убивает меня. Ну, попробуйте хотя бы на миг вообразить, что вы сели в автомо-

биль. Представьте! Нервы в постоянном напряжении. Необходимо следить за тысячами вещей и быстро соображать, откуда грозит опасность. Стукнул о кузов камень — вы останавливаете машину: не с мотором ли что? Пошел дождь — надо убавить скорость: плохо видно, да и скользкие шины еще не изобретены. Торможение — целое искусство: нужно молниеносно в уме рассчитать расстояние, пробег, силу, прикладываемую к тормозным колодкам, и быстро и точно среагировать. А провести машину в городской сутолоке, никого не задев! Понимаете, то были рефлексy, выработанные веком. Когда нужда в них отпала, человек утратил дорожные навыки. Наше время выработало другие рефлексy. Совсем другие. Мы с вами, не задумываясь, шагаем в раздвижную дверь, зная, что она сама распахнется и не ушибет человека. Никто не вытирает ноги при входе в дом и не чистит обувь — все делает «чистильщик», пока вы переступаете порог. Но вы остановитесь, если ваш блок-универсал просигнализирует, что человек, к которому вы идете, занят, творит — думает над чем-то серьезным и просит его не беспокоить. Вы оставите «визитную карточку» в его блок-универсале, и блок сам пошлет вам вызов, как только его владелец освободится. Тысячи мелочей складываются в психологию обычного поведения. Изменились какие-то черточки, нами часто даже не замечаемые: одна, другая, сотая, — иной стала и такая важная особенность, как общая система постоянного внимания к внешней обстановке.

Понимаете, современная дорожная автоматика выполняет то, что когда-то было привычными рефлексами человеческого тела и мозга. Вместо ваших старых электронных приборов работала автоматика той кибернетической машины, очень сложной и особо регулируемой, какой является в известной мере человеческий организм. На нее опирался человек, ориентируясь в обстановке и принимая быстрые решения. У Реброва современная автоматика ничем не заменена. Он беззащитен.

Вот почему я считал и считаю, что человек нашего времени не сумеет благополучно проехать по Кольцу, управляя машиной вручную. Неизбежно психологическое столкновение. Вот почему я отказался от пари с Ребровым. К сожалению, это его не остановило.

Постепенно пейзаж менялся. Появились кусты. Сначала робкие, одиночные, затем все более густые, похожие на сильно увеличенные кочки. Равнина становилась чуть всхолмленной, а далеко в стороне показались настоящие горы, правда, сглаженные, обточенные ветром. Кривые березки собирались в рощицы.

Дорога все так же неумолимо прямо шла к горизонту, и, сжимая воздух, по ней неслись, словно в сумасшедшей гонке, тысячи машин. Карамышев ловил себя на том, что ему хотелось нажать на акселератор и очертя голову мчаться, обгоняя соседей. Но в их машине, к счастью, не было педаль.

Кабриолет вдруг сбавил ход. Они въехали на виадук; внизу замелькали рельсы — несколько параллельных линий. Справа виднелась станция. К ней вели дугообразные ответвления от шоссе, у начала которых стояли столбы-регуляторы, сигнализирующие машинам, что здесь поворот к станции.

— Отпадает, — сказал Павленко, взглянув на спутника, порывисто приподнявшегося на сиденье. — Если бы он свернул к станции, он дал бы о себе знать.

— Вы правы, — со вздохом ответил Карамышев и снова задумался. — Вы утверждаете, что современная машина не может наехать на другую? — вдруг спросил он.

— Абсолютно. Скорость впереди идущей машины увеличивается автоматически... При обгоне вступают в действие свои железные правила. В общем врезаться в другую машину автоматы вам не позволят.

— Нам? А Реброву?

— Реброву? — переспросил озадаченно инженер. Его бодрый тон экскурсовода разом сник. — Вы хотите сказать...

— Ребров может налететь на любую машину беспрепятственно? — безжалостно повторил вопрос Карамышев.

Но Павленко уже оправился.

— Если бы случилось что-либо подобное, мы давно бы знали о происшествии.

— И все-таки оно случилось. То самое столкновение, которое было неизбежно.

Карамышев откинулся на спинку сиденья.

— Слушайте, — он положил руку на плечо инженера. — Произошло что-то нам неизвестное. Где? В самом конце пути? Когда? В то время, когда Ребров сильно утомился. Дорожное происшествие, вероятнее всего, могло случиться там, где пейзаж особенно однообразный.

Павленко слушал очень внимательно.

— Тогда перед нами самые подходящие километры, — сказал он. — Позади однообразная тундра, которая тянулась сотни километров и вполне могла усыпить Реброва. Недостает только чего-то внезапно поражающего воображение...

— Смотрите! — перебил его Карамышев.

Кабриолет выехал на обочину и замер.

На лужайке, окруженной низкорослыми деревьями, происходило нечто странное. Черный блестящий лимузин то двигался рывками вперед, то подавал назад, то описывал почти полный круг.

— Это его машина! — воскликнул Павленко.

Они вышли из кабриолета и стали спускаться по некрутому откосу. Лимузин на лужайке продолжал выделывать па своего странного танца.

— Привет! — закричал Павленко и помахал рукой. — Не устроить ли перерыв?

Ответа не было. Лимузин развернулся так, что закрипели колеса, и ринулся прямо на Павленко. Тот едва успел отскочить в сторону. Автомобиль врезался в кусты, но тотчас отпрянул назад и чуть было не сшиб Карамышева.

— Там никого нет! — закричал Карамышев.

Действительно, автомобиль был пуст.

— Отойдем в сторону, — инженер потянул Карамышева за рукав. И вовремя. Лимузин, этакий гроб на колесах, прошуршал по траве рядом с ними.

— Ослеп! — невольно крикнул Карамышев.

— Скорее взбесился, — заметил инженер. — Давайте укроемся в кустах. А то этот псих нас задавит.

Они отошли за кусты на краю лужайки и, придерживая руками ветви, стали наблюдать за «психом». В действиях его обнаруживалась некоторая закономерность. Он довольно лихо катил по открытому месту, но, едва упершись в кусты, отлетал словно ошпаренный.

— Кустобоязнь, — сказал Павленко, — так я определил бы заболевание.

— Но это случай не медицинский.

— Но и не инженерный. Машины не страдают расстройством нервной системы. Скорее это по вашей части.

— Смотрите, он вырвался!

Черный лимузин нашел просвет в кустах, окаймляющих лужайку, и устремился туда. Он двигался по зеленому коридору, словно пьяный. Тыкался в кусты, вытаскивал нос из зарослей и неправильными зигзагами пробирался к выходу.

Он прошел рядом с Павленко и Карамышевым, и те могли рассмотреть исцарапанный кузов, помятое крыло и треснутое переднее стекло.

Автомобиль сделал еще несколько порывистых движений и выбрался, наконец, из рожицы.

— Здесь он стал более опасным, — забеспокоился инженер.

— Нам нельзя выходить на открытое место.

Осторожно, словно выслеживая крупного зверя, они пробрались к опушке.

Автомобиль крутил «мордой», словно прицеливаясь, куда бы ткнуться. Он тыкался вправо, влево, отходил назад, делал легкий поворот, устремлялся в новом направлении, но, пройдя метров двадцать, возвращался, чтобы тотчас снова броситься вперед.

— Что он ищет? — прошептал Карамышев.

Но, кажется, автомобиль нашел, что искал.

Он подкатил к началу откоса, ведущего к шоссе,

и, словно убедившись, что перед ним желанная цель, принялся взбираться по травянистому склону.

— Можно подумать, что он ищет себе подобных,— сказал Карамышев.— Нелепое сравнение, но он напоминает животное, отбившееся от стада.

— К тому же увечное,— добавил инженер.— Двигается так, словно у него парализовано сухожилие.

Едва взобравшись наверх и ступив на ровную дорожку, черный автомобиль остановился. Он больше не двигался, не метался, не дергался — вообще не шевелился. Стоял как вкопанный.

— Сломался?

Инженер не ответил.

Машины, бегущие по шоссе, обходили автомобиль.

— Не кажется ли вам, что он повторяет опыт, который проделывали вы? — спросил инженер.— Инсценирует вынужденную остановку. Продолжение вам известно...

— То вы сравнивали автомобиль с животным. Теперь вы рассматриваете его как экспериментатора.

— Да не его же,— поморщился инженер.— Неужели вам не ясно, что производится сигнализация! Ребров старается привлечь внимание к этому месту.

— Но, честное слово, я ничего не слышал о дрессированных автомобилях.— Карамышев растерянно провел рукой по лбу.— В мое время, как вы выражаетесь, ничего подобного не было.

— Кажется, я начинаю догадываться,— сказал инженер.— И если я прав, Ребров где-то неподалеку. Может быть, в соседнем леске. И, что особенно важно,— ему нужна помощь. Иначе зачем было устраивать весь спектакль! Необходимо найти место, где он покинул машину.

Однако задача оказалась не такой простой. Следы от колес на лужайке напоминали запутанный клубок леса после неудачного заброса спиннинга.

Они обследовали один за другим помятые кусты и, к удивлению, обнаружили, что кольцо деревьев вокруг лужайки нигде не разорвано. Автомобиль вошел и вышел по одному и тому же коридорчику, ведущему от шоссе. Только вкатился он прямо — старые колеи шли ровно, как рельсы, а выбирался, как уже видели Карамышев и Павленко, «хватаясь за стенки».

— Это произошло здесь,— сказал Павленко, стоя в центре площадки. — Здесь Ребров покинул автомобиль.

Тщетно вглядывались они в помятую траву. Автомобиль так заездил лужайку, точно ставил специальной целью сгладить следы человека.

Карамышев начал было осматривать ближайшие кусты, но инженер спохватился.

— Так ищут грибы...

Он достал блок-универсал.

— Самый надежный метод — прочесывание.

Очень коротко и деловито он информировал о положении дел и вызвал помощь.

Тем временем на шоссе прибыл кран, взял автомобиль тремя парами захватов и осторожно переставил на обочину.

— Сейчас он осведомляется, не нужно ли что-нибудь,— улыбнулся Карамышев, вспоминая встречу с краном-джентльменом. — Он ведь не сообразит, что на сиденьях никого нет?

— Что-то разговор затянулся,— удивился Павленко.— Можно подумать, что автомобиль отвечает или передает какое-то поручение. Хотя... Знаете, мы с вами... впрочем, вы-то ни при чем, а я порядочный олух! Нам надо было не прятаться от автомобиля, а вступить с ним, так сказать, в контакт.

— Он стремился к контакту,— пробурчал Карамышев.— Но, согласитесь, понимал его слишком механически.

— Да он и не мог бы ощутить, пока не сшиб. Ведь у него нет локаторов. Но вот когда он остановился на шоссе...

— Тогда вы еще не представляли, что с ним можно разговаривать.

— Вы правы. Мысль пришла мне в голову только сейчас.

— Смотрите, разговор окончился. Мне показалось или на самом деле кран кивнул в знак того, что понял?

— Вы рано начали шутить. Сейчас уже я начинаю беспокоиться о Реброве. Мы его нашли, он жив, но...

— Что но? — снова встревожился психолог.— Только я уверовал в вашу технику, как вы...

— Во всяком случае, он в сознании,— поспешил заверить Павленко.

Послышался гул, и вертолет опустился на лужайку.

— Ребров находится примерно в километре отсюда,— сказал мужчина в спортивной куртке, спрыгнув на траву. За ним из кабины спустились еще четверо.— В двадцати или тридцати шагах от высокого дерева с раздвоенной вершиной. Ну, здесь высоких деревьев, кажется, не так уж много!

— Зато половина их с раздвоенными вершинами,— заметил один из его помощников, оглядывая местность.

— Ничего. Откладываем перпендикуляр от шоссе. Те три дерева берем в первую очередь. Пошли!

Он двинулся быстрым спортивным шагом. Карамышев и Павленко едва поспевали за начальником команды; он шел в середине развернувшейся фронтом пятерки. Карамышев хотел спросить, что же случилось с Ребровым, но начальник спасательной команды проскользнул меж деревьев, словно уж в траве, и исчез из виду.

Когда они догнали его, тот осматривал местность около дерева с раздвоенной вершиной.

— Что с Ребровым? — спросил Карамышев.

— Психическая травма. И с ногой что-то.

— Крикнем,— предложил Карамышев.— Ведь мы не можем с ним связаться иначе.

— Реб-ров! — закричали они по команде.

3

— Меня удерживало только то соображение, что надо мной будут смеяться.— Ребров лежал в кровати, вытянув забинтованную ногу. Он похудел за последние дни. Но глаза его блестели.— Ну и упрямство тоже. Уж кольцо-то докручу, думал я. Хотелось испытать, сколько смогу выдержать.

Он перевел дух и улыбнулся.

Видимо, он ждал этой беседы.

За окном простиралась трасса. Она пересекала город, но никто не касался ее бледно-оранжевой поверхности. Видимый кусок ее, ограниченный рамкой окна и контурами городских зданий, сохранял в своем облике непреклонную прямизну.

— Ошибка заключалась в том, что я выбрал Кольцо,— продолжал писатель.— Я думал о километрах, о том, что пройду вокруг света, но не учел, что трасса абсолютно прямая.

Психолог и инженер переглянулись.

— Конечно же, на ней нечего делать машине с рулевым управлением! — Павленко сокрушенно покачал головой.— Нелепая ошибка! Мы забыли,—

обернулся он к Карамышеву, — просто упустили из виду! Действительно, вот что значит психология мышления человека наших дней... Очко в вашу пользу, но и очко против вас! Вы-то должны были скорее это понять. Руль связан с дорогой!

Он бросил взгляд в окно, на трассу, которую не видел Ребров. По ней мчались машины без водителей.

Ребров усмехнулся.

— Открытий было сделано много. Вы представляете: ни одного поворота, никакой, в сущности, работы рулем. Я просто должен был держать баранку. Час, другой, третий... Вот уж работа для автомата! На четвертый час мне захотелось кричать и ругаться. На пятый — бросить все! — Ребров приподнялся в кровати.

— Лежите, — потребовал Карамышев.

— Я пожалел автоматы, которые нас обслуживают: если бы они могли ощущать, как мы, какие ограниченные впечатления были бы у них! Отправляясь в путешествие, я жаждал уймы новых впечатлений, а на самом деле перерезал почти все нити связи с миром. Я чувствовал себя механизмом.

Ребров замолчал. На его худом лице появилась гримаса отвращения.

— Вы не представляете разницы в том, как ездите вы и как ехал я. Сев в машину, вы совершенно свободны в своих мыслях и действиях. Можете любоваться пейзажем, читать книгу, разговаривать с друзьями. Вы всегда пассажиры. Машина не выйдет за пределы шоссе, сама сделает повороты, доставит вас, куда ей было сказано, и лишь тогда напомним о себе словами: «Вы прибыли». Я же как проклятый упирался взглядом в идущую впереди машину.

Я перешел на дорожку, где скорость допускается не ниже ста пятидесяти. А потом на ту, где двести пятьдесят. Я старался выжать из автомобиля все, на что он способен. Это была отличная машина для своего времени. Как новичок, я держался на почтительном расстоянии от впереди идущей машины, но гонку не ослаблял. Поток словно захватил меня и нес с собой. Я боролся с желанием закрыть глаза, чтобы не смотреть на бесконечную полосу шоссе, которая бежала навстречу мне с тупой неумолимостью. Потом я боролся с утомлением, с опасностью заснуть.

Отдыхал я прямо на природе, отыскав подходящий поворот с шоссе. Спал в лимузине, питался захваченными с собой продуктами, осуществляя свою идею — иметь в пути минимум контактов с сегодня. Я ведь ожидал, что автомобиль станет для меня машиной времени. Что такое настоящий отдых, я понял, когда паром перевозил меня через Атлантический океан. Я все время спал в кабине. А потом снова: шоссе, шоссе, шоссе. И все прямо, прямо, прямо. Идеальная трасса для гонок. Только, я думаю, ни один шофер прошлого не участвовал в таких гонках. Ведь это были гонки с автоматами. Есть жесткая логика в том, что на такой дороге хозяева — автоматы. Мои действия страдали отсутствием логики. Я это остро ощутил. Я пересидел за своей неподвижной баранкой. Наступил момент, когда я почувствовал, что сойду с ума или натворю бед, если немедленно не сверну с шоссе. Поворот к железнодорожной станции я проскочил, следующего дожидаться не смог. К счастью, откос был пологим, и я, почти не раздумывая, повернул баранку вправо.

Ребров приподнял голову. Но тут же опустил ее на подушку. Пальцы его рук, лежащих поверх одеяла, зашевелились.

— О, какое я ощутил блаженство! Автомобиль прыгал на кочках, а мне хотелось петь. Наконец меня подбросило на сиденье, я услышал «крак» и остановил машину. Я вылез и, не интересуясь тем, что с автомобилем, зашагал по лужайке, потом по лесу, я разминал затекшие руки, мне захотелось бежать, я побежал, с удовольствием чувствуя работу мускулов, и... тут на меня словно обрушилась скала, я упал и потерял сознание. Понимаете, переход из одного нервного состояния в другое был таким резким, что организм, мой слабый человеческий организм, не выдержал. Когда я очнулся, я обнаружил, что у меня повреждена нога. Когда, где я ее ушиб, я не помнил: возможно, когда падал.

Оживление на лице Реброва сменилось выражением раздумья.

— Я натворил массу нелепостей. Смотрите: я сел за баранку специально, чтобы отправиться на несколько десятков лет назад, и из этого ничего не вышло. Но как только я выпрыгнул из автомобиля, я очутился в прошлом. У меня не было блок-универсала, и я не мог сообщить о себе. В каком-то километре клокотала ультрасовременная жизнь, но я не мог преодолеть этот километр. Я мог запросто погибнуть, потому что лимузин закатился в рощу и с воздуха его никто не заметил бы.

Он сделал паузу.

— И тут я вспомнил про браслеты.

— Браслеты? — переспросил Карамышев. Он вспомнил, что, когда они несли Реброва к шоссе, на его запястьях и на лодыжке он видел плоские растяжные кольца, словно покрытые чешуей.

— Когда я выбирал автомобиль, — пояснил Ребров, — на складе оказались биобраслеты: мне сказали, что такие штуки делали для космических кораблей. Представьте: авария, корабль не подчиняется автоматике, что-то случилось с пилотом, он не в состоянии подойти к пульту — и вот управляет на расстоянии с помощью биотоков. Потом от таких систем отказались, их заменили машинами, управляемыми голосом. Молодому инженеру, который хозяйничал на складе старья, захотелось испытать эту штуку в деле. Он предложил подключить ее к управлению автомобилем. Я не возражал, потому что вещи относились приблизительно к одному времени. И вот забавная игрушка, как я про нее думал, меня выручила. Я включил браслеты. Автомобиль завелся сразу, но что-то, по-видимому, сломалось в передаче, потому что он не во всем точно подчинялся управлению. Первое, что следовало сделать, — вывести автомобиль на середину лужайки. Тогда его легко заметили бы спасатели. Но осуществить маневр оказалось делом трудным; из-за поломки сразу включалась вторая скорость, и, прежде чем я успевал что-либо сообразить, машина врезалась в кусты. В конце концов я устал и едва не потерял сознание. Потом я понял, что если автомобиль будет ездить от куста до куста, пересекая лужайку, то еще скорее обратит на себя внимание. Правда, тогда мне придется все время работать, гоняя машину, словно шар на бильярдном столе. Не надо думать, что телеуправление по принципу биотоков освобождает человека от всяких усилий. Нервное напряжение почти такое же, а может быть, даже и больше, чем когда на самом деле крутишь баранку.

Я гонял машину примерно еще час, а потом сделал перерыв. И в это время, как нарочно, пролетел вертолет. Конечно, разглядеть меня в зелени было невозможно. Тут впервые я понял, что меня вообще могут не найти.

Ребров наморщил лоб.

— Надо было искать выход. Я вспомнил, что въехал на лужайку через зеленый коридор. Передо мной предстала задача — провести автомобиль по коридору и выгнать на шоссе. Обратная связь позволяла мне ощущать, когда автомобиль наталкивался на препятствия. Но я работал как бы с завязанными глазами. Я не видел ни машины, ни поляны, ни прохода среди зарослей. Автомобиль двигался как-то судорожно — я это тоже ощущал, — видимо, из-за неисправности в механизме. Но я увлекся «игрой». Это было гораздо интереснее, чем просто гонять автомобиль взад-вперед по лужайке.

К своему удивлению, я довольно быстро вывел машину из коридора.

— Да, это заняло не больше трех минут, — сказал Павленко.

— Вот что значит практика в любом деле, — улыбнулся Ребров. — Сейчас я с удовольствием вспоминаю о всех перипетиях, но тогда изрядно переволновался. Я понимал, что, выводя фигуру в дамки, я не могу позволить себе неправильного шага, и действовал осмотрительно; вытащив автомобиль из зарослей, я стал прощупывать пространство в разных направлениях, причем орудовал методически, без импровизаций.

— Мы видели движения автомобиля, — заметил Карамышев. — Они нам показались почти разумными.

— Благодарю. Осторожно я повел автомобиль вверх по насыпи и остановил сразу же, как только обратная связь просигнализовала, что под колесами полотно дороги.

— Я стал догадываться о чем-то подобном вашим браслетам, — сказал Павленко. — Но сообразил слишком поздно. Однако о чем и как вы беседовали с подъемным краном?

— Совсем смешная штука. — Ребров рассмеялся. — Отправляясь в поездку, я выучил азбуку Морзе. Так просто, для вживания в образ. А тут решил созорничать. Конечно, меня все равно нашли бы, раз автомобиль выведен на шоссе. Но я решил поговорить с краном на языке точек и тире. Попросту я «стучал» тормозной педалью: она отчаянно скрипит. Кран оказался молодчагой: ничего не понял, но записал незнакомый язык и воспроизвел все в точности на ремонтно-диспетчерском пункте. Там запросили кодировщиков, и те сразу ответили, в чем дело. Отстукивал морзянку я уже почти в бессознательном состоянии. Возможно, в знаках что-то и напутал. Но все-таки моя «телеграмма» облегчила поиски...

■

Наступила пауза.

Комнату с окном во всю стену заливал ровный рассеянный свет. Матово поблескивали пластмассовые кресла, спинка кровати, столик. Серебряная ложка светилась в стакане.

— Итак? — нарушил молчание Карамышев. — В конечном счете я был все же прав. Ваша поездка оказалась бесполезной. Переутомление, поврежденная нога, риск — и все зря!

— Нет, — возразил Ребров. Резким движением он приподнялся в постели и остался сидеть. Теперь и он видел трассу — матовую полосу, по которой, не уменьшая скорости, пролетали цветные пятна. — Не впустую. То, за чем я ехал, я получил. Я понял ощущение человека за рулем.

— Позвольте, но вы только что говорили, что с самого начала была совершена ошибка. Кольцо...

— После, после того, как я съехал с Кольца! — нетерпеливо перебил Ребров. — После того, как я

вылез из автомобиля. Да, управлять автомобилем — напряженная, нервная, трудная, утомительная работа. Да, да, да! — Он рубил воздух ладонью. — Но это и удовольствие! — Ребров улыбнулся воспоминанию. — Я почувствовал это знаете когда? Когда гонял автомобиль по лужайке и выводил его из лабиринта. Не менее увлекательно, чем гонки телеуправляемых ракет. Поверьте: настоящий спорт! Но главное совсем в другом. Вспомните: работа, которую вы выполняете, особенно если она связана с неожиданным и неизведанным и требует от вас напряжения и собранности, дает вам огромное удовлетворение. А ведь так было, когда шофер вел автомобиль и решал сотни задач в час. В этом именно и заключается секрет работы за рулем. И так будет и через пятьсот и через тысячу лет, что там ни изобретет техника. Человек всегда найдет себе такую работу. Простая штука.

Ребров откинулся на подушки, минуту помолчал.

— Когда я ехал по шоссе, — заговорил он спокойнее, — я попытался вообразить, что это я везу грузы. Нужные грузы. Я представил себя шофером. Интереснейшие возникли ощущения. Понимаете: представление о грузопотоках, которое типично для наших диспетчеров, перебрасывающих массы грузов с помощью управляющих машин, в те времена в какой-то степени, безусловно, было присуще каждому шоферу. Его общественная функция была очень наглядна. Шофер ведь не просто покоритель пространства. Человек подвозит бетон к месту укладки, сбрасывает камень, чтобы перегородить реку, доставляет зерно из-под комбайна на элеватор — он участвует в производственном процессе. Его рабочее место — в кабине, а зона его деятельности — это сотни и тысячи километров. Вот это рабочее состояние шофера, его привычку мыслить большими масштабами вы не раскрыли в том нашем разговоре, — упрекнул он психолога, — когда рассказывали, что чувствует человек за рулем. Вы говорили о чем угодно, только не об этом.

— Я сосредоточил внимание на определенной стороне, — возразил Карамышев.

— Да, на привычках и навыках, помню. Ну что я могу сказать? В быту, разумеется, происходят быстрые изменения. И будут происходить. И Заполярная Кольцевая когда-нибудь станет анахронизмом. Люди придумают что-нибудь еще. Может быть, на других технических принципах. Но связь времен не прервется, а наоборот, все новые нити будут протягиваться в нашем сознании из настоящего в прошлое, и нам все виднее будут нити, которые идут из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Человек будет все лучше познавать себя и более полно представлять историю человечества. Я о многом раздумывал тут, пока лежал. И мне хочется написать повесть о молодых ребятах, моих сверстниках, крутивших баранку вручную. Мне кажется, я в состоянии оценить их выше, чем, может быть, думали они о себе сами. Ну, а что касается всего прочего... Приятно знать, что ты выдержал испытание.

— Если бы вы выиграли то пари, — беспокойно задвигался в кресле Павленко, — проехали еще каких-нибудь полторы сотни километров, вы бы очень многого не узнали! То есть вы проиграли бы...

— А, честно говоря, если бы не Карамышев, — засмеялся Ребров, — я бы не поехал. Он был так убежден в невозможности поездки — со своей точки зрения психолога, — что это только раззадорило меня... — Он взглянул на Карамышева. — Вот вам еще одна психологическая загадка!

есть буквально «человеком, самого себя сделавшим». Точно так же, как, к примеру, Рокфеллеру.

Удивительно ли, что душа мистера Греймпфера представляла собой этакый коктейль, где удовлетворение было замешено на легком разочаровании, — такое часто бывает у человека, ухватившего цель, что уже очень и очень давно маячила в пределах досягаемости. Сегодня мистер Греймпфер, наконец, переехал в новый кабинет в коридоре вице-директоров (натуральный ковер 4×6 метров, собственная вешалка с тремя рожками, пульт, секретарша, нефигуративная картина «Устремленность», представительский бар). Согласно законам иерархии фирмы — а ни за чем более ревностно не следили служащие — на дверях кабинета вместо ординарной таблички с фамилией появилось значительное «Посторонним вход воспрещен».

Этот же день принес удачу и другому человеку, не знавшему не толь-

М. БЕЛЕНЬКИЙ

...И когда совсем не осталось у человека слез, он ушел их искать в джунгли.

Индийское предание

Мистер Греймпфер считал, что прежде чем достичь известного положения, он прошел все этапы уязвления собственного самолюбия. Его карьера началась с нулевой точки административного небоскреба «Америкен чикле компани оф Нью-Йорк», хотя образование и задатки вполне позволяли проскочить первый десяток этажей и начать, скажем, с кабинета в коридоре заведующих отделами (искусственный ковер 2×1,5 метра, нестандартный стол, два телефона). Однако надо признать, неприятный осадок не разросся в комплекс неполноценности. Более того, долгий послужной список позволял ему представляться «self-made man», то

ко о существовании мистера Греймпфера, но и о местонахождении «Америкен чикле компани оф Нью-Йорк». Можно смело предположить, что человек этот не слышал и о существовании Нью-Йорка, ибо, как и его предки, всю жизнь прожил в глухих джунглях Центральной Америки.

...Человек услышал глухой шум и с привычной настороженностью вскинул на руку висевший дулом вниз карабин. Кустарник трещал под напором стремительной массы — кто же там? В нос ударил тошнотворный запах. Человек сошел с тропы, уступая ее мчащемуся стаду пекари. Кабаны были чем-то встревожены, и всякая попытка сдержать свирепое стадо одним стареньким «лонграйфлом-22» была бы скорее похожа на жест человека, пытающегося ладонью заслониться от падающего дерева.

Охотничьи побасенки наделяют южноамериканских кабанов пекари упрямым и изобретательным в зло-

бе нравом: бывали, говорят, случаи, когда стадо окружало дерево, на котором укрывался незадачливый стрелок, и кабаны до тех пор подкапывали корни, пока ствол не падал.

Человек взял на мушку приотставшего самца килограммов под тридцать и нажал на спуск. Короткая отдача, пекари утыкается пяточком в землю. В минуту карабин задвинут за спину, кабанчик распластан отточенным мачете, и вот он уже болтается, подвешенный за ноги над огнем. Первым делом у него надо вырезать мускусную железу, распространяющую такую невыносимую вонь, что тропа, по которой проходит стадо пекари, пахнет даже сутки спустя!

Человек подкидывает в огонь несколько волглых сучьев — пламя задыхается в сочащемся влагой тропическом лесу. Еще бы, разгар сезона дождей.

Пожалуй, теперь он едой обеспечен надолго и снова может приняться за поиски чикле. Но дерево не прибежит к тебе навстречу, как пекари, его надо искать. Искать.

Единственной вещью, которую мистер Греймпфер взял из бывшего кабинета в новые чертоги, была щедро иллюстрированная портретами белозубых джентльменов биография «национального продукта, оздоравливающего рот и занимающего мысли». Из этого альбома любой несведущий мог сразу уяснить себе, что история жевательной резинки — всемирно известного «чуингама» — есть история «Америкен чикле компани оф Нью-Йорк». Жевательная резинка в ее нынешнем виде появилась в на-

◀ *На многие месяцы чиклеро остается один среди зеленого безмолвия.*

▼ *Качество индейской жвачки проверяют таким вот несложным способом.*

чале века, когда в Нью-Йорке очутился некий сейчас уже всеми забытый мексиканский генерал, погоревший на очередном мятеже. Генерал, человек нервный, что вовсе не мудрено при его профессии, безостановочно жевал какую-то эластичную жвачку.

— Старая привычка индейцев моих краев, — отвечал генерал на вопросы журналистов. Вот уж неумное племя: они и в рот норовят заглянуть!

Край генерала — это юг Мексики. Там у границы с Гватемалой в непроходимых джунглях растет дерево-каучуконос, зовущееся чикле. Из его сока и делают жвачку.

В тот же год один нью-йоркский аптекарь, заинтересовавшись экзотической новинкой, выписывает некоторое количество индейской резинки, опытной рукой смешивает ее с кукурузной мукой, сахарным сиропом и еще кое с чем (секрет фирмы), делит на дольки и предлагает гостям.

Вот так бесхитростно, как большинство гениальных находок, родился «чуингам». Родился, чтобы теперь, полвека спустя, стать фундаментом громадной фирмы с филиалами, разбросанными на всех континентах, кроме разве Антарктиды.

В июне в тропиках Центральной Америки устанавливаются дожди; они идут каждый день с двух до четырех. Идут с такой пунктуальностью, что в большинстве тамошних городов принято назначать деловые свидания «после дождичка».

Но это в городах. А в гватемальских джунглях некому назначать свидания, древесное царство ревниво оберегает себя от пришельцев. Наверное, в этом есть свой смысл: человек доньше приходил в джунгли лишь для того, чтобы вырубить делянку ценнейших деревьев, или раскрошить берег в поисках драгоценных камней, или бить редкого зверя. До сих пор никто планомерно не разрабатывал джунгли, а только грабил, грабил, грабил.

В июне несколько сот чиклерос уходят в джунг-

ли, маленькая армия рядовых при отделе сырья «Америкен чикле компани оф Нью-Йорк».

Район, где растет волшебное дерево, занимает около 150 тысяч квадратных километров. Его можно разделить на три зоны. В каждой растут свои разновидности чикле, в каждой действуют свои добытки.

Бартоломео Синьо — один из них. Он ищет разновидности чикле — дерево «яо» в гватемальских джунглях Петена. Ищет с тех самых пор, как убежал из гасьенды сеньора Пачеко, поставляющего свою продукцию американской компании «Юнайтед фрут». Бартоломео, как и все индейцы его округи, задолжал сеньору Пачеко сто двадцать песо. То есть вначале долг был совсем небольшой — всего лишь за один мешок бобов и два одеяла. Но из года в год долг рос, и никакая работа, даже сверхурочная, даже по праздникам и воскресеньям, когда работать совсем грех, не могла погасить долга в большой книге. И Бартоломео Синьо сбежал. О, это целая история, как он сбежал из барака, да еще вместе с женой и ребенком, и как за ним была верховая погоня. Но ему удалось уйти, и вот уже шесть лет он не выходит из джунглей Петена, выбираясь лишь в деревушку, чтобы сдать сок «яо» и кое-что купить. Таких, как он, здесь целый отряд.

В соседней Мексике, на севере Юкатана, чиклеро — почти сплошь беглые преступники, оставившие «на память» полицейскому управлению свои фотографии в фас и профиль, отпечатки всех десяти пальцев и пухлые биографии. В своей глуши они не страшатся полиции — джунгли надежная крепость, в ней можно укрыться от любой осады, благо кормит сок чикле.

В провинции Кинтана-Роо, что недалеко от Юкатана, драгоценное чикле приносят скупщикам индейцы, потомки толтеков, живущие по законам первобытной общины. Еще восемьдесят лет назад они взбунтовались и ушли в джунгли. Всё. Больше о них не вспоминают. Даже налоговые инспектора разводят руками, когда их спрашивают, на что существуют обитатели лесов.

Мистер Греймпфер, конечно, заслуженно поменял коридор заведующих отделами на коридор вице-директоров. Говорят, ему принадлежала идея, принеся фирме почти десятипроцентную экономию по статье «расходы на сырье». Ход был прост в теории, но на практике потребовал множества усилий, а главное — виртуозности в исполнении. Коротко, операция состояла в следующем: фирма покупала килограмм чикле у оптовика по три доллара. Что получали за него добытки, фирмы не касалось — каждый делает свой бизнес. Мистер Греймпфер предложил генеральному совету директоров увеличить запас на складе, создав приблизительно годовой задел. Закупочная цена при этом была повышена до трех долларов десяти центов. Затем, когда склады оказались забитыми, «Америкен чикле», монопольно контролируя рынок сладковатой жвачки, резко спустила закупочную цену до двух долларов. Оптовики начали было брыкаться. Не тут-то было: запас, созданный мистером Греймпфером, лишил их всех козырей. Кроме того, американец очень ловко пустил слух о завершении работ в лабораториях фирмы — уже несколько лет там пытались создать искусственный заменитель капризного чикле. Но, говоря по секрету, дело у экспериментаторов двигалось не очень спо-

ро. С другой стороны, плантации, высаженные по линейке, не принесли еще плодов: чикле не дает сока раньше сорокалетнего возраста. Но ничего этого поставщики не знали. Они отступили перед компанией, решив отыграться на сборщиках — чиклерос. Но это уже не касалось мистера Греймпфера.

«Нет дождей — нет чикле», — гласит местная пословица. Дожди превращают джунгли в ад: влага заполняет все, рождая мириады насекомых, москитов, клещей, муравьев и еще целый сонм ползучих и летучих кровопийц. Один из них — колмойот — проникает в кожу через поры. Мучительная боль начинается через неделю, когда он отложит яички. Извлечь его можно лишь так: к вспухшему месту подносят горящую сигарету и пытаются продержать ее дольше, чем выдержит колмойот.

Крохотная мушка йени, укусы которой вызывают адский зуд, способна за месяц превратить здоровую кожу в истертую шкуру.

«Земля у них уходит из-под ног... Оцепенение поднимается к животу», — писал о заболевших бери-бери бразилец Жозуэ де Кастро, один из известнейших специалистов по проблемам голода в мире. Бери-бери — болезнь, вызванная недостатком витаминов, приводит к полному истощению организма и в конце концов к смерти. Это настоящий бич тропиков.

Но это невидимые враги. А кроме них, существуют ядовитые скорпионы и змеи, ягуары и пумы, нападающие на спящего человека.

...С рассветом Бартоломео был на ногах. Отрезав кусок кабаньей ноги, он изжарил ее и съел с маниоковой лепешкой. Второй кусок он взял с собой — на обед. Привесил к поясу мачете в кожаных ножнах, перекинул через плечо карабин и пошел к реке: там росло его чикле, к которому он не приходил три года — срок, нужный дереву, чтобы вновь наполниться соком. У каждого чиклеро есть свои деревья. Да и то верно — чикле встречается настолько редко, что один ствол на гектар считается богатой плантацией. По дороге Бартоломео напился — не из реки, конечно, он уже не первый год мучился дизентерией. Он выбрал лиану потолще и, коротким взмахом перерубив ее в двух местах, зажал один конец, а второй поднес ко рту. Потекла чистая вода. Здесь тоже надо опасаться хитрости безжалостного леса: многие лианы ядовиты, и не очень сведущий человек рискует выпить несколько глотков отравы.

Найдя свое заветное дерево, Бартоломео захлестнул вокруг ствола крепкую петлю и, ловко упираясь пятками, вскарабкался на самый верх пятнадцатиметрового гиганта. Наверху он вынул мачете и стал спускаться вниз, нанося на поверхность коры V-образные надрезы. Чикле брызжет из ран, но чтобы собрать 5—8 килограммов драгоценного сока, надо иссечь весь ствол от макушки до подножия — этим, кстати, чикле отличается от знаменитого каучуконоса — гевеи, которую серингейрос надрезают лишь в одном месте, на уровне человеческого роста.

Сок чикле собирается в особый прорезиненный мешок, а затем добычу доставляют на стоянку. Целую неделю чиклеро методически обследует окрестности, а в субботу приступает к изготовлению каучуковых кирпичей. Сок долго кипятят в чане — обычно он один на несколько сборщиков. Чан да палка для помешивания — вот и весь «агрегат» по изготовлению латекса.

Когда варево загустеет и станет однородной, чуть желтоватого цвета массой, чиклеро разливает его в специальные дощатые формы с намыленными стенками, а затем высушивает кирпич на редком солнце.

Готовый груз в заплечном мешке с лямкой, надеваемой на лоб, — руки ведь должны быть свободны, чтобы держать мачете и пробивать дорогу, а в случае чего, схватить карабин, — несут в деревню, примостившуюся у кромки зарослей. «Драгоценность ноши делает драгоценной жизнь», — пишет французский путешественник Рене Тевенен, проживший сезон бок о бок с охотниками за жевательной резинкой. Размытые тропки, прогнившие доски, брошенные на болотную жижу, откуда перископами выступают глаза аллигаторов, а порой и пуля в спину от охотника за охотниками — вот что подкарауливает чиклеро, если он сумел до этого избежать всех ловушек девственного леса.

В деревушке его ждет ареопаг судей — перекупщик и десяток подручных с внушительными торсами, перепоясанными широкими ремнями с револьверами. Острым ножичком скупщик отковыривает краешек брикета. Решающий миг для чиклеро: сейчас ему назовут цену. Если процент воды покажется скупщику слишком высоким, он вообще может забраковать партию, и придется заново выпаривать чикле, заново лепить кирпичи. Если все будет в порядке, искатель чуингама унесет домой двенадцать песо за тридцать килограммов чикле. А сейчас, после удачной операции мистера Греймпфера, он получит и того меньше.

Мистер Греймпфер продумывает новую кампанию по рекламе: телевизионный конкурс «Кто кого пережует?», новая песенка «Мы с любимым только и жуем»; договор с продюсером ударного боевика — в решающей сцене гангстер и полицейский должны жевать чуингам; статья известного профессора-стоматолога в газетах. Солидно и ненавязчиво профессор напомним, что жевательная резинка — целых полграмма чистого чикле в одной пастилке! — панацея от всех болезней зубов. От дурного запаха, как и дурного настроения, избавиться так просто, купив за «дайм» (десять центов) пачечку чуингама!

И разве придет какому-нибудь покупателю в голову, что сейчас, в шестидесятых годах космического столетия, где-то на задворках мира гибнут люди, добывающие не что иное, как... жевательную резинку? В джунгли уходят не первооткрыватели земель, не ученые-натуралисты, рискующие собой ради познания тайн живой природы, не этнографы, изучающие многообразие рода человеческого, не искатели редких трав и даже не авантюристы, жаждущие рискованной, но скорой наживы на золоте или алмазах. Нет. Уходят люди регулярного изнурительного труда, в тридцать пять лет превращающиеся в полуживые скелеты, люди, живущие на гроши ради забавы, что приняла всемирные масштабы.

Кому близки и кому нужны эти люди? Когда истощается их здоровье и силы, могучее племя дельцов сплюнет их, как изжеванную резинку, и вновь поманит готовых на все новобранцев надежд и отчаяния.

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

КАНДИДАТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК Х. ДАНИЯРОВ:

Однажды в наш институт старик узбек принес пожелтевшую рукопись. Сорок страниц ее были заполнены сложнейшими математическими определениями и терминами, толкованиями лунного, солнечного и грегорианского календарей, уникальными сведениями по истории узбекского народа.

В рукописи приводятся... 46-значные числа. Даже сейчас мало в каких областях науки употребляются такие числа.

Не является ли это наследием математической школы великого Улугбека? А в конце рукописи приводится список девяноста двух древних узбекских племен, представляющий огромный интерес

для этнографов. Авторы, составившие этот труд в конце XIX века, явно пользовались какими-то старинными источниками.

И самое любопытное, что вся рукопись, все математические объяснения и научные понятия изложены... стихами.

ЕЩЕ ОДНУ ЗАГАДКУ УЧЕНЫМ задавала древняя земля Великого Новгорода.

В слоях XI века археологи обнаружили колесо самого древнего колесного экипажа, который когда-либо находили археологи в Новгороде. До сих пор считалось, что такой транспорт появился здесь лишь во времена Петра Первого, а раньше все перевозки внутри города, даже летом, осуществлялись на сани, волоком, а с внешним миром новгородские купцы поддерживали связь по рекам.

Находка эта удивительна еще и тем, что тележные колеса такой конструкции археологи находили раньше только под... Киевом. Неужели колесо «прикатилось» на деревянные мостовые «господина Великого Новгорода» через тысячи километров бездорожья и лесов?

ДОЛ — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ПРОЕКТ создания канала, который соединит Дунай, Одру и Лабу. По проекту чехословацких ученых, будущий канал начнется от Братиславы, затем пойдет параллельно притоку Дуная — Мораве, потом частично сольется с ее руслом и у города Пршерова будет разветвляться: на запад до реки Лабы и на север к долине Одра. ДОЛ, по замыслам проектировщиков, создаст единую водную систему, связывающую Черное, Балтийское и Северное моря. Пражская экономическая газета «Господаржские новости» называет ДОЛ одним из крупнейших проектов, созданных за последние годы в Европе.

«ХОЛОДНЫЕ ПЯТНА» НА СОЛНЦЕ. Итальянский астрофизик Гульельмо Ригини заявил, что данные, полученные во время наблюдения последнего солнечного затмения, позволяют сделать вывод о существовании на Солнце так называемых холодных зон. «Холодные зоны», поясняет Ригини, имеют температуру около 2000 градусов.

(По материалам советской и зарубежной прессы)

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Гравюра В. Фаворского, лунный и земной глобусы, макеты Красноярской ГЭС и будущего города Айхала... Перед вами фотографии экспонатов, тех, что отправились в далекий Монреаль на Всемирную промышленную выставку 1967 года. Там, за океаном, на островке, специально намытом посреди реки Маккензи, они вместе с десятками, сотнями других экспонатов расскажут о Стране Советов.

Четыре экспоната — из многих сотен... Но, как известно, в капле отражается океан. То, что увидит и почувствует посетитель Советского павильона, — дерзание, творчество, достижения нашего народа — в полной мере отразилось и в этих четырех. Тем более что каждый из них не простая капля, а саоего рода тоже океан...

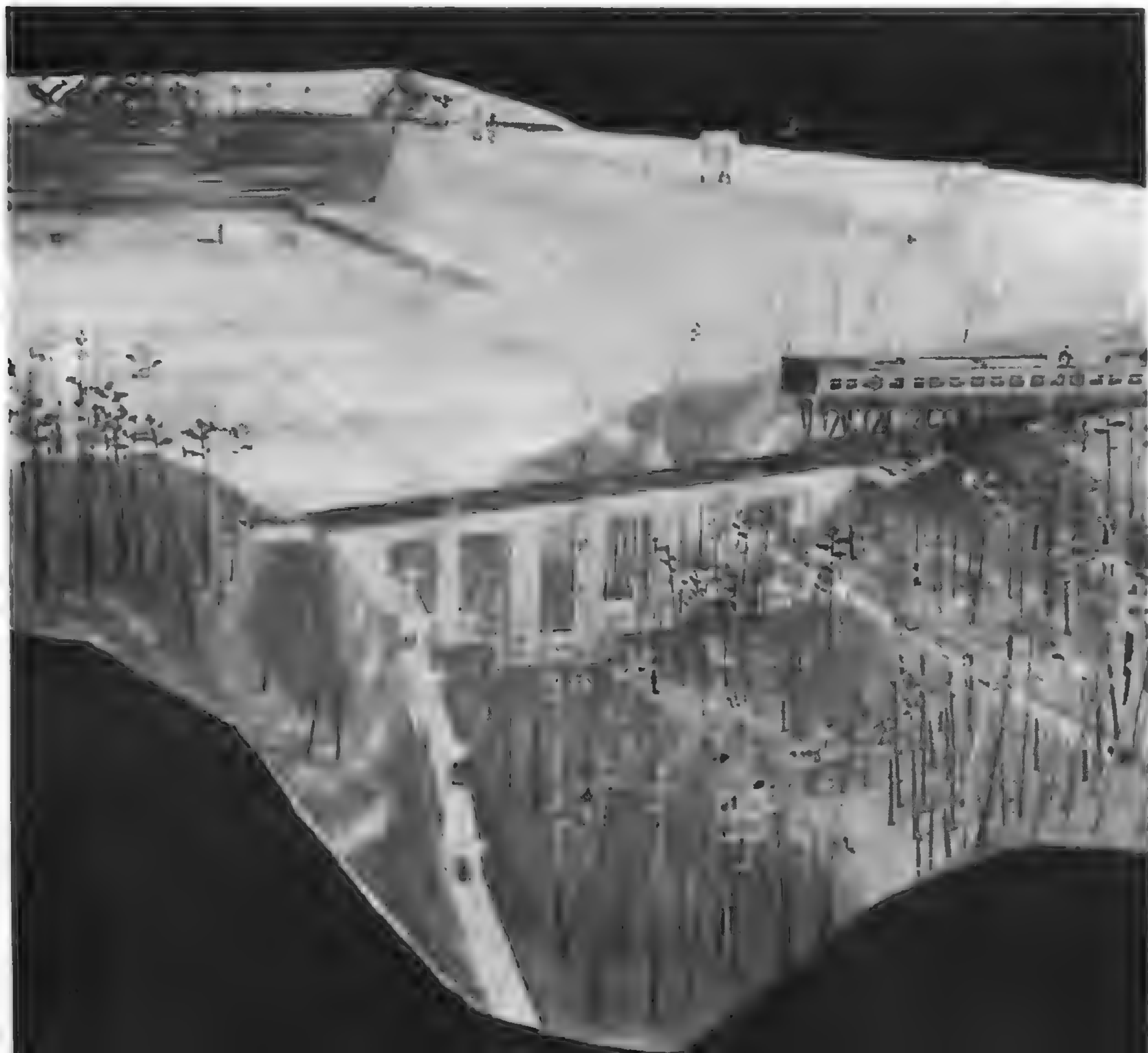

Что вспоминает человек, думая о знакомых с детства местах своей Родины? Песчаный плес на тихой среднерусской речке, или заедающую под ветром весеннюю степь, или укрытые снежными шапками головы гор... А может быть, лес? Напоенную солнцем и радостью белоствольную рощу берез, сумрак ельника, золото облетающих осин...

Лес. Русский лес. «Лес входит в понятие отечества», — писал Леонид Леонов. Эти слова воспринимаешь как непреложную, неоспоримую истину, когда глядишь на гравюру одного из лучших наших художников, Владимира Фаворского, так остро чувствующего родную природу. Думается, что и тот, кто будет стоять перед этим творением в Монреале, проникнется обаянием нашей земли. Прекрасной, богатой, щедрой к человеку. Но земля щедра лишь к тем, кто сам богат душой, кого влекут дороги нехоженые, края неисследованные...

Когда-то бесплодная, холодная Якутия открылась сегодня человеку ищущему как сокровищница алмазов, золота, вольфрама, нефти. Но в Якутии мало солнца, природа поскупилась на него. И вот в зоне вечной мерзлоты, недалеко от Полярного круга, люди задумали строить солнечный Айхал.

Айхал — город-мечта, город-сказка, спроектированный молодыми романтиками. В этом городе не будет полярных ночей. Зимние сады, фотарии, озонирование. Город на 5 тысяч жителей с искусственным климатом; восемь пятиэтажных домов, соединенных двумя крытыми улицами-галереями, с торговым центром, кинотеатром, стадионом, магазинами, школой. Город из стекла, алюминия, пластмасс. Наверное, не один посетитель Советского павильона в Монреале, остановившись перед макетом будущего Айхала, поймает себя на мысли, что о таком городе только мечтали фантасты.

Думая о Родине, ты не можешь не вспомнить трепещущую на ветру палатку, что была твоим домом, и первый настоящий дом, и первую просеку — улицу, проложенную в тайге, и мощное тело плотины, преградившей путь непокорной реке...

«В своей жизни не видел реки великолепнее Енисея. Какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега!» — это было сказано Антоном Павловичем Чеховым. Для проектировщиков Красноярской ГЭС великолепие сибирской реки предстало в цифрах: ширина до километра, течение — 11 метров в секунду.

Первые агрегаты Красноярской ГЭС будут пущены к 50-летию Советской власти. Сто волховских гидростанций — проектная мощность Красноярской ГЭС — 5 миллионов киловатт — начнут отдавать свою энергию хозяйству края.

Свет с берегов Енисея разольется широко и вольно...

Думая о Родине, вспоминаешь, как однажды в пути, найдя приют на опушке соснового бора, ты, погрузившись взглядом в звездную опрокинутую над тобой чашу, заметил новую яркую бегущую по небосводу звезду...

Еще десять лет назад все мы, исключая разве тех, кто работал над первым искусственным спутником планеты, и представить себе не могли, что в очень скором времени, всего лишь через два года после запуска космического первенца, наша ракета поведает людям о том, что находится на обратной стороне земной спутницы. А еще через несколько лет мы будем держать в руках снимки поверхности Луны, переданные станцией, прилуненной советскими учеными. И будем удивлять весь мир первым «космическим» глобусом — глобусом Луны. Верно, не один из тех, кто увидит на выставке этот глобус рядом с глобусом Земли, вспомнит дерзкое предсказание Циолковского: «Я верю, что многие из вас станут свидетелями первого заатмосферного путешествия».

Ты первая, Родина, преодолела земное притяжение, и достижение это — твой неоцененный дар, дар страны социализма, земле людей.

«Все во имя человека, все для блага человека» — таков девиз Советского павильона на Всемирной промышленной выставке 1967 года.

АЛЕКСАНДР ЛУКИН

...Между тем поток фашистского отступления подкатывал к Львову. Все дороги были загромождены автомобилями, повозками, мотоциклами. Бежали офицеры и чиновники оккупационных ведомств, семьи оккупантов, предатели, пытавшиеся уйти от возмездия. Бежали в панике, дрались за места в машинах; за железнодорожные билеты и бензин платили бешеные деньги.

И с тем большей яростью вымещали они свою звериную злобу и страх на мирных жителях Западной Украины. Как некогда, бесчинствовали каратели: сжигали дома, расстреливали стариков и детей, угоняли в Германию всех трудоспособных, уничтожали все, что не могли вывезти. Это называлось политикой выжженной земли.

С наступлением нового 1944 года фронт почти вплотную приблизился к Ровно. Шла сплошная эвакуация. Рейхскомиссар Украины Эрих Кох так торопил-

Поздней осенью 1943 года наш особый чекистский отряд, которым командовал Герой Советского Союза Д. Н. Медведев (и где я был заместителем командира по разведке), разгромив посланную против нас карательную экспедицию генерала Пиппера и оторвавшись от преследования, совершил тяжелый столятидесяткилометровый переход по лесам, топям, проселкам, бездорожью. Местом временной стоянки был избран лес близ села Велки Целковичи. Здесь бойцы смогли отдохнуть, набраться сил.

Шестого ноября войска Красной Армии освободили Киев. Фронт все ближе и ближе подходил к государственной границе. Вначале исподволь, а потом все более поспешно гитлеровцы эвакуировали оккупационные учреждения из Ровно. Гигантский аппарат поспешно переводился во Львов.

Для нас, разведчиков, даже временный отрыв от источников информации, в которой так нуждалась наступающая Красная Армия, был крайне нежелателен. Поэтому было решено, что я с группой основных разведчиков, работавших в Ровно, и ротой Льва Ермолина временно вернусь в Цуманские леса. Во время перехо-

да ночью 19 декабря, как раз в канун нашего праздника — Дня чекиста — на нас, к своему несчастью, напоролся целый выпуск школы военных старшин так называемой «Украинской повстанческой армии». Как потом выяснилось, ночной марш был для этих предателей... выпускным экзаменом. Несостоявшихся старшин мы разбили наголову и взяли хорошие трофеи: тяжелый пулемет, миномет, оружие и боеприпасы. И самое главное — нам досталось больше сотни новеньких, еще не выданных старшинских дипломов, украшенных печатями и витиеватыми подписями.

ся удрать, что даже традиционный рождественский вечер устроил на два дня раньше, чем полагалось по календарю.

Нам, разведчикам, нужно было, не теряя времени, учитывая стремительные темпы наступления Красной Армии, снова трогаться с места — на запад. Целью был Львов.

Подыскать квартиры, установить связи с надежными людьми, обнаружить места расположения штабов, складов, узлов связи, сеять панику среди оккупантов, выявлять лиц, которых фашистское командование и руководство украинских буржуазных нацио-

ЛЬВОВСКИЙ АККОРД

РЕЙД В ТЫЛУ ВРАГА. — РАЗВЕДЧИКИ ПОЛУЧАЮТ ЗАДАНИЕ. — ОСОБАЯ МИССИЯ КУЗНЕЦОВА. — ФАШИСТЫ НАПАДАЮТ НА СЛЕД. — ЗНАКОМСТВО В РЕСТОРАНЕ «ЖОРЖ». — КАЗНЬ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА. — ВЫЗЫВАЕМ ОГОНЬ НА СЕБЯ. — КАРТА, СОСТАВЛЕННАЯ РАЗВЕДЧИКАМИ. — ГОРОД БУДЕТ СПАСЕН.

налистов оставит в городе для шпионажа и диверсий, — с таким заданием решено было заслать во Львов небольшую группу разведчиков. Наконец, им было поручено разведать фашистский план минирования Львова.

Шестого января 1944 года группа в составе двадцати одного человека под командованием Бориса Крутикова начала свой трудный и опасный путь.

Николая Кузнецова мы тоже решили отправить во Львов, но совершенно самостоятельно, в сопровождении лишь двух человек: Яна Каминского и шофера Ивана Белова.

Во Львове наряду с основной разведывательной работой Кузнецов должен был осуществить акт возмездия над губернатором Галиции или его заместителем.

Кузнецов выехал в Луцк 15 января 1944 года. В Луцке с помощью группы связанных с нами польских патриотов он «обменял» свой, уже приметный автомобиль на новенький серый «фнат» местного гебитскомиссара и 18 января отправился дальше — во Львов. Накануне в одной глухой деревушке под Луцком я в последний раз в жизни встретился с этим замечательным разведчиком. Я прибыл туда в сопровождении нескольких бойцов и врача отряда Альберта Цессарского, чтобы уточнить задания, поручаемые Кузнецову, и «продлить» его командировочное удостоверение и прочие документы, выданные на имя гауптмана Пауля Зиберта.

...Группа Крутикова ушла хорошо вооруженная, под видом отряда бандеровцев, выполняющих особое задание. Всех бойцов мы снабдили подлинными дипломами школы военных старшин. Теми самыми дипломами, что мы взяли в памятном ночном бою. И все же группа смогла пробиться к намеченному пункту лишь с большими потерями. Несколько наших боевых товарищей — Валентин Шевченко, Наташа Богуславская, Андрей Величко, радист Бурлак геройски погибли в боях. Только 19 января оставшаяся часть группы Крутикова подошла к селу Гуте-Пеняцкой, где вступила в контакт с небольшим местным отрядом польских патриотов под командованием Казимира

Войцеховского. В Гуте Борис Крутиков и решил обосноваться.

Разведчики Степан Петрович Пастухов и Михаил Пантелеевич Кобеляцкий выехали во Львов. Прибыв в город и остановившись у отца Казимира Войцеховского (Казимир дал к нему письмо), Пастухов и Кобеляцкий отправились по разным адресам разыскивать старых знакомых. Неудача следовала за неудачей. Одни выехали еще до оккупации. Другие погибли. Третьи перебрались в деревню. Попадались и такие, которые здравствовали и никуда не выезжали, но им нельзя было доверять — сотрудничали с гитлеровцами.

Только к вечеру Степану Пастухову повезло. На Лычаковской улице он встретил давнего сослуживца Руденко, некогда работавшего дорожным инженером. Пастухов держался осторожно, сказал, что он с товарищем эвакуировался из Ровно, где работал в военно-строительной конторе, что дела его обстоят неважно и что он нигде не может найти жилья. Руденко предложил на первых порах остановиться у него.

Пастухов после долгого прощупывания дал понять Руденко, что они с товарищем партизаны, но, разумеется, ни словом не обмолвился о цели визита. Руденко встретил признание без удивления, видимо, догадывался об этом и сам.

— Выкладывай все, что считаешь нужным, — сказал он, — что могу — сделаю.

— Для начала нужны проверенные люди, — перешел к делу Степан, — у которых можно остановиться, переночевать.

— Есть такие люди, наши, советские, — ответил инженер и дал Пастухову несколько адресов. Потом добавил: — Советую приглядеться к моим жильцам. Немцев ненавидят, на них вполне можно положиться. Два брата. Ребята еще молодые.

Руденко оказался прав. Братья Дзямба — Василий и Юлиан действительно были людьми подходящими, они охотно согласились выполнять все поручения.

Василий Дзямба свел Пастухова и Кобеляцкого со своим другом Владимиром, или, как его называли друзья, Дзюником Паичаком, у которого в доме 23 по улице Николая была превосходная квартира. В квартире был еще ход с кухни прямо на чердак. Именно это обстоятельство и прельстило разведчиков.

Паичак оказался очень полез-

ным помощником. Он назвал десятки квартир, где жили крупные военные чины, перечислил имена тех, кто сотрудничал с гитлеровцами.

Теперь, располагая надежным убежищем, Пастухов и Кобеляцкий смогли приступить к выполнению главного задания. С утра до вечера они ходили по городу, подмечая наметанным глазом военные объекты врага: склады, казармы, зенитные батареи, места постоянного скопления войск.

Вокзал был объектом № 1 для диверсий, но проникать туда без соответствующих документов было трудно и небезопасно. Пастухов обратил внимание на многочисленных «возпарей» — носильщиков с маленькими тележками.

— Вот что нам нужно, — шепнул он Кобеляцкому, — с такой тележкой куда хочешь можно пройти — и в залы ожидания и на перроны.

Разведчики тут же остановили первого встречного возпаря и тонким, не допускающим возражений, потребовали документы. Возпарь, приняв их за полицейских, послушно предъявил аусвайс и патент на право работы. Внимательно изучив документы и задав несколько вопросов, Пастухов узнал, какие бумаги и где им следует раздобыть. Потом на помощь пришли Паичак и Василий Дзямба, вернее, их друг пан Владек. Так отрекомендовался бывший капитан польской армии Владислав Бик, игравший видную роль в подпольной организации польских патриотов. Уже через два дня он обеспечил Пастухова и Кобеляцкого требуемыми аусвайсами, патентами и номерами на тележки. Теперь в поле зрения разведчиков попали эшелоны, идущие к фронту и с фронта.

Однажды разведчиков едва не настигла беда: полиция нагрянула на квартиру Паичака. Трудно сказать, что вызвало этот визит: то ли выследил тайный агент гестапо, то ли о подозрительных жильцах донес кто-то из соседей. Во всяком случае, в два часа ночи в наружную дверь загрохотали.

— Не открывай, пока не уйдем на чердак, — шепнул Пастухов хозяину.

Поспешно одевшись, разведчики на цыпочках стали подниматься по скрипучей лестнице. Паичак в одном нижнем белье, громко зевая, пошел к двери.

— Кто там? — нарочито заспанным голосом спросил он.

— Открывай! Шнель! Шнел! — раздалось за дверью.

Панчак отворил. В прихожую тут же вломились несколько жандармов и полицаев. Но разведчики еще не успели скрыться. Заметив беглецов, один из полицейских с пистолетом в руке кинулся к ним. Но Пастухов прореагировал быстрее: раздался выстрел, и фашист рухнул с нижней ступеньки на кухонный пол. Растерявшиеся полицаи, толкая друг друга, бросились вон.

Воспользовавшись суматохой, Панчак, в чем был, тоже кинулся на чердак. Через слуховое окно все трое выбрались на крышу и, скользя по покатою железу, поползли подальше от опасного места. Первым побуждением Пастухова было как можно скорее спуститься вниз и бежать. Но за протекшие несколько минут жандармы пришли в себя и оцепили весь квартал. Разведчики поползли по крышам под беспорядочным автоматным огнем метрострел, когда Панчак тронул Кобеляцкого за плечо...

— Ты что?

У Дзюника от холода зуб на зуб не попадал. С трудом выдавливая слова, он проговорил:

— Здесь живут только офицеры.

Разведчикам ничего не надо было объяснять. Вниз! Через окошко они протиснулись на чердак. Здесь было тепло и сухо. Когда Пастухов неосторожно шагнул, что-то покатилося с ржавым звоном. Степан сдавленно чертыхнулся: должно быть, жильцы сваливали на чердаке всякий хлам.

Пока беглецы обследовали на ощупь свое ненадежное убежище, на улицах не смолкали выстрелы. Фашисты прочесывали квартал, не пропуская ни сараев, ни дворовых уборных. Чердаки прошивали автоматами очередями, в подвалы, прежде чем спуститься, швыряли ручные гранаты. Обыска не избежала ни одна квартира, ни один дом. Кроме того, где укрылись разведчики. Фашисты просчитались: заселенный исключительно гитлеровцами дом не вызвал у них ни малейшего подозрения.

Перед рассветом повалил густой пушистый снег и мягкой пеленой укрыл следы на крышах... Утром фашисты сняли оцепление, оставив лишь по полицейскому на каждом углу квартала.

Целый день провели разведчи-

ки на чердаке. В сумерки, при одев несколько Панчака, они бесшумно спустились по черной лестнице во двор, перемахнули через забор и ушли на квартиру Руденко. В доме Руденко разведчиков ожидал не слишком приятный сюрприз: шесть немецких солдат, явившихся на постой. К счастью, ночь прошла благополучно, а утром Пастухов и Кобеляцкий перебрались на новое жилье — на улице Лелевеля. Они сняли угол с харчами у стариков Шушкевичей.

Своих жильцов Шушкевичи считали вокзальными возпарями и ни о чем не расспрашивали. Неделью разведчики прожили здесь спокойно, занимаясь исключительно своим заданием, пока к Пастухову где-то на улице Легионов не прицепился шпик. Три часа кряду, куда бы ни шел Степан, как ни хитрил, шпик петлял за ним неотступно. Тогда Пастухов быстро направился в сторону Краковского базара. Расчет был правилен — этот зловещий район, где гитлеровцы расстреляли десятки тысяч людей, все обходили как зачумленный.

Пастухов круто свернул на узкую и темную улицу и стал за углом. Шпик выскочил, запыхавшись, из-за поворота, и Степан выстрелил... Домой удалось вернуться без приключений.

В тот же вечер Кобеляцкий рассказал Пастухову, что, по слухам, в последние дни фашисты непрерывно свозят боеприпасы в Стрийский парк. Друзья решили проверить это, не откладывая.

Действительно, сквозь провололочный забор, ограждавший парк, Степан Петрович и Михаил легко разглядели штабеля ящиков с боеприпасами. Они уже собирались уходить, как вдруг увидели на тропинке парка, ведущей к казармам, гитлеровского полковника. На этот раз автором меткого выстрела стал Кобеляцкий.

Однажды — это было в начале февраля — возле театра остановился, резко затормозив, серый «фиат». Пастухову показался знакомым офицер, сидевший на переднем сиденье рядом с шофером.

— Видел? — тихо спросил он Кобеляцкого. Тот кивнул головой.

— Он? Я не ошибся?

— Он, — уверенно подтвердил Михаил. — Ну, теперь жди больших дел.

Долго ждать не пришлось: через три дня Львов, как в свое время и Ровно, был необычайно возбужден. На базарах и в трамваях, в магазинах и возле газет-

ных киосков люди передавали друг другу самые фантастические подробности о том, как неизвестный гауптман среди бела дня убил вице-губернатора Галиции Бауэра и начальника канцелярии Шнайдера.

Кто был этот гауптман, откуда, почему стрелял в высокое начальство — на эти вопросы давали тысячи ответов и все разные.

Но одна деталь присутствовала во всех рассказах и особенно поражала воображение: прежде чем стрелять, гауптман якобы спросил у Бауэра... его фамилию! А потом уехал. Спокойно сел в поджидавшую его машину и уехал.

Разведчики ликовали. По «почерку» блестяще осуществленного акта возмездия им было ясно, что это дело рук Грачева (под этой фамилией знали товарищи по отряду Николая Ивановича Кузнецова).

Тринадцатого февраля Пастухов купил у мальчишки на улице местную газетенку, издававшуюся оккупантами на украинском языке, и с удовольствием прочитал запоздалое сообщение:

«9 февраля 1944 года вице-губернатор д-р Отто Бауэр, шеф правительства дистрикта Галиция, пал жертвой большевистского нападения. Вместе с ним умер его ближайший сотрудник, испытанный и заслуженный начальник канцелярии президиума губернаторства дистрикта Галиция ландгерихтсрат д-р Гейнрих Шнайдер. Они погибли за фюрера и империю».

Мальчишка-разносчик так и не понял, почему довольно мрачного вида дядько вдруг отвалил ему за газету столько денег, сколько он не зарабатывал и за весь день.

...Гауптману Паулю Зиберту и его спутникам удалось довольно легко добраться до Львова. Но здесь начались трудности. Город был переполнен офицерами, чинами военной администрации, полицией. Поезда с востока каждый день доставляли все новых и новых оккупантов, убегавших от Красной Армии.

К тому же гитлеровцы, бессильные навести порядок в своем тылу, видели единственное спасение в усилении репрессий. Бесчисленные патрули на каждом шагу проверяли документы не только у местных жителей, но и у военных.

К концу первого дня пребывания во Львове, усталый и обеспокоенный, Кузнецов, наконец, при-

казал Белову остановиться возле подъезда лучшего во Львове ресторана «Жорж».

— Зайдем, хоть поужинаем, — предложил он Каминскому, — авось что-нибудь подвернется.

Кузнецов и Каминский, бросив услужливому швейцару шинели, вошли в сияющий зал и стали у колонны, высматривая свободный столик. Бравурно гремел на эстраде оркестр, растекались под потолком ватные клубы табачного дыма, звон посуды сливался с шумными возгласами. В дальнем углу пьяно рыдал, уронив на залитую скатерть голову, молодецкий лейтенант-тайкист.

— Мда-а-а, — протянул Кузнецов, — пир во время чумы. Что будем делать, Ян? И присесть некуда.

И тут ему повезло. Подполковник, который занимал небольшой столик, поманил Кузнецова пальцем и дружелюбно сказал:

— Прошу вас, гауптман, если вы без дам, можете присаживаться.

Николай Иванович и Каминский не преминули воспользоваться приглашением. Подполковник был пожилой усталый человек с нездоровым цветом лица и отеками под глазами. Перед ним стояла почти не тронутая бутылка сухого вина. Ел он отварную курицу, видимо соблюдая диету.

Кузнецов заказал довольно скромный ужин и тоже бутылку сухого. Подполковник оценил деликатность соседей; их сдержанность, редкая в «Жорже», ему понравилась.

— Недавно во Львове, гауптман? — спросил он.

— Мы с другом только что из Луцка, — с готовностью ответил Кузнецов.

— Фронтовик? — подполковник кивнул на кресты Зиберта.

— Бывший, — огорченно сказал Кузнецов, — после ранения служу по хозяйственной части.

Подполковник сочувственно улыбнулся.

— Понимаю вас, гауптман. Я бы тоже предпочел сейчас быть на передовой, чем здесь...

Они разговорились. Подполковник оказался старым кадровиком, участвовавшим еще в первой мировой войне. Он был достаточно умным человеком, чтобы понимать неизбежность близкого конца. Было что-то безнадежно тоскливое в его тусклых глазах, в неверных движениях рук. Один сын подполковника погиб на Восточном фронте, другой — тяжело ранен в самой Германии оскол-

ком английской бомбы. Чувствовалось, что войну старый офицер считает бессмысленной авантюрой.

Такого человека Кузнецов встречал среди германских офицеров впервые. Но когда тот назвал, изумлению Николая Ивановича вообще не было границ. Судьба свела его с самым в принципе опасным для него человеком: с заместителем военного коменданта Львова фон Остенем! Это была неслыханная удача, по крайней мере для начала.

Когда все трое поужинали, подполковник попросил Зиберта вызвать по телефону машину из комендатуры.

— О, зачем же вам ждать, господин подполковник! — воскликнул Зиберт. — Мой «фиат» у подъезда, сочту за честь подвезти вас к дому.

Фон Остен согласился, спросил только, не может ли и он быть чем-нибудь полезен.

— Вот только... — как бы в нерешительности протянул Кузнецов, — мы во Львове впервые. Не подскажете ли вы гостиницу потише, где можно отдохнуть несколько дней?

Фон Остен рассмеялся.

— Город забит от подвалов до чердаков. Сейчас искать слишком поздно, переночуйте с вашим другом у меня, а завтра я вам дам направление в офицерскую гостиницу при комендатуре. Я один, жена в Германии, а места много...

Кузнецов для вида долго отнекивался. Но подполковник, которому хотелось провести остаток вечера в обществе приятных собеседников, все же «уговорил» его.

— А наш шофер? — спросил Кузнецов.

— Найдется место и для него. При гараже есть небольшая комната.

Вечер прошел превосходно. Кузнецов, Каминский и фон Остен сидели в уютной гостиной служебного особняка, пили кофе с ликером, наслаждались мягкой музыкой, лившейся из полированного «Телефункена» и беседовали, как говорится, по душам.

И ни подполковник, ни его ординарец, ни даже Каминский не обратили внимания, как Кузнецов на минутку отлучился из комнаты. Он вышел в переднюю, свернул по коридору к туалету и... незаметно прихватил из груды запечатанных и распечатанных конвертов, валявшихся на подзеркальном столике, уже примеченный картонный квадратик.

Теперь он располагал очень ценным документом: пропуском в городской театр на совещание военной и гражданской администрации Львова. С докладом должен был выступить сам губернатор Галиции Вехтер.

Кузнецов ничем не рисковал: он знал из разговора, что завтра фон Остен весь день будет дежурить в комендатуре и ни на какое совещание, разумеется, не пойдет. Поэтому Николай Иванович резонно полагал, что подполковник и не подумает искать задевавшийся куда-то заведомо ненужный ему пригласительный билет.

Утром разведчики покинули дом заместителя военного коменданта. Прощаясь, фон Остен сунул Зиберту направление в гостиницу и листок из блокнота с номером своего личного телефона.

К восьми вечера Кузнецов направился в театр. Он беспрепятственно миновал несколько рядов оцепления, занял удобное место в партере и... прослушал полуторачасовой доклад Вехтера, из которого запомнил много интересных подробностей о планах врагов по подготовке обороны Львовского района. Но застрелить губернатора в театре ему не удалось: к президиуму из зала никого не подпускали. В канцелярии Вехтера, куда позвонил Николай Иванович на следующий день, чтобы просить о приеме, ему сказали, что губернатор заболел и по крайней мере неделю не будет выходить из дому.

Пришлось менять планы иа ходу.

...Около восьми утра 9 февраля 1944 года возле музея Ивана Франко, почти напротив особняка вице-губернатора Галиции, остановился серый «фиат». Видимо, что-то случилось с мотором, так как после нескольких безуспешных попыток снова тронуться с места солдат-шофер вылез из машины, откинул капот и надолго погрузился в железное чрево двигателя.

Потом снова хлопнула дверца — иа мостовую вышел гауптман и принялся отчитывать солдата.

Минут через пять к подъезду особняка, разбрызгивая талую воду, подкатил длинный черный «мерседес», а ровню в восемь из подъезда вышли на улицу двое. Один — постарше — на ходу зябко укутывал шею теплым шерстяным шарфом. Шофер «мерседеса» услужливо распахнул дверцу.

И тут, словно вспомнив что-то, гауптман перестал ругать своего водителя и быстро пересек улицу.

— Прощу прощения, — обратился он к тому, что был постарше, — вы доктор Бауэр?

— Да, — подтвердил вице-губернатор, застегнув, наконец, непослушную пуговицу у горла. — В чем дело?

— У меня для вас секретный пакет...

Гауптман сунул руку за борт шинели и тут же выдернул. Но вместо пакета в его ладони тускло блеснула вороненая сталь. Прогрели два выстрела. Потом воздух разорвала автоматная строчка: это Ян Каминский из окошка «фиата» прошил часового у вице-губернаторского особняка и шофера черного «мерседеса».

только трупы четырех титлеровцев — и фантастические слухи, подобно снежной лавине, хлынули на город...

...Вот как произошло в действительности событие, о котором Пастухов и Кобеляцкий прочитали в фашистской газетке.

Прошло два месяца. В ночь на 10 апреля советские самолеты впервые совершили налет на фашистские военные объекты во Львове. За день до этого над городом появилось звено наших истребителей и сбросило листовки. Советское командование заранее предупреждало жителей о готовящемся налете, чтобы те имели возможность укрыться в безопасных местах. В доме № 17 по улице Лелевеля бомбоубежищем служил глубокий подвал с толстыми каменными стенами и перекрытиями. И никто из соб-

ми и тире узкий, как игла, луч электрического фонарика. Нервно, настойчиво требовал он сбросить бомбы в этот район города. И, послушные его самоотверженному призыву, советские летчики выводили свои машины точно на цель и уверенно нажимали на рычаги бомбосбрасывателей. Не у одного из этих асов, должно быть, больно стучало сердце при мысли о тех, кто там, внизу, окруженный врагами, шел на подвиг, вызывая огонь на себя.

Пастухов и Кобеляцкий хорошо изучили и саму улицу Лелевеля и прилегающие улицы Мохнатского, Колеча, Рutowского, Зимарович. Их цепкая память надежно вобрала и склад горючего, и места расположения воинских частей, и казармы жаидармерии, и немецкую типографию. Бомбы легли точно...

Последующие дни Степан Петрович и Михаил внимательно следили за передвижениями войск, за прокладкой полевых телефонных кабелей; установили, где находится штаб гарнизона, обнаружили крупные склады на Городецкой улице и в соборе святого Юра. Особо они примечали те здания, которые заминировали фашисты. Как нельзя кстати оказалось то, что Пастухов в прошлом был инженером коммунального хозяйства Львова и знал город и его подземные сооружения как свои пять пальцев.

Первого мая разведчики решили сделать Родии достойный подарок. На сей раз объектом был избран Львовский железнодорожный вокзал. Все пути были забиты вагонами. В этот день здесь скопилось несколько эшелонов с войсками и боеприпасами, следующими на фронт под Тернополь и Броды.

Друзья решили не уходить с вокзала, пока не начнется налет советской авиации. В том, что 1 Мая налет обязательно будет, они не сомневались.

Наблюдая за публикой на перроне и в залах ожидания, Пастухов и Кобеляцкий заметили видного генерала, окруженного целой свитой офицеров. Переглянувшись, они без слов поняли друг друга — не выпускать генерала из виду.

Первая волна советских самолетов накатилась на вокзал столь внезапно, что гитлеровцы не успели даже объявить воздушную тревогу. Самолеты шли на небольшой высоте, и бомбовый удар был предельно точен. Тяжелые

Раньше чем случайные прохожие смогли понять, что, собственно, произошло, на улице уже не было и следа серого «фиата» с «отказавшим» мотором. Остались

равшихся здесь жильцов не подозревал, что именно с чердака их дома, невидимый им с земли, ни с соседних крыш, а только с высоты, говорит торопливо точка-

взрывы сотрясали воздух. Мощные фугаски разметали три эшелона, прямым попаданием обрушили левое крыло вокзала; запылали стационарные склады.

Поднялась паника, а когда погас электрический свет, началась настоящая свалка. Давя друг друга, пробивая дорогу кулаками, гитлеровцы устремились к подземным переходам.

Сцепив руки, подсвечивая путь фонариками, Пастухов и Кобеляцкий следовали за толпой, стараясь не отстать от генерала. Возле поворота к левым билетным кассам разведчикам удалось разорвать кольцо свиты. Не поднимая руки от пояса, Кобеляцкий в упор выстрелил в генерала, Пастухов — в сопровождавшего майора. Близкий разрыв бомбы, лай зениток, треск обрушивающихся перекрытий покрыли слабые хлопки pistolетных выстрелов. И тут же обезумевшая от ужаса толпа подхватила разведчиков, закружила и вынесла через главный вход наружу.

Налет продолжался больше часа. Конец его друзья переждали в подземной уборной на привокзальной площади. Когда Пастухов и Кобеляцкий уже возвращались домой, на углу Академической и Лелевеля их остановил первый патруль. Слишком возбужденные после бурного дня, разведчики предпочли уничтожить жандармов, нежели вступать с ними в объяснения.

На другой день город опять наводнили слухи о якобы заброшенном во Львов десанте советских парашютистов.

...И снова разведка, разведка, разведка.

В один прекрасный, как говорится, день Пастухов и Кобеляцкий обнаружили, что у них подходит к концу деньги. Пришлось совершить довольно рискованную операцию: Василий Дзямба, работавший кассиром, подделал выплатой чек, по которому Степан Пастухов, специально одевшийся посolidнее, получил в Эмиссионном банке восемьдесят тысяч злотых. Пастухову и Кобеляцкому этих денег хватило до самого конца подпольной жизни.

Когда войска Красной Армии подошли вплотную ко Львову, посланцы нашего отряда располагали уже богатейшими сведениями о всей системе обороны города. Эту информацию нужно было как можно скорее передать советскому командованию. Но первая попытка разведчиков пе-

рейти линию фронта окончилась неудачей.

В ночь на 21 июля, когда 63-я Отдельная танковая бригада, разгромив группировку гитлеровцев под Злочевом, завязала бой на ближних подступах к городу со стороны Зеленой Рогатки, Пастухов и Кобеляцкий сумели прорваться к своим...

Советский полковник не поверил собственным глазам, когда два оборванных, небритых человека, каким-то чудом появившиеся в расположении его штаба, стали подробнейшим образом и весьма квалифицированно наносить на карту фашистские оборонительные укрепления, минные поля, огневые точки, штабы, склады, узлы связи, заминированные здания.

Более того, Пастухов и Кобеляцкий предложили командованию провести сотню автоматчиков подземными ходами в самый центр города: к театру «Солдат-фронт» и собору святого Юра. После короткого боя, ошеломляющие внезапным ударом с тыла, фашисты были у этих объектов частью уничтожены, а частью взяты в плен. Пастухов и Кобеляцкий при этом лично уничтожили более двух десятков гитлеровцев.

Собранная разведчиками информация оказалась поистине бес-

ценной. К 27 июля Львов был полностью освобожден. Гитлеровцы перед бегством заминировали важнейшие сооружения, исторические и культурные памятники города, собираясь превратить его в руины. Карта, составленная разведчиками, помогла сорвать этот преступный план.

Красный флаг взвился над освобожденным Львовом... Но Николай Кузнецов не дождал до этого дня. 27 июля ему исполнилось бы тридцать три года.

Мы до сих пор с полной достоверностью не знаем всех обстоятельств его гибели. Слишком бурные события ожгли землю, где прошли последние дни его жизни и борьбы, слишком отрывочны и противоречивы свидетельства немногих документов. Но мы знаем, что Николай Иванович Кузнецов умер, как жил, — героем.

После уничтожения Бауэра и Шнайдера Кузнецову, Каминскому и Белову оставаться во Львове было невозможно. А Кузнецов не сомневался, что по следам неизвестного гауптмана и его спутников будут брошены все силы львовского гестапо и жандармерии. Нужно было уходить, и уходить немедленно.

Разведчики решили вырваться за пределы Львова на том же сером «фиате». Перекрасить ма-

МОСТ РАЗВОДИТ САМА РЕКА. Такой мост построен на реке Венте в Латвии. Конструкторы применили специальное гидробалластное устройство, состоящее из нескольких цистерн. Когда к мосту приближается судно, насосы нагнетают в цистерны воду. Балласт срабатывает, и крылья моста поднимаются вверх.

ЛЕС ПЕРЕЕХАЛ на берег Каратамарского водохранилища, созданного два года назад в районе города Рудного. Две тысячи сосен-новоселов, перевезенных на недавно пустынный берег из Аракарагайского лесничества, оживят местный пейзаж, насытят воздух озоном. В будущем здесь намечено построить дом отдыха для горняков.

НОВЫЙ ГОРОД ЗАЛОЖЕН НА ГРАНИЦЕ ПОЛЯРНОГО КРУГА, в шестистах километрах к северу от Мирного. В городе будет 50 тысяч жителей. Геологи открыли здесь уникальную алмазную провинцию и назвали ее «Удачная». Уже начато строительство горно-обогатительного комбината.

БАРХАТНЫЙ МРАМОР — так называют черный мрамор с прослойками кроваво-красного цвета — обнаружен в степи близ Целлинограда. Такой мрамор на территории Казахстана найден впервые.

РАДОНОВЫЙ ИСТОЧНИК открыт недалеко от города Полонное в Хмельницкой области. Минеральная вода источника по своим качествам превосходит цхалтубскую.

ТУРИСТСКИЙ ЦЕНТР создан в лесу на Старожитомирской дороге под Киевом. К услугам туристов мотель, кемпинг, гостиница, дачный городок. Около тысячи туристов из 52 стран мира уже заказали места в новом кемпинге.

20-КИЛОМЕТРОВАЯ МАГИСТРАЛЬ соединит самый молодой и Азербайджане Наримановский морской нефтепромысел с материком. От берегов Каспия тянется песчаная дамба, а на встречу ей от искусственного металлического островка идет стальная эстакада. Скоро строительство новой трассы будет завершено.

шину, а тем более обменять на новую было нелегко.

Покинуть город оказалось нелегко; на это ушло три дня, и есть основания полагать, что именно тогда Николай Кузнецов и его друзья уничтожили (видимо, при попытке задержать разведчиков) двух сотрудников гестапо. Во всяком случае, фашистские эксперты-криминалисты определили, что пистолетные гильзы калибра 7,65 миллиметра, найденные возле убитых гестаповцев, идентичны двум гильзам, обнаруженным у трупов Бауэра и Шнайдера.

Известен и инцидент, который произошел с разведчиками 12 февраля в восемнадцати километрах от Львова, у села Куровицы, возле шлагбаума.

Здесь серый «фиат» был остановлен постом полевой жандармерии. Майор, начальник поста, долго изучал удостоверение гауптмана Зиберта, и Николай Иванович интуитивно почувствовал надвигающуюся опасность.

— Странно, очень странно, — пробурчал начальник поста.

— В чем дело, господин майор? — спросил Зиберт.

— На вашем предписании нет отметки львовской комендатуры о выезде.

Майор был прав: такой отметки не было и не могло быть. Кузнецов понял, что нужно действовать немедленно: даже если жандарм и не заподозрил гауптмана в недавнем убийстве Бауэра и Шнайдера, он все равно обязательно задержит его и передаст в комендатуру как дезертира или паникера, самовольно покинувшего город. Все это Николай Иванович сообразил за долю секунды... А солдаты, не обратив внимания, что их командир что-то уж слишком долго разговаривает с каким-то пехотным гауптманом, подняли полосатое плечо шлагбаума, чтобы пропустить встречную машину.

Уже в следующую долю секунды Кузнецов в упор выстрелил в злосчастного майора, Каминский автоматной очередью уложил на месте трех жандармов, а Белов до отказа нажал на педаль газа... Но вслед беглецам загрели выстрелы: оставшиеся в живых жандармы исправляли свою оплошность. Несколько пуль ударили в заднее колесо. «Фиат» осел и, едва не перевернувшись, нырнул в кювет.

— Бросай машину! — скомандовал Кузнецов. — Уходим в лес!

Несколько дней Кузнецов, Каминский и Белов бродили по Га-

новичевскому лесу, надеясь встретить разведчиков отряда, и в конце концов действительно соединились с партизанами из группы Крутикова во главе с Василием Дроздовым и Приступой. Встреча была радостной, но Дроздов и Приступа тоже не имели связи с основными силами отряда.

Николай Иванович рассказал товарищам обо всем, что с ним произошло за последнее время. Он, правда, не знал, кого он застрелил в Куровицах, но нам теперь это известно из рапорта, обнаруженного в делах гестапо. Там же находилось и донесение об автомобиле, найденном на шоссе: «С этой автомашины, — сообщалось в рапорте, — 12.2.44 в Куровицах был убит майор полевой жандармерии Каинтер. Стрелявшие скрылись».

Дроздов и Приступа уговаривали Николая Ивановича остаться в их группе, но Кузнецов отказался. Он не хотел больше ждать и решил самостоятельно вместе с Каминским и Беловым пробиваться навстречу наступающей Красной Армии. Все же они отдохнули несколько дней. Вероятно, тогда Кузнецов и написал рапорт одному из руководителей советской военной разведки в Москву, в котором подробно докладывал о всех своих делах, совершенных в тылу врага. Конверт с указанием передать, не вскрывая, командованию Красной Армии Кузнецов положил в верхний карман мундира.

Настоящий разведчик, Кузнецов предусмотрел все, в том числе и возможную смерть от пули советского солдата, который не мог знать, что человек в ненавистном фашистском мундире на самом деле воин той же самой великой страны. Николай Иванович рассудил, что если даже и придется ему погибнуть такой горькой смертью, то рапорт все же придет по назначению.

Несколько дней Кузнецов, Каминский и Белов бродили по лесам, пытаясь приблизиться к линии фронта. В первых числах марта они вышли к одному селу...

Здесь в мгновенном жестоком бою они и погибли, натолкнувшись на группу националистов, переодетых в красноармейскую форму...

...Через неделю видный представитель украинских буржуазных националистов встретился с одним из начальников полиции безопасности по Галицийскому округу. Бандеровец сообщил гестаповцу, что его люди арестовали трех

советских разведчиков и содержат их под усиленной охраной. В качестве доказательства предатель передал снятый с тела Николая Кузнецова подлинный рапорт. И только тогда фашистская секретная служба узнала, что таинственный офицер, уничтоживший в Ровно имперского советника генерала Геля, верховного судью Украины Функа, похитивший из собственного особняка генерала Ильгея, убивший во Львове вице-губернатора Бауэра и доктора Шнайдера, — на самом деле советский разведчик.

В руках гестапо был только рапорт, а оно жаждало заполучить «Зиберта» живым. Бандеровец обещал передать немцам захваченных разведчиков, но не безвозмездно.

Немцы удовлетворили все просьбы бандеровцев, и тогда те, чтобы скрыть обман, сообщили гестапо через две недели, что советские разведчики якобы расстреляны при попытке к бегству...

Николай Иванович Кузнецов не успел получить при жизни ни одной из заслуженных им высоких наград. Самая высокая пришла к нему после смерти — вечное бессмертие в народной памяти!

Несколько слов о судьбе остальных героев этого рассказа.

Юлиан Дзямба после освобождения Львова вступил в ряды Красной Армии и 24 января 1945 года погиб на фронте. Смертью храбрых пал в боях за

освобождение Прибалтики и Владимир Панчак. Владислав Бик со своей группой храбро сражался на улицах Львова с гитлеровцами. Он дожил до светлого Дня Победы и после окончания войны вернулся на Родину — в народную Польшу.

Борис Крутиков участвовал еще в нескольких партизанских боях, был тяжело ранен, лишился ноги. Сейчас кандидат экономических наук Борис Давидович Крутиков работает в Львовском политехническом институте. Стал преподавателем и Василий Дзямба — в Львовском университете имени И. Франко. К сожалению, ничего не известно о послевоенной судьбе Степана Петровича Пастухова и Михаила Пантелеевича Кобеляцкого.

ПРОЧТИ — ПОДУМАЙ — НАПИШИ

В этом туре конкурса мы предлагаем вниманию читателей медали, отчеканенные в Советском Союзе.

Чему посвящены медали с изображениями советского вонна-морьяка и самолетов, летящих в едином строю?

Какое великое свершенне советской науки отмечено выпуском медали с устремленной ввысь ракетой?

С чем связано появление медали с этим сказочным снлуэтом?

Напоминаем: участникам конкурса предстонт не просто ответить на вопрос — нужно написать краткий интересный рассказ о событиях, которым посвящены медали.

Присылая ответы, не забудьте на конверте сделать пометку: «Конкурс 3-М».

Лучшие рассказы будут опубликованы.

СОВЕТ «КЛУБА 3-М»

ТУИ МАЛИЛИ С ОСТРОВОВ ТОНГА

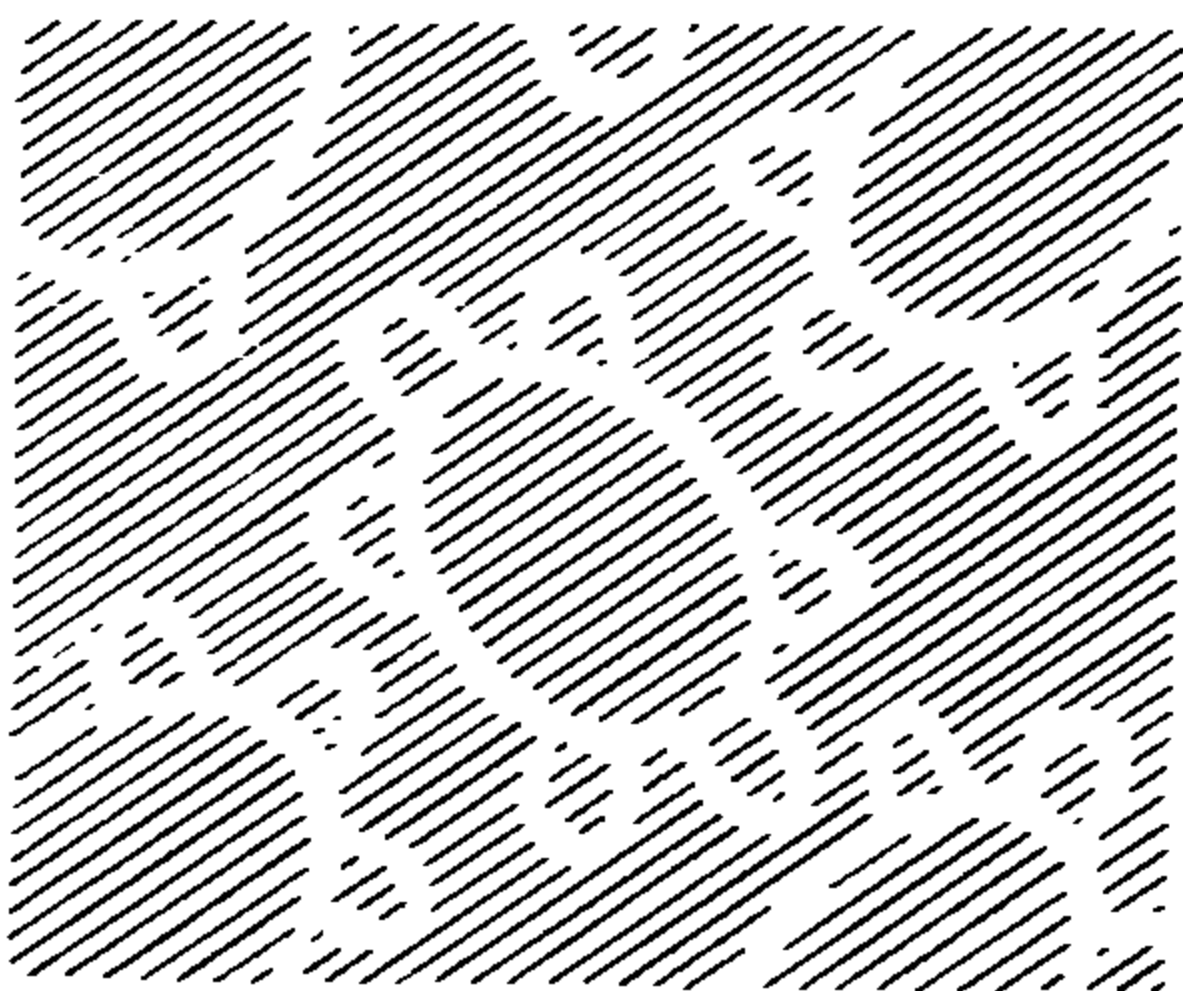
Это водяной знак марок островов Тонга в Тихом океане. Он изображает гигантскую сухопутную черепаху. Тортилла Южных морей неуклонно появлялась на марках Тонга, хотя там такие животные никогда не водились. Мало того, черепаха эта не вообще черепаха, а вполне конкретная, имеющая свое имя, довольно пышное и похожее на титул.

Черепаху эту зовут Туи Малили, что значит «равная вождю племен». Вернее звали, ибо она умерла несколько лет назад в саду королевского дворца Нукулаофа, в столице островов Тонга. А легенда гласит, что жила эта черепаха на острове около... двухсот лет.

В 1777 году к островам Тонга подошли корабли Джеймса Кука. Местные жители встретили его очень радушно. Кук, запасшись провизией и пресной водой, преподнес в благодарность королю Тонга гигантскую черепаху, которую он привез с какого-то затерянного острова. Жителям Тонга чрезвычайно понравилось это до толе неведомое медлительное и спокойное животное, которое стало даже своеобразным символом островов.

Так и появилась Туи Малили на почтовых миниатюрах Тонга.

К. ПАНИН, Владивосток

В июне 1892 года в своей парижской квартире был убит некий Гастон Леру. Следователь из криминальной полиции, разбирая это дело, довольно быстро зашел в тупик: он никак не мог выяснить мотивы преступления. Ограбление? Но после смерти Леру все деньги, вещи и драгоценности, которых было немало у него, остались на своих местах. Самоубийство? Но экспертиза показала, что Леру задушили.

Снова и снова следователь обыскивает квартиру — и безрезультатно. И лишь случайно в потайном отделении книжного шкафа он увидел альбом почтовых марок с полной описью коллекции — Гастон Леру был страстным филателистом. Следователь был тоже немного знаком с марками. Основательно изучив опись коллекции, следователь обнаружил, что в альбоме отсутствует единственный в мире экземпляр первой негашеной двухцентовой марки, выпущенной в 1851 году на Гавайских островах, — самой ценной марки коллекции.

Следователь бросился наводить справки у всех парижских марочных торговцев — никому эту марку еще не предлагали. Кто же из парижских филателистов мог быть заинтересован в приобретении «Гавайев», несмотря на фантастическую стоимость марки — 10 тысяч золотых франков? Почти все, с кем беседовал следователь, называли Гектора Жиру, богатого коммерсанта.

Неужели Жиру — убийца? Добропорядочный, респектабельный буржуа душит человека за вечерней чашкой кофе и стаканчиком доброго бургундского ради марки, которую хозяин отказывается продать? Невозможно... Кроме того, Леру и Жиру слыли добрыми друзьями.

И все-таки следователь решил проверить «версию Жиру».

Он знакомится с ним. Он — провинциальный коллекционер и приехал в Париж специально для того, чтобы увидеть знаменитого мсье Жиру и почтительно просить его поделиться с ним секретами филателии. Мэтр Жиру был польщен. Вскоре скромный провинциал и блестящий парижанин стали неразлучными друзьями.

...Однажды осенним вечером почтительный «ученик» завел разговор о различных филателистических редкостях и упомянул о первой марке Гавайских островов. С жаром провинциала он стал утверждать, что в каталогах допущена ошибка и негашеного экземпляра вообще не существует. Жиру возражал. «Ученик» настаивал. Жиру достал альбом с заветной маркой. «Ученик» был поражен. А как давно эта марка у мсье Жиру? Наверное, мсье Жиру выложил за нее баснословную сумму? А может быть, как это ни трудно предположить, мсье Жиру нагло обманули и вручили тонкую подделку?

Страшно возбужденный, мсье Жиру тут же доказал подлинность марки. А затем сказал, что купил ее несколько лет назад. «Впрочем, вы все равно не поверите, — добавил он. — Я к вашим услугам. Да, Леру не хотел продать марку, и я задушил его...»

Говорят, на суд собрался «весь Париж» — мсье Жиру был любимцем «высшего общества».

Перед тем как выслушать смертный приговор, он сказал:

— Я догадывался, кто он на самом деле мой ученик. Но не мог не похвалить, что единственный в мире экземпляр негашеной «Гавайев» у меня.

Его защищал один из лучших адвокатов Парижа. Он говорил о том, что его подзащитный задушил мсье Леру в припадке умоисступления и потом искренне лил слезы над могилой друга, что обвиняемый — примерный семьянин, очень любит комнатных собачек, всегда честно ведет свои дела и вообще один из уважаемых членов общества...

Дамы лили слезы, и, наверное, никому не пришло в голову, что Гектор Жиру никогда не был настоящим собирателем. Просто бизнесмен от филателии ради наживы оказался способным на все...

В. ПРИТУЛА, Москва

ФИЛАТЕЛИСТ ИЗ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ

РОЗА ПОБЕЖДЕННОМУ

Дождь Алоизий озабочен. Сегодня, ранним июньским утром 1704 года, с первым купеческим кораблем в Венецию пришла весть: турецкий султан Мустафа II умер, и его место занял султан Ахмет. Как он поведет себя, этот новый султан? Как показать новому султану, что он, Алоизий, не враг его? Как заставить Ахмета забыть горечь поражений его предшественника от венецианских наемников, когда турки «уступили» Венеции Морею — прекрасный греческий полуостров с укромными бухтами и цветущими долинами?

Послы, подарки?.. Нет, не то... Вдруг лицо дождя просветлело. «Я подарю ему розу». Дождь весело хлопнул в ладоши: «Позвать Пьеро»...

Монетный мастер Пьеро Бассадонна плыл по ночной Венеции. Игрушечные волны канала вяло плескались о борт гондолы и убаюкивали. На черно-бархатном небосклоне сияли крупные звезды, и молодой растущий месяц серебрил крыши домов. Мастер был озабочен. Новый заказ дождя показался ему странным и трудновыполнимым — изобразить рядом символ Венеции — розу и турецкий полумесяц, да так, чтобы роза, не унижая себя, была в то же время почтительна к полумесяцу... Станный заказ.

Много бессонных ночей провел мастер над штампами для новой серебряной монеты — оземлы. Наконец все было готово, и Бассадонна поспешил во дворец. Он молча протянул дождю блестящую оземлу и отступил в угол. Алоизий удовлетворенно хмыкнул и ловко подбросил монету. Перевернувшись в воздухе, она упала на его ладонь и тонко зазвенела, ударившись о массивные золотые кольца.

...На ладони дождя лежал кусочек ночного неба, усыпанного крупными звездами, а молодой растущий полумесяц величаво освещал большую и нежную розу, которая доверчиво и почтительно тянулась к нему своими лепестками.

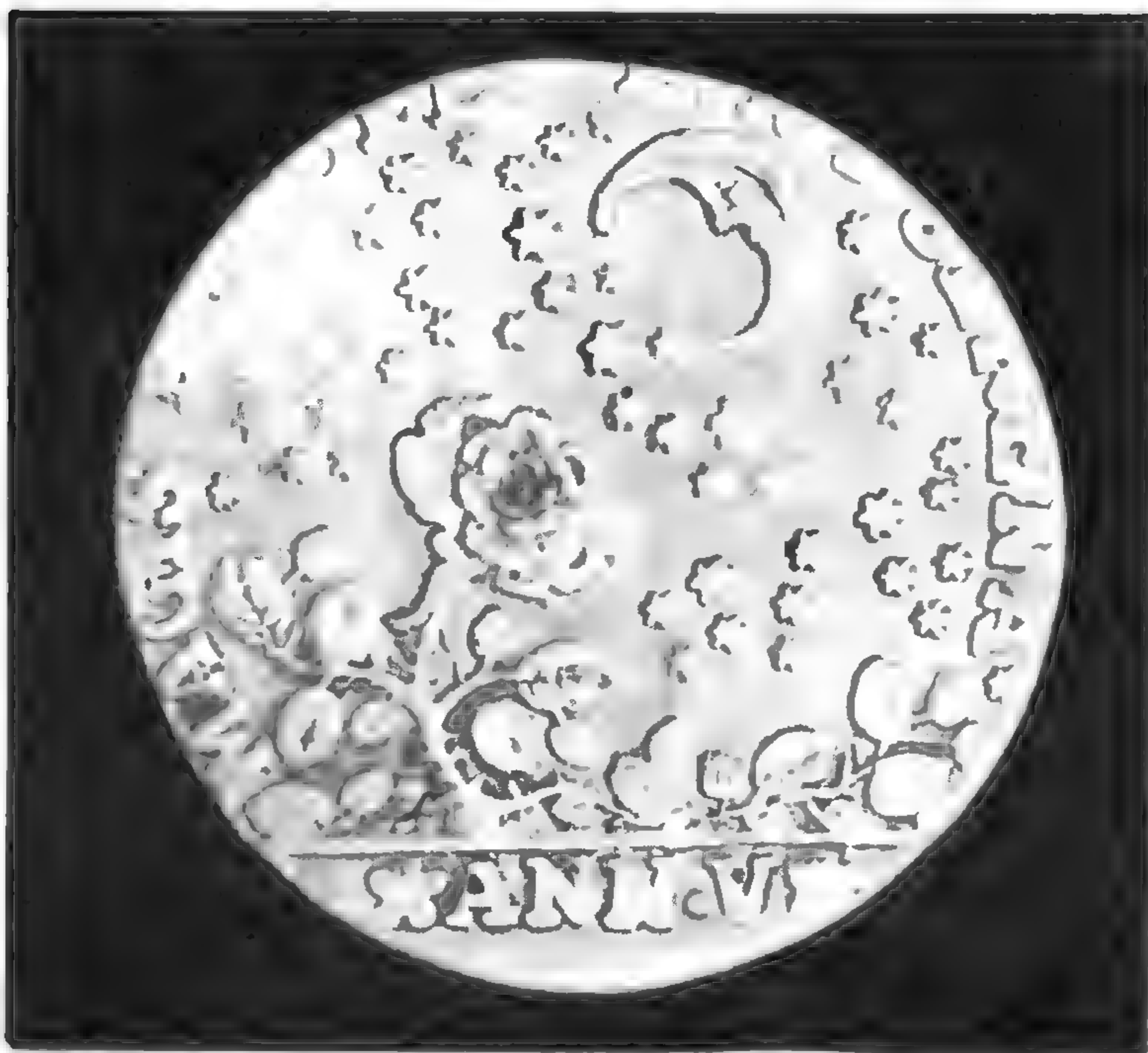
«Она сильнее благоухает при свете луны», — прочел Алоизий надпись на монете. — А ведь неплохо придумано, Пьеро. Самолюбивому Ахмету будет приятно, что его полумесяц выше нашей розы... А потом он поймет, что венецианская роза все-таки растет на земле Морей. И всегда будет там расти...»

Вскоре шпионы Алоизия донесли, что новая оземла попала к султану и он долго и молча смотрел на монету.

В 1718 году Турция вновь овладела Мореей... Говорят, что султан Ахмет, перед тем как изгнать венецианского наместника, бросил ему в лицо серебряную оземлу со словами:

— Возьми свою розу, нечестивый. Ее запах всегда напоминал мне о потерянной Мрее. Ей больше не цвести на этой земле.

Ан. БЫКОВ, Ленинград

Азоровые небеса открыли взор восхищения на лик эпохи — они не выдвигали зданий, столь изукрашенных и нарядных, и бирюзовый купол неба открыл очи — луну и солнце, — он не любовался такого цвета изразцами! — писали старинные рукописи о Шахи-Зинде, шедевре архитектуры средневекового Востока.

Шахи-Зинда в переводе с узбекского значит «Живой царь». Легенда о «Живом царе» появилась еще в глубокой древности — она связана с преданиями о подземном царстве героя эпических сказаний Афрасиаба. Но в XI—XII веках мусульманское духовенство «осветило» это народное предание мифом о погребении на окраине Самарканда брата самого пророка Мухаммеда. И потянулись от Железных ворот города по «священной земле» первые мавзолены.

Сейчас комплекс сооружений Шахи-Зинды состоит из соединенных узким коридором трех групп мавзолеев, воздвигнутых в разное время.

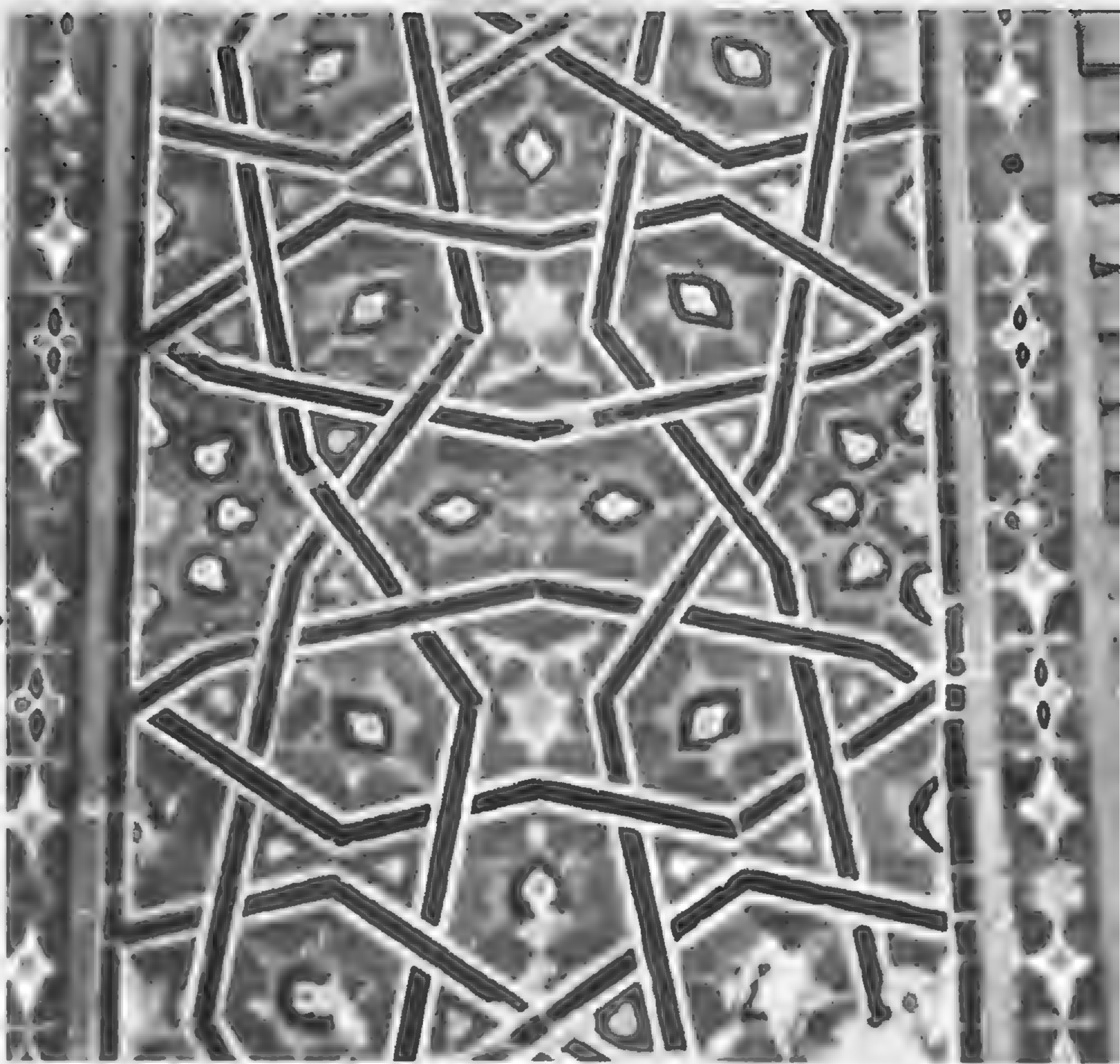
До наших дней дошли в основном сооружения XIV—XV веков и более позднего времени — почти все мавзолей и мечети XI—XII веков погребены в огне вражеских нашествий.

Древнейшее здание Шахи-Зинды — мавзолей Кусамы ибн-Аббаса. Он неоднократно перестраивался, обновлялся, и первоначальный облик его заслонен позднейшими перестройками. Арабский историк и географ Ибн-Баттута, посетивший Самарканд в XIV веке, писал об этом мавзолее: «...Возведено четырехугольное здание с куполом: у каждого угла стоят две мраморные колонны: мрамор зеленого, черного, белого и красного цвета. Стены здания также сделаны из разноцветного мрамора с золотыми орнаментами...»

Шли годы... Все новые и новые мавзолены и мечети появлялись на холме Афрасиаба. Современников поражала не знающая предела фантазия строителей. Тоньше становилась резьба, изощреннее и изысканнее орнамент, узоры которого, словно ветви сказочных деревьев, обвивали стены, колонны, купола.

И несмотря на эту бесконечную изобретательность и неистощимую фантазию архитекторов, строителей и художников, творивших в разные эпохи, несмотря на то, что ни один мавзолей не похож на другой, ансамбль Шахи-Зинды поражает глубоко продуманным единством. «Есть словно бы нечто противоречивое в характере задания, выдвинутого перед строителями Шахи-Зинды, и в его воплощении, — пишет один из крупнейших советских исследователей истории Средней Азии, профессор Г. А. Пугаченкова. — Кладбищенский архитектурный ансамбль этот порождает не столько грустные мысли об уходе в «никуда», сколько вещает всем своим ярким красочным строем о радости бытия... А сами мастера — создатели Шахи-Зинды — Бареддин, Шамседдин, Фахри-Али, Зайнуddин Бухари, Али Несефи и многие другие, чьи имена утрачены, каждый неосознанно творил свой шедевр не как унылый символ непроходящей скорби, но как песнь во славу вновь возрождающейся и всегда торжествующей жизни».

А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ

А. СИНЕЛЬНИКОВ

На Востоке есть такое слово — кайф. Его произносят с придыханием, закатывая глаза, и вкладывают в него куда больше содержания, чем в понятие «отдых». Кайф — это Отдых в Оазисе. Это прохлада и тень. Это покой после бесконечного пути по раскаленным барханам под раскаленным небом. Кайф — это когда исчезает желтое одиночество песков и ты вдруг видишь, что небо голубое и тихое.

...Я долго ходил по облитым солнцем шумным самаркандским улицам, любовался громадой Регистана и Гур-Эмира и не заметил, как оказался рядом с базаром. Недалеко от него, у перекрестка дорог, на холме стояла маленькая полуразрушенная мечеть с тонкими колоннами и минаретом. Я поднялся по узкой винтовой лестнице внутрь минарета.

Там, прислонившись к столбикам, окружавшим открытую площадку, сидел человек лет сорока в мягких узбекских сапогах, в зеленой куртке и тюбетейке. Он поздоровался со мной и продолжал смотреть на лежащий внизу плоский город. Темные крыши заслонили светлые стены, и город сверху казался обычнее и обыденнее, чем внизу. Возвышавшиеся среди плоских строений бирюзовые минареты, ребристая шапка Гур-Эмира, стены Регистана и купол Биби-Ханым казались жестоко величественными и продуманно обособленными от города. «Мечеть — дом бога. Дворец — дом эмира. А там — просто люди...» — неожиданно вспомнил я когда-то прочитанную фразу.

Слева город обрывался пустырем, на котором высилась гряда темных на фоне солнца куполов.

— Что это? — спросил я.

Человек посмотрел на меня с удивлением.

— Ты что? Не знаешь? Это Шахи-Зинда.

— Я только вчера из экспедиции, из песков...

— Пойдем, — сказал вдруг мой новый знакомый. — Мне все равно только ночью в рейс. Я подвезу тебя. Это нельзя — не знать Шахи-Зинду. Старики говорят: «Каждый человек должен каждый день проходить через Шахи-Зинду».

Мы медленно проехали на его выдавшей виды полуторке по глубокой узкой улице, тянувшейся от базара. В тени, у стен на земляных тротуарах, сильно поднятых над проезжей частью, сидели женщины и старики. Перед каждым на чистой тряпке лежала разнообразная снедь — от головок лука и чеснока до кусков нежно-розовой баранины. В этот жаркий час покупателей было мало. Женщины тихо переговаривались, а старики помалкивали, пропуская свои бороды сквозь пальцы; и видно было, что думали они совсем не о головках лука или стручках перца, лежащих перед ними. Мимо, почти задевая нас бортами, тяжело прошли два грузовика со строительными конструкциями и цементом. Мой провожатый что-то прокричал водителю панелевоза, и тот улыбнулся.

То чуду подобно

Мы остановились перед массивным, прихотливо изукрашенным порталом. Дверь была приоткрыта. Длинная, с полустертыми ступенями каменная лестница уходила вверх по склону холма, постепенно суживаясь. Трава, деревья — все это осталось там, за дверью. Здесь были только ярко-бирюзовые купола мавзолеев на фоне неба. Словно строители утверждали красоту, созданную человеком, и, уверенные в ее могуществе, сравнивали ее только с небом.

И эта красота ошеломила своей изощренностью, неистощимостью. Стены, порталы и колонны были покрыты изразцами. Они были почти одноцветны — голубизны предвечернего голубого неба. И эта одноцветность заставляла неотрывно следить за четким кружевом узора, напоминающим завораживающий музыкальный ритм, полный властной силы.

Мавзолеи обступили меня со всех сторон и уже не отпускали от себя. Купола и барабаны, мерцание изразцов и рельефы колонн — все это хотелось охватить сразу, чтобы навсегда запомнить, но они изменялись на глазах, дробились и открывали все новые и новые удивительные сочетания, поражая мастерством, величественностью и мудрой «соразмерностью начал». Я переходил от одного мавзолея к другому, поднимался по высоким ступеням в теплую темноту под своды и спешил уйти, потому что знал: дальше будет еще лучше, и досадовал на себя за эту торопливость и ничего не мог с собой поделать...

Потом я почувствовал, что устал от этой бесконечной щедрости красоты.

— Ну как тебе Шахи-Зинда? — Мой провожатый стоял в узком проходе и улыбался. — Подожди немного, я тебя до обсерватории Улугбека довезу.

Я почти обрадовался причине уйти отсюда. Тяжелая дверь прикрылась, и снова передо мной был шумный богатый город... И у меня возникло робкое ощущение нереальности всего, что минуту назад исчезло за дверью. И я снова вернулся в Шахи-Зинду.

**Фото А. ВОСКРЕСЕНСКОГО
и А. ГОРЯЧЕВА**

Я прошел мимо порталов и неожиданно остановился: в узком проходе, соединявшем мавзолеи, между невысоких стен колыхался ветер. Я услышал, как на выложенном плитами полу шуршали желтые листья. И ощутил широкое и надежное спокойствие.

...И мне показалось, что я понял замысел строи-

на которых сухие желтые листья и где колыхался теплый ветер. Здесь они могли отрешиться от великолепной торжественности гробниц и подумать о себе и о своей простой жизни. Это был их Оазис среди пыльной и жестокой жизни и здесь находили они долгожданный Отдых.

Фантастическая, подавляющая щедрость изразцов

телей. У них не было возможности войти со своим искусством в паутину пыльных улиц, сделать красоту доступной и близкой тем «просто людям», которые жили за высокими дувалами в плоских глинобитных домах. И вот специально для них был выстроен этот тихий коридор между мавзолеями. Изумленные смертельной пышностью гробниц, с привычной робостью преклонившись перед отраженной в искусстве недостижимостью мертвых правителей, они попадали сюда, на эту улочку, выложенную плитами,

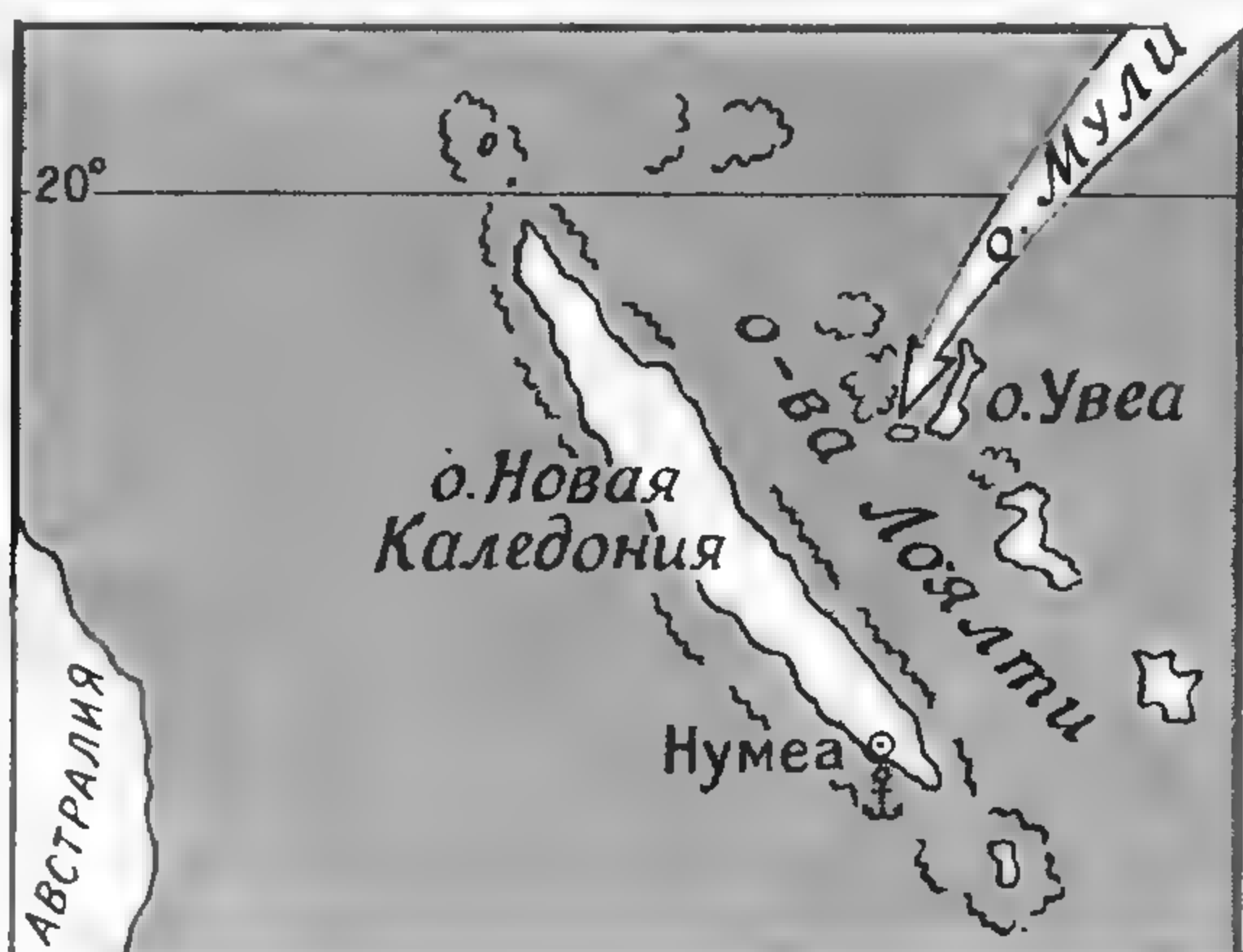
отсюда казалась доступной, дружественной и светилась красками голубого и тихого неба Оазиса.

Я сел на ступеньку маленького мавзолея в середине прохода.

— Ну, поедem? — Мой провожатый неслышно подошел ко мне. — Ехать хорошо, прохладно.

Солнце спускалось все ниже, и мерцающие купола темнели, приобретая серовато-синюю однородность.

— Поезжай один, — сказал я. — Спасибо...

ОСТРОВ НА КРАЮ СВЕТА

БЕРНАР ГОРСКИ

Пошел третий день нашего пла-
вания, третий день, как мы поки-
нули Новую Каледонию.

— Сегодня вы увидите Мули,—
сказал мне шкипер маленькой
шхуны, которую я нанял в Нумеа.

И вот с самого утра стою я,
вооруженный биноклем, на палу-
бе и обзираю бескрайние про-
сторы океана.

— Земля! — услышал я за спи-
ной голос матроса-полинезийца.
Он умудрился невооруженным гла-
зом рассмотреть среди гребней
волн верхушки кокосовых пальм,
мелькнувшие вдали. А еще через
несколько минут появился и сам
остров.

— Мы высадим вас около юж-
ного мыса — там легче подойти к
берегу, — сказал шкипер. — Когда
прикажете ждать?

— Не стоит ждать, я остаюсь,—

ответил я. — Можете возвращать-
ся в Нумеа.

И вот я уже на острове. В мо-
ем дорожном мешке подарок, ко-
торый я собираюсь преподнести
вождю. Если я завоюю его ува-
жение, он разрешит мне поселить-
ся здесь.

Первыми звуками, которые я
услышал на Мули, были дикие
крики, донесшиеся со стороны де-
ревни. Еще через мгновение по-
казалось не меньше сотни ребя-
тишек, бежавших вприпрыжку.
Вопя от радости, они подбрасы-
вали вверх пригоршни песка. Не
прошло и минуты, как я был на-
крепко окружен галдящей тол-
пой.

Оглушенный крикам, с песком
во рту, в ушах и за воротом ру-
башки, я попытался перекрыть
всю ораву. Тщетно. Наконец впе-

ред выступил малыш лет пяти-ше-
сти в пестрой набедренной повяз-
ке. Все тут же смолкло, и я по-
нял, что это не кто иной, как сын
вождя. Я спросил, как его зовут,
и сотня глоток ответила хором:

— Ивики Атуле! Ивики Атуле!

С важным видом малыш ука-
зал мне в сторону деревни, при-
глашая следовать за собой. Мы
пошли.

Вождь племени острова Мули
оказался невысоким, хорошо сло-
женным мужчиной лет сорока.
Он с достоинством принял пода-
рок и пожал мне руку. Звали
его Пьер Дюмай. Он неплохо го-
ворил по-французски. Как я потом
выяснил, в молодости вождь дол-
гое время плавал матросом на
французских судах. При всей сво-
ей невозмутимости вождь не смог
скрыть удивления, когда я спро-

сил у него, нельзя ли мне пожить на Мули.

— У нас, правда, бывают гости, но остаться на Мули... У нас ведь и нет ничего: так, несколько хижин, пара-другая лодок — вот и все. Нас здесь всего 250 человек, и наш остров лежит на самом краю Земли.

На следующее утро все племя собралось на небольшой площадке в центре деревни. Именно здесь обсуждаются самые важные вопросы. На собрании выступает сам вождь или один из его приближенных старейшин. И что удивительно, оратор обращается к аудитории, которая всегда сидит к нему спиной. Таким образом, оратор не может помочь себе ни мимикой, ни жестами. Воспринимается только слово.

— Что говорит Пьер? — обра-

Старика звали Женио. Вернувшись на родной остров после многих лет странствий, он стал одним из членов совета старейшин. Женио и познакомил меня с остальными стариками, товарищами по совету: Матиасом, Неофитом, Виктором, Игнасом, Ги. Вождь, закончивший к тому времени речь, присоединился к нам.

— Мы приняли тебя в свое племя. Теперь наши законы — твои законы, наши обычаи — твои обычаи. Все, что принадлежит нам, — твое. Таков наш обычай.

— Если тебе, например, понадобится лодка, — добавил Игнас, — бери мою. Если она будет нужна кому-нибудь для рыбной ловли, он возьмет ее у тебя, а рыбой поделится с тобой и со всеми другими. Если ты поймашь рыбу, ты тоже поделишься со всеми

как живут там люди. У кого нет денег, тот живет, как собака. На Мули такого быть не может.

После собрания вождь выделил двенадцать человек, чтобы построить мне хижину в самом центре деревни. Я вызвался было помочь, но Пьер заметил:

— Без тебя они справятся быстрее.

Должно быть, нигде не строят дома так быстро, как на Мули. Несколько свежесрубленных пальм — остов хижины, на стены пошли циновки, на крышу — листья кокосовой пальмы, плотно уложенные на каркас из переплетенных веток. Уже через час хижина была готова.

С каждым днем я все ближе знакомился с жизнью островитян. Как правило, рано утром вождь распределял между членами племени обязанности на день. Один уходил в море ловить рыбу, другой оставался обрабатывать землю, а дети целыми днями собирали моллюсков на берегу.

О рыбной ловле стоит, пожалуй, сказать подробнее. Рыбу островитяне ловят при помощи короткого копья с трезубцем вместо наконечника. Человек с копьем в руках стоит на носу лодки и внимательно всматривается в воду. Увидев крупную рыбину, он резко отталкивается от борта и, падая, пронзает ее трезубцем. Таким же образом ловят рыбу и с прибрежных скал. Тут требуется незаурядная ловкость, и островитяне щедро наделены ею. Помню, я изрядно насмешил островитян, пытаюсь овладеть их искусством. Каждый раз я промахивался, а рыба, издевательски вильнув хвостом, уходила в глубину.

Месяц прожил я на острове Мули, окруженный любовью и доброжелательностью его жителей. Но пришло время, когда я должен был покинуть своих гостеприимных хозяев...

— Ты стал нам другом, — сказал мне на прощанье вождь, — нам грустно расставаться с тобой.

Утром, когда я стоял на палубе шкуны, все племя вышло на берег. Дети, как и в первый мой день на острове, устроили фейерверк из песка.

Но вот и якорь поднят, и шкуна разворачивается, взяв курс на запад. Все меньше и меньше становится затерянный в бескрайних просторах океана кусочек земли.

И вот уже скрылся за горизонтом Мули, остров на самом краю света.

Перевел с французского
И. ФИЛАТОВ

тился я к старику, сидевшему рядом со мной.

— Говорит, что впервые чужеземец пожелал остаться с нами на Мули.

Как и другие островитяне, рассевшиеся прямо на песке, я сидел спиной к Пьеру Дюмаю.

— Мы должны принять его как брата, — продолжал мой переводчик, — построить для него хижину и устроить в его честь большой праздник.

людьми. Мы делим и рыбу, и таро, и все остальное.

— Наш остров принадлежит всем, кто на нем живет. Правда, у некоторых семей земли больше, чем у других, но только потому, что в них больше детей и стариков, которых надо кормить. Если глава семьи вдруг заболел, семье помогают соседи.

— Мы все здесь братья, — закончил наш разговор Игнас. — Когда я был в Нумеа, я видел,

Л. ШАПОШНИКОВА, кандидат исторических наук.

„Я НЕ ТРОНУ ТЕБЯ, КИЛЛО!“

— так говорят люди из племени бондо, считающие тигра-килло своим лесным братом. О племени, живущем в горах индийского штата Орисса, рассказывается в этом очерке.

КАКИЕ БЫВАЮТ ТИГРЫ

Их время движется медленно, очень медленно. Оно не соответствует нашему. Их настоящее — наше прошлое. Наше настоящее — их будущее. Для того чтобы увидеть прошлое, оказывается, не нужна «машина времени». Достаточно «джипа», иногда и собственных ног. В «джипе» нас трое: шофер, мистер Сераф из коллекторского офиса Карапута и я.

...Колеса «джипа» грохотали по бамбуковым стволам. Внизу среди каменных нагромождений мчалась река. Наконец меж полями и джунглями проглянуло несколько десятков домиков. Это была деревня Говиндопалли. Мы остановились у деревенской придорожной харчевни. Там несколько молодых парней пили крепкий, похожий на кофе чай.

— А, Сераф! — крикнул кто-то из них. — Куда путь держите?

— К бондо. Познакомьтесь, пожалуйста, — повернулся ко мне Сераф. — Эти ребята — из местного «блока по развитию племен».

— Очень приятно. Что же вы знаете о бондо? Ребята из «блока» замялись.

— Видите ли, нас только что организовали, и до бондо мы еще не добрались.

— А карта этого района у вас есть?

— Кажется, была.

Через несколько минут приносят карту.

— Это карта нашего панчаята. Здесь горы Бондо. Вот Говиндопалли.

Действительно, на карте тщательно очерчена граница территории бондо. Ну, а сама территория — большое «белое пятно», на котором стоит ободряющая надпись: «Район топографически не обследован».

...Мили через три кончилась грунтовая дорога, и «джип» пошел по широкой тропе, резко поднимающейся в гору. Скорость приближалась к нулю. Спины наши взмокли, глаза заливал пот.

— Еще один перевал, — сказал Сераф, — и мы у бондо.

Из зарослей на тропу выпорхнуло несколько павлинов. Они остановились, распутив свои сине-зеленые с золотистым оттенком хвосты, и проводили нас удивленными взглядами. «Джип» начал свое последнее восхождение. Наступали сумерки. Мы миновали крутой поворот, как вдруг Сераф спокойно и просто сказал:

— Тигр.

Густые девственные джунгли отгораживают двенадцать деревень страны бондо от остального мира. Удивительно ли, что бондо встречаются с ним так редко. В Мудулипаде «другой мир» представлен полицейским участком, организованным здесь еще англичанами, да маленькой новой школой во главе с ее единственным учителем Мисрой.

Неторопливо льется беседа, не спеша двигаются ловкие руки, нанизывающие на нить бусины... Здесь само время течет медленно.

Будай-токи в день моего знакомства с деревней оказалась самой смелой женщиной. Это не так-то уж просто — быть самой смелой среди бондо. Все они держат себя свободно и независимо, ни перед кем не унижаясь, никому не прислуживая. Для них священо их человеческое достоинство; неслуженную обиду не прощают ни своим, ни чужим.

Фото автора

Легенда говорит, что первый лук подарил бондо бог Махапрабху. Со временем бондо сами научились изготавливать луки. Причем лучше, чем тот первый. Будамадули, вождь бондо, которые смотрят на охоту как на один из источников существования, и сам должен быть отличным охотником.

— Будем кричать.

И мы в три здоровые глотки заорали, как я теперь подозреваю, больше от отчаяния:

— Уу-го-го! И-го-го! Гав-гав-гав! Ух-ух! Трюх-трюх!

И еще что-то в этом роде. Горное эхо подхватывало наши дикие крики и разносило по джунглям. Прислушиваясь к собственному воплю, я подумала, что если сейчас перед нами только один тигр — возможно, через несколь-

ко минут их будет десять. И еще придут львы, медведи и дикие слоны. И уж тогда они нам покажут... Тигр поначалу с удивлением слушал этот своеобразный концерт, но потом ему это начало надо-едать. Он открыл пасть, вооруженную острыми клыками, и рявкнул. И это явно означало: «Молчать!» Мы замолчали. Тигр поднялся. На его морде было презрительное выражение. Он медленно двинулся вдоль тропы, изредка бросая на нас

Впереди на тропе, шагах в пятнадцати от нас, стоял крупный матерый тигр. Мы остановились. Тигр был хорош. Широкие, мощные лапы, длинное мускулистое тело. Увидев, что мы остановились, он уселся и стал нас бесцеремонно разглядывать.

— А я, как назло, даже ружья не взял, — бодро сказал Сераф.

Шофер посигналил, потом включил фары. Но тигр мотнул головой, и это могло означать только одно: «Не старайтесь, все равно не уйду». Поразмыслив немного, тигр решил разглядеть нас поближе. Он как бы нехотя поднялся и медленно направился к нам.

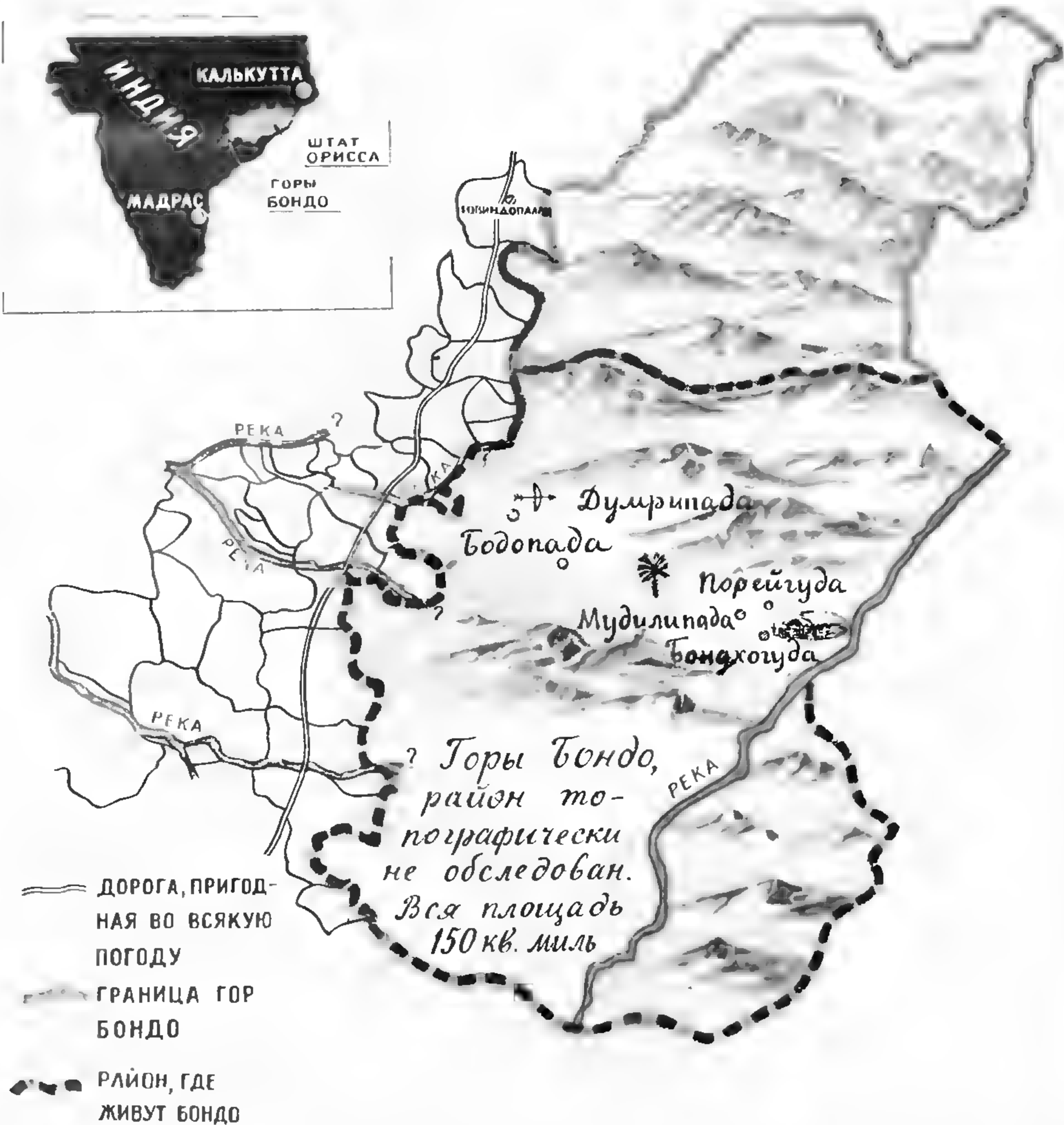
— Решайте быстро, — зашептал шофер. — Дать задний ход я не могу. Уже плохо видно. Но если хотите, я сдвинусь — и тогда мы свалимся в ущелье, или я останусь на месте — и тогда тигр нас съест. Выбирайте!

Выбор был крайне беден. Но мы решили, и «джип» остался на месте. Наше положение было и смешным и трагическим. Три взрослых, совершенно беспомощных человека сидят и ждут, когда тигру заблагорассудится их съесть. А тигр медленно, шаг за шагом приближается к машине. Мы впиваемся в него глазами и начинаем гипнотизировать.

Пройдя пять шагов, тигр снова садится и таращится на нас. Мы — на него.

— Давайте его напугаем, — говорит Сераф.

— Как?

пренебрежительные взгляды. Мы тронулись за ним. Через сотню-другую шагов он снова сел, а мы остановились и стали кричать. Тигр, подрагивая ушами, встал и опять нехотя двинулся вперед. Тигр шеп — мы ехали, он садился — мы останавливались и кричали. Потом неожиданно он исчез за поворотом.

Уже в полной темноте мы преодолели последний перевал. Тропа пошла под гору. Внизу угадывалась обширная долина. Где-то впереди мелькал огонек. Огонек приближался и рос, и, наконец, мы увидели человека, который держал в руке керосиновый фонарь.

— Это Мисра, — сказал Сераф. — Учитель из недавно организованной школы бондо. Он вам поможет познакомиться с племенем.

Мисра поднял фонарь на уровень головы, и я увидела тонкое и нервное, еще почти мальчишеское лицо.

— Я не ожидал вас так поздно, — застенчиво упыбнулся он.

— Нас задержал тигр, — ответил Сераф.

— Тигр? А далеко отсюда?

— Нет, не очень.

— Эй, Сомал — крикнул Мисра.

Откуда-то из темноты вынырнул мальчик.

— Поднимись в деревню, скажи, что тигр близко.

Мальчик исчез, и через несколько минут где-то чуть повыше раздались тревожные крики. Вдруг

Танец только начинается: движения медленны, а руки спокойны. Потом женщины затянут песню, потом загремит барабан, ускоряя ритм движений.

совсем рядом поднялся язык пламени. Он осветил несколько деревьев, хижины под ними и метавшиеся фигурки людей.

— Зажгли костер, — сказал Мисра. — Бондо всегда так делают. Тигры боятся огня.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Утром меня разбудили странные звуки. Я прислушалась. Кто-то шептался и хихикал под окном. Я посмотрела в окно: никого! Я закрыла глаза и снова услышала хихиканье. Очень ехидное хихиканье. Я быстро поднялась и осторожно, на цыпочках подошла к окну. В кустах раздался смех, и я увидела голые спины убегающих людей. Спать сразу расхотелось. Я вышла из домика и огляделась вокруг. Стояло ясное раннее утро. На листьях деревьев и кустарников сверкали прозрачные капли росы. Высокая трава была тоже сырой. Передо мной лежала холмистая долина, замкнутая со всех сторон горами. Почти рядом с моим заброшенным домом, чуть повыше, на холме стояла деревня Мудулипада — самая древняя и самая главная деревня бондо. Столица этой затерянной страны.

На тропинке, ведущей от деревни к полям, показалось несколько женщин. Все небольшого роста, с бритыми головами. Единственной их одеждой были набедренные повязки с разрезом на боку. На обнаженную грудь спускались многочисленные нити разноцветных ярких бус. Шею украшали массивные металлические кольца. Браслеты покрывали руки от запястья до локтя.

Я окликнула их. Реакция была неожиданной: женщины со всех ног бросились в кусты. Но, видимо, любопытство оказалось сильнее страха, и они, возбужденно блестя глазами, стали выглядывать из-за кустов. Временами оттуда раздавался смех. Теперь я поняла, кто были мои утренние гости. Я сделала несколько шагов по направлению к кусту. Гремя тяжелыми украшениями, женщины выскочили из него и укрылись за следующим. И снова стали смотреть оттуда. Шла какая-то странная игра в прятки, смысла которой я не понимала. Я даже представила себе свою будущую жизнь в горах бондо. Выхожу утром, гоняюсь за бондо по джунглям, наконец, ловлю кого-нибудь, выпрашиваю все, что мне надо, и отпускаю. На следующий день ловлю другого, и так все время. Перспектива крайне заманчивая. Но как же поступить сейчас?

— Идемте лучше в наступление на деревню, — посоветовал подошедший ко мне Мисра.

И мы пошли. Мудулипада тонула в зарослях манговых и банановых деревьев. Что-то около тридцати хижин, крытых пальмовыми листьями, со стенами из бамбуковых планок. Деревня встретила нас настороженной, затаившейся тишиной.

— Эй, люди! — крикнул Мисра.

Люди не отзывались. Они делали вид, что не слышат, хотя я и чувствовала на себе взгляды десятков глаз.

— Что ж, бондо всегда так встречают гостей? — спросила я Мисру.

— Вы пока для них не гость, а только пришелец. Чужой. Они еще не знают, кто вы такая. Вот когда узнают и если вы им понравитесь, они будут считать вас своим гостем. А пока придется потерпеть. Они должны к вам привыкнуть.

— Хорошо, — согласилась я. — Я сяду под деревом, пусть привыкают.

ПЛЕМЯ ОБНАЖЕННЫХ

Горная страна бондо расположена в округе Корапут, на северо-западе от реки Мачканд. Река эта протекает по границе между штатами Орисса и Андхра. Горы невысокие, не более 1200 метров над уровнем моря, но густые девственные джунгли, покрывающие их, делают страну бондо труднодоступной. «Бондо» значит — «обнаженные люди». Сами же бондо называют себя «ремо» — «люди». Они говорят на своеобразном языке, принадлежащем к группе мунда. Относительная изолированность способствовала сохранению очень древней культуры племени. Она, по всей видимости, сложилась еще в период каменного века. Откуда появились бондо и каково их происхождение — об этом ничего определенного сказать нельзя. Сейчас можно утверждать лишь одно — это одно из древнейших племен не только Индии, но и мира. В культуре бондо есть ряд черт, которые роднят ее с ранней культурой Малайского архипелага и Океании.

...Идут дни за днями, годы за годами, века за веками. Человек рождается, живет и умирает. Куда уходит он после смерти? Куда исчезли целые поколения бондо? И они видели горы и джунгли, и им светили солнце и луна, и они слышали таинственные шорохи джунглей и завывание ветра. Они думали: откуда это все? Кто создал землю такой прекрасной? Кто дал жизнь людям? Кто уводит их в мрак загробного мира? И предки нашли всему объяснение. Но теперешние бондо не удовлетворяются объяснениями предков, складывая свои рассказы и истории. Иногда они представляют себе мир не совсем так, как их прадеды. И поэтому возникло много путаницы. Но бондо это не смущает. Все, что было и есть, все правильно. Ну, а если некоторые пришельцы из чужого мира хотят понять, что к чему, и требуют определенности, то это их собственная забота...

Мир создал бог. Очень трудолюбивый бог Махапрабху. Он сотворил землю, солнце, луну, звезды, людей, а заодно и несколько десятков богов, чтобы самому не было скучно.

А вот далекие предки бондо считали, что мир сотворила богиня Патхконда. И тут концы с концами не сходятся. Патхконда была главной богиней племени, матерью-землей. До сих пор некоторые бондо считают, что Патхконда — самая главная богиня. Махапрабху появился позже, когда в роде главными стали отцы. Бог-солнце — мужчина, отец — он сверг Патхконду. Правда, есть в племени и такие соглашатели, которые заявляют, что Махапрабху и Патхконда — одно и то же. Но разве может быть земля и солнце одним и тем же? Да и сам этот Махапрабху — существо весьма сомнительное. Ведь, оказывается, солнце было женщиной. Да, представьте себе!

Однажды я спросила у бондо:

— Есть родственники у Луны?

— Есть, — ответил он уверенно.

— Кто?

— Сестра есть. Муж есть.

— Кто сестра?

— Солнце.

— А кто муж?

— Солнце.

— Постой, постой! Как же так? Сестра и муж — одно и то же? Кто же солнце — женщина или мужчина?

Когда к вечеру бондо уходят со своих полей, они всегда оставляют до утра сторожа. Всю ночь он трубит в рог, отпугивая диких животных. Странная ночная песня гор бондо... Всегда кажется, что в ней звучит страх человека, оставленного один на один с темными враждебными джунглями.

Под манговым деревом была тень и прохлада. Спешить некуда. И так я сидела, а бондо привыкали. Привыкали они долго. Часа два. Я уже порядком истомилась вынужденным бездельем, когда вдруг услышала какое-то движение около одной из хижин. Через несколько минут оттуда появилось несколько мужчин. Правда, у каждого из них в руках были лук и стрелы. Они остановились в отдалении и стали о чем-то совещаться. Потом все присели на корточки и стали точить наконечники для стрел о серый плоский камень. Вжик-вжик! Вжик-вжик! Единственный звук, нарушающий мертвую тишину деревни. Мне стало как-то не по себе: «Эти, видимо, совсем ко мне привыкли, — размышляла я. — Может, даже привязались. Теперь они разделаются со мной, как с ближайшим родственником». О воинственности племени я уже была наслышана. Я достала сигареты.

Один из мужчин подошел ко мне и сказал:

— Здравствуй.

— Здравствуй, — ответила я.

Он выразительно посмотрел на сигареты. Я протянула ему пачку.

— Умеешь курить? — спросил он.

— Умею.

— И я умею. И все наши мужчины и женщины тоже умеют.

В это время раздались откуда-то голоса, замелькали повсюду яркие гирлянды бус женщин. Женщины прошли под навес и стали рушить падди¹, изредка бросая на меня взгляды. Наконец самая смелая из них встала и направилась ко мне. Она была хороша собой и обладала каким-то врожденным озорным кокетством. Поблескивая лукаво глазами, в которых еще не успел пройти недавний испуг, она, присев на корточки, ткнула пальцем в грудь:

— Будаи-токи.

Я тоже ткнула себя пальцем в грудь:

— Людмила.

— Люд-ми-ла, — протянула Будаи-токи и залилась ехиднейшим смехом.

Так состоялась моя первая встреча с бондо.

¹ Падди — неочищенный рис.

-- Сначала женщина, а потом мужчина.

— А не наоборот?

— Нет, — сказал он твердо. — Не наоборот.

Поскольку во всем этом разобраться трудно, то будем условно считать великим богом Махапрабху.

Так вот, оказывается, трудолюбивый Махапрабху сначала создал людей, потом богов. Но когда боги появились, уважения особенного им бондо не оказали. Люди были заняты своими делами. Они обрабатывали поля, ели, пили, любили, танцевали. Делать жертвоприношения богам и кормить их у бондо не было времени. И бесприютные боги скитались по джунглям и жили только одними фруктами, цветами и водой. От такой пищи они совсем отощали, и на них было страшно смотреть. А люди день ото дня становились все упитанней и богаче. И так бы продолжалось и поныне, не вмешайся сам Махапрабху. Махапрабху призвал богов к себе. Видя, какие они голодные и тощие, он стал кормить их молоком и сахаром. Боги быстро поправились и повеселели.

— А теперь идите к людям и живите с ними, — велел Махапрабху.

— Но мы не хотим снова скитаться и голодать, — взмолились боги.

— Идите, идите! — прикрикнул на них великий бог. — У меня есть один знакомый среди бондо. Зовут его Сети Сиса. Скажите, что я вас прислал. Он вас всех устроит.

Боги поплелись к Сисе. Их шествие напоминало приход полиции, когда у бондо случалось убийство. Сиса действительно позаботился о богах. Он дал каждому из них имя, определил, где кому жить: кому в ручье, кому в горах, кому в поле. И велел бондо кормить их мясом и зерном. Поэтому-то бондо и стали такие бедные.

Но все это было в стародавние времена, боги давно уже не приходят в деревни. Люди даже забыли, как они выглядят. Я как-то спросила вождя Будамудули:

— Что ты знаешь о жизни богов?

— Что я могу знать об их жизни? Я их не видел. Они все прячутся и не хотят показываться людям. Предки их видели. А я нет. И не знаю поэтому, как они теперь живут.

Такой рациональный подход мне очень понравился. Действительно, что можно рассказать о существах, которых не было и нет? Но жрецы с такой постановкой вопроса не согласны. Если все решат, что богов нет только потому, что никто их не видел, что же делать жрецам? И они заменили богов камнями. Такие ритуальные камни — элементы одной из древнейших культур, которая получила название мегалита, или культуры больших камней.

...Прекрасен мир бондо, созданный природой. Но странен и своеобразен мир, созданный самими людьми древнего племени ремо...

БОНСО ОНТАЛ, БОНСО КИЛЛО

Последние лучи солнца розовым отсветом легли на вершины гор и через мгновение погасли. Ночной мрак быстро затопил долину и деревню. Темные джунгли, казалось, угрожающе надвигались на хижины. На ближнем поле затрубили в рог. Его странный и печальный звук пронесся над зарослями и взмыл куда-то вверх, к звездному небу. В деревне запахло дымом — это хозяйки зажгли очаги. Их слабый желтоватый свет пробивался сквозь

неплотные бамбуковые стены хижин. Бондо вернулись с полей и сидят на корточках около большого мангового дерева. Мы разговариваем с Будамудули, а остальные внимательно слушают.

— Мы охотимся на буйволов, оленей, диких кабанов, — говорит Будамудули. — И еще ловим крыс и змей. Только кобру не трогаем.

— Почему? — интересуюсь я.

— Она наш родственник. Ее нельзя убивать.

— Какой родственник? — не понимаю я.

— Наш бонсо пошел от кобры. Вся Мудулипада принадлежит к бонсо кобры. И Думрипада и Порейгуда тоже. И еще много деревень. Наш бонсо — самый древний и поэтому стоит над всеми другими бонсо. Если человек говорит, что он из бонсо Онтал, — значит кобра его родственник.

— А какие еще есть бонсо?

— Еще Килло. Тигр. Есть бонсо Бхалу. Медведь. И бонсо Голлари — обезьяны. Люди, которые принадлежат к бонсо Килло, Бхалу и Голлари, не трогают тигра, медведя и обезьяну. И они этих людей тоже не трогают. Если человек из бонсо Килло встретит тигра, он должен сказать: «Не трогай меня, килло, я твой брат. Иди, иди куда шел. Я тебя тоже не трону». Тигр и кобра между собой родственники, они были рождены вместе и вышли из одного гнезда. А от них и пошли бонсо Килло и бонсо Онтал.

Что же такое бонсо? Это дошедшие до наших дней древние тотемистические роды племени. При тщательном изучении терминов родства у бонсо выяснилось, что эти термины ведут начало от материнского рода. Поэтому можно утверждать, что бонсо были матрилинейны. Явные пережитки их матрилинейности сохранились до сих пор. Они существуют наряду с развитыми патриархальными отношениями и свидетельствуют о том, что процесс перехода племени от матриархата к стадии господства отцов был сложным и длительным и не завершен до сих пор.

ФАКЕЛЫ В ДЖУНГЛЯХ

Уже поздно. Мудулипада засыпает. Сегодня нет луны и темные джунгли еще опасней, чем обычно. Это время, когда звери выходят на охоту. Они осторожно пробираются во тьме зарослей, выслеживая добычу, и только их глаза горят зелеными, желтыми и красными огоньками.

И вдруг я вижу, как со стороны священного леса движется огонек. Он то исчезает, то снова появляется. Рядом с ним еще один, потом сразу два. Огоньки множатся и неотвратно надвигаются на Мудулипаду. Рядом со мной бесшумно возникает чья-то фигура. Я всматриваюсь в темноту и с трудом узнаю Сонью Мудули, парнишку лет четырнадцати.

— Слышишь? — говорит мне Сонья. — Это идут. Я тоже пойду с ними.

— Кто они, Сонья? И куда ты пойдешь? Уже совсем ночь.

«Дабаиле басури, дабаиле басури байде!» — доносится до меня.

И снова: «Дабаиле басури, дабаиле басури байде!» («Братья, идемте! Братья, идемте!»)

— Дабаиле басури байде, — повторяет Сонья.

— Ты можешь мне, наконец, ответить, — обращаюсь я к нему, — куда идут эти «братья» и куда ты сам собрался?

— Они идут в селани-динго, в соседнюю дерев-

ню. — И исчезает, поглощенный темнотой, так же бесшумно, как и появился.

Прямо на меня из джунглей выходит группа юношей, человек пятнадцать-двадцать. Каждый в одной руке держит факел, в другой — лук и стрелы. «Дабаиле басури байде!» — кричат они снова. Я подхожу к ним.

— Откуда вы?

— Из Ондраила, — отвечают мне сразу несколько голосов.

Я знаю, что деревня Ондраил расположена в пяти-шести милях от Мудулипада. Пройти ночью по джунглям такое расстояние дело нешуточное.

— Куда идете?

— В селани-динго.

Все появилось и исчезло, как сон: факелы, наплывшие из джунглей, юноши с луками и стрелами, призывные крики: «Пойдемте, братья!..» И только таинственное слово «селани-динго» звучит у меня в ушах.

Утром я спрашиваю Будамудули:

— Что такое селани-динго?

Вождь смеется.

— Любовь, — отвечает он. — Ты, наверное, видела вчера парней из Ондраила? Ведь только любовь может заставить человека пройти долгий путь по ночным джунглям. Разве не так?

— Так-то так... А что же это все-таки — селани-динго?

Будамудули опять смеется.

— Это дом, где ночью собираются девушки. А парни пошли к ним в гости. Они проведут там всю ночь. А утром снова вернутся в свою деревню.

Потом я узнала, что у бондо существуют женские дома, селани-динго, и мужские, ингерсин, — центры жизни неженатой молодежи. Ингерсин, я бы сказала, только своеобразное место собраний юношей. Сюда они приходят, чтобы организовать очередной поход в селани-динго.

В селани-динго юноши и девушки усаживаются вокруг очага, иногда поют и танцуют. Девушки угощают своих возлюбленных жареными крысами и салапом¹. Если юноша бывает недостаточно учтив, он может получить увесистый удар рукой, украшенной множеством металлических браслетов. Однажды за деревней Мудулипада я встретила шестнадцатилетнего парня Сукрамудули. Через лоб его тянулась внушительная ссадина. Он угрюмо поздоровался со мной, на разговор его явно не тянуло.

— Где это тебя так разукрасили? — спросила я его.

— Нигде, — буркнул парень.

— Подрался?

— Нет.

И снова замолчал. Потом посмотрел на мои руки и заинтересованно спросил:

— А женщины в твоём племени браслетов не носят?

— Носят, но не так много, как у бондо.

— Это хорошо.

— Почему хорошо? Тебе не нравится, что женщины бондо носят много браслетов?

— Нет, не нравится. У них от этого руки тяжёлые.

— Значит, тебя женщина побила?

— Ну, какая женщина! — возмутился Сукрамудули. — Она моя невеста. Я хожу к ней в селани-

динго. Но она очень строгая. А вчера в селани-динго она меня так ударила, что в глазах темнело. Другие парни надо мной смеялись.

В Мудулипаде существует только дом для юношей — ингерсин. Это обычная бамбуковая хижина с верандой, очагом и глинобитной суфой. Когда я пришла взглянуть на ингерсин, около него вертелись три холостяка. Это были мальчишки от двенадцати до четырнадцати лет.

— Здравствуйте, холостяки! — сказала я им.

Мальчишки засмутились, но не ушли. Старший из них тонким голосом ответил:

— Здравствуйте.

— Это ваш ингерсин?

— Да.

И тут я в шутку спросила:

— Ну, а невесты у вас есть?

И к моему удивлению, тонкий голосок мне ответил:

— У меня есть девушка. Она из Ондраила. Я подарил ей свой браслет.

Я знала, что подношение браслета равносильно помолвке.

— И когда же ты женишься? — заинтересовалась я.

— В следующем году.

«Сколько же тогда лет невесте?» — подумала я.

Как выяснилось, невесте было двадцать два. Мне объяснили, что такое соотношение у бондо нормальное. Как правило, девушки выбирают возлюбленных на шесть-семь лет моложе себя.

Вот как рассказывала об этом молодая жена по имени Шонкитоки:

— Мужа, если он старше, я должна сама слушаться. В нашем племени все слушаются старших. А Сом Боднаик моложе, и он слушается меня. Что скажу, то и делает. А потом я ведь состарюсь. Кто же будет работать для меня, кто будет кормить меня, если муж будет такой же старый и слабый, как и я? А Сом Боднаик накормит меня в старости. Он будет еще молодым и сильным. Поняла? — И Шонкитоки снисходительно посмотрела на меня.

Правда, мужчины нередко берут себе вторую жену. Помоложе. И обе прекрасно уживаются.

Как и в большинстве племен с родовой организацией, разведенная женщина может вновь выйти замуж. Но для этого она должна вернуться в селани-динго и выбрать там возлюбленного. А ее бывший муж пойдет ночью с факелом через джунгли в тот селани-динго, который ему больше по вкусу.

МУДРЫЙ ВОЖДЬ БУДАМУДУЛИ

Будамудули уже два года вождь племени. Небольшого роста, коренастый, с несколько мрачным взглядом, он медленно выговаривает слова, тем самым придавая им необходимую значительность. Моя первая встреча с ним была несколько необычной. Однажды поздно вечером я пробиравась в кромешной тьме к своему домику. В таких случаях всегда нужен фонарь, и он у меня был. Внезапно на тропинке передо мной возникла фигура человека. Я осветила его фонарем, а он прикрыл глаза рукой, защищая их от яркого света. Человек держал в руке великолепный лук, оплетенный тонкими полосками кожи. Середина его была обтянута тигровой шкурой. Я остановилась, не в силах отвести взгляда от этого уникального лука. И только некоторое время спустя я за-

¹ Салап — вино из сока саговой пальмы.

метила, что человек также пристально смотрит на мой фонарь.

— Обменяемся? — спросила я.

Владелец лука взял фонарь, протянутый мной, щелкнул несколько раз выключателем, посветил на кроны ближних деревьев и прищелкнул от удовольствия языком.

— Возьми лук, — сказал он. — Но это все равно, как если бы я отдал тебе жену.

— Что ж, ты теперь остался без жены?

— Да нет, — засмеялся он. — У меня дома есть еще две жены. Настоящие. Но лук был самой любимой женой.

Так состоялось наше первое знакомство. На следующий день я узнала, что стала обладательницей лука вождя племени бондо.

Потом я познакомилась с обеими женами Будамудули. Это были уже немолодые женщины, явно старше вождя. У каждой из них в просторной хижине Будамудули было по отдельной комнате. Жены не ссорились и дружно шли каждое утро на его поле. Будамудули тоже шел. Но нередко обязанности правителя племени отвлекали его от семейной трудовой повинности. И обе жены оставались на поле одни.

Как и любому вождю, Будамудули полагается решать споры. Споров у воинственных бондо бывает много. И они очень утомляли вождя. Из-за этих споров он даже хотел «отречься от престола». Но племени не было суждено пережить правительственный кризис, потому что однажды вождю пришла в голову счастливая мысль. Он часто видел, как бездельничают полицейские в белом домике на окраине Мудулипады. Целыми днями они дремали в тени манговых деревьев или развлекались охотой в джунглях. Такое откровенное безделье на виду у всего племени не давало покоя вождю бондо. Но ведь недаром Будамудули обладает государственным умом. Мысль, которая посетила его в тот день, своей простотой и мудростью поразила его самого. Однако Будамудули, как человек осторожный, решил выждать. Необходим был какой-нибудь инцидент.

Как-то у хижины вождя остановились двое. Даже в присутствии Будамудули они продолжали ругаться.

— Что случилось? — недовольно спросил вождь.

— Вот Лачмикиршани, — запричитал один из бондо, — украл у меня корову и рис.

— Нет, найко¹, ты послушай, почему я это сделал, ведь он...

Но вождь прервал их обоих:

— Вы зачем ко мне пришли? Чтобы я разбирался в ваших спорах? Да? Я вам кто — вождь или полицейский? Отвечайте.

Спорщики от неожиданности смолкли. Будамудули выдержал положенное время, а потом снизошел к подданным:

— Идите в полицию. Я тоже пойду с вами.

И хотя вождю хотелось спать после сытного ужина, любопытство превозмогло. Уж очень интересно было узнать, как полиция прореагирует на его затею. Полиция прореагировала, как и положено полиции. Инспектор важно сел и стал допрашивать и виновника и пострадавшего. Будамудули сидел на корточках на полу и торжествовал. Полиция, даже не подозревая того, сняла с вождя весьма утомительную обязанность. С того дня работы у полиции прибавилось. Теперь поли-

¹ Титул вождя бондо.

цейский инспектор, ругаясь, разрешал очередной спор или ссору. А вождь бондо дремал в тени мангового дерева или работал на своем поле.

—ТАНЦЫ ДНЕМ

Бондо любят танцевать. И делают это хорошо. Все праздники и церемонии обычно сопровождаются танцами. Есть даже легенда о том, как бондо начали танцевать. Первый бондо Сом Боднаик и его две жены жили на горе Самудра. Махапрабху научил их танцевать. И сказал: «Когда у вас будет жертвоприношение или праздник, танцуйте всю ночь до рассвета, так чтобы все старики, старухи и боги были довольны». И вот Сом Боднаик и обе его жены стали отплясывать ночи напролет. Боги собирались и смотрели на эти танцы и были очень довольны.

Я не бог, но мне тоже очень хотелось посмотреть, как танцуют бондо. Но, как назло, праздников в это время года как раз не было. Тогда я пошла к вождю и сказала:

— Найко, я не видела, как танцуют бондо.

— Ладно. Я помогу тебе. Ты хорошо сделала, что пришла ко мне. Сегодня ночью бондо будут танцевать.

— А днем они могут танцевать?

Мне очень хотелось сфотографировать эти танцы. Будамудули задумался.

— Нет, — наконец решительно высказался он, — бондо не привыкли танцевать днем. Сам Махапрабху велел танцевать, когда солнце сядет.

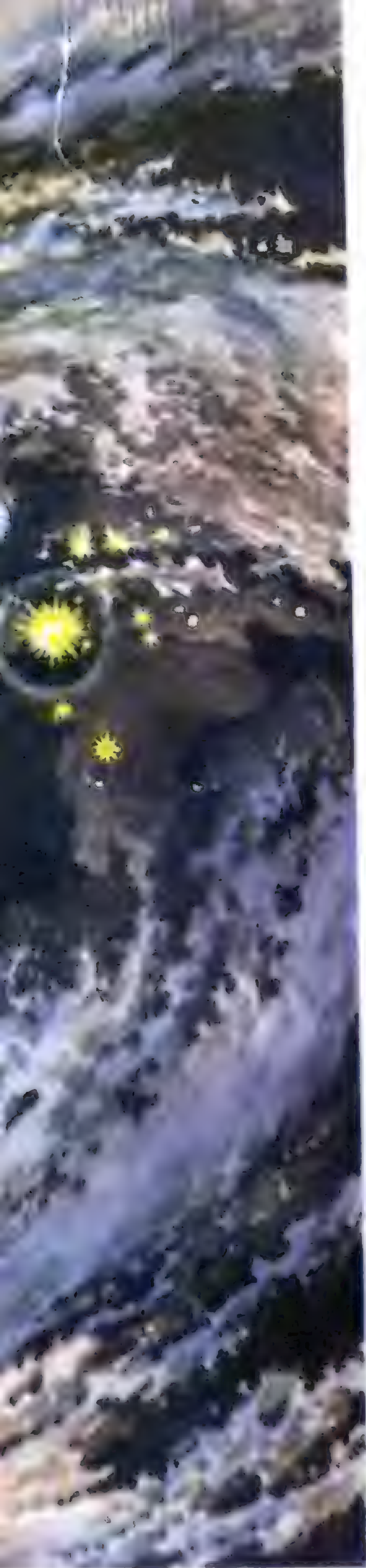
— Мы что-нибудь придумаем, — сказал мне Мисра, когда мои переговоры с вождем потерпели полный провал.

Старания Мисры в конце концов увенчались успехом: танцы начались утром следующего дня. Около синдибора¹ развели костер. Над его пламенем нагрели барабаны, и они зазвучали звонко и резко. Затем появились женщины. Их танцевальные одежды ничем не напоминали одежду обычную, принятую у бондо. Грудь и бедра были задрапированы цветными кусками ткани. Через плечи были переброшены длинные красные и зеленые полотнища. Их концы охватывали талию и спускались до земли. Ноги были украшены браслетами с бубенчиками. Будамудули, как заправский дирижер, дал сигнал музыкантам, и по джунглям понесся дружный ритм барабанов.

Красочный круг женщин сомкнулся и закачался в такт аккомпанементу барабанов, зазвенели бубенчики на браслетах. И, шаркая босыми пятками по сухой земле, хоровод поплыл сначала вправо, потом влево. Руки танцующих оставались спокойными и были прижаты к бокам. Хоровод прошел один круг, потом второй, третий... Потом круг разомкнулся, и все сгрудилось вокруг женщины, стоявшей в центре. Несколько женщин затянули песню. Ее подхватили зрители. И теперь танец шел под эту песню, потому что барабаны замолчали. Через некоторое время барабаны снова вступили, тогда медленная, заунывная мелодия оборвалась. К танцующим присоединились другие женщины. У некоторых на руках были дети. Ритм барабана время от времени ускорялся, и тогда движения танцующих из плавных и медленных становились резкими и прыгающими. Затем снова танец входил в прежний ритм, и вновь плавно двигались бондо...

¹ Синдибор — каменное возвышение для собраний в центре деревни.

олог путь звездолета... Но вот в мощные телескопические устройства корабля можно уже увидеть поразительную картину. Перламутрово просвечивая изнутри, подобно раковине моллюска, из черноты космоса выступает колоссальное инженерное сооружение, космический дом сверхвысокораввитой цивилизации.

Звезда, служившая некогда и здесь центром обычной планетной системы, низведена до поло-

теоретик Дайсон. Он исходил из того, что технический прогресс и, соответственно, потребность человечества в энергии неизбежно возрастут уже в ближайшие две-три тысячи лет до величин космического масштаба. Материала для постройки сферы, по подсчетам Дайсона, в солнечной системе хватит: в дело пойдут разрезанные на «кирпичики» планеты-гиганты — Юпитер, Сатурн.

В «технические подробности» своего проекта — например, в то,

ЗВЕЗДНЫЙ ДОМ

жения ядерной котельной рукотворного, небывалого в природе космического тела, к которому и держат путь звездоплаватели.

Может быть, нечто подобное происходит сию минуту где-то в безбрежной вселенной. Ибо, утверждают многие ученые, в своем развитии любая цивилизация (а их, вероятно, немало в космосе) должна рано или поздно прийти к идее подобного сооружения, к идее системы, полностью использующей энергию своей звезды.

Почти полвека тому назад К. Э. Циолковский, доказывая неизбежность и необходимость выхода человека в космос, писал:

«Вообразим сферу, центр которой совпадает с Солнцем и поверхность которой проходит через Землю. Эта поверхность, освещенная внутри отвесными лучами Солнца с такою же силою, как в полдень весной освещается почва на земном экваторе, получает солнечной энергии в 2,2 миллиарда раз больше, чем весь земной шар». В «эфирных поселениях», расположенных вдоль такой поверхности, по мысли Циолковского, просторно и удобно разместятся миллиарды миллиардов людей.

В наши дни возможность перестройки солнечной системы в гигантскую сплошную сферу проанализировал американский физик-

каким образом будет вращаться сплошная сфера, не разваливаясь и не падая на Солнце, — Дайсон не вдается.

Интересна конструкция, изображенная на этом рисунке. Автор его — Г. И. Покровский, известный советский ученый, профессор, доктор технических наук. Он увидел будущий звездный дом человечества глазами не только художника, но и инженера. Сфера превратилась в раковину, состоящую из колец разного диаметра. Каждое кольцо самостоятельно и устойчиво вращается вокруг Солнца по законам классической ньютоновской небесной механики.

Возможно, близок день, считает член-корреспондент АН СССР И. С. Шкловский, когда земные приборы отметят не видимый простым глазом «инфракрасный» небесный объект. Возможно, что этот объект окажется инозвездной системой, перестроенной ее разумными обитателями, которая поглощает весь видимый свет солнца, но излучает излишек энергии в виде инфракрасных лучей с определенной длиной волны.

И тогда возникнет проблема связи — направленные по определенному адресу сигналы и долгое ожидание ответа братьев по разуму.

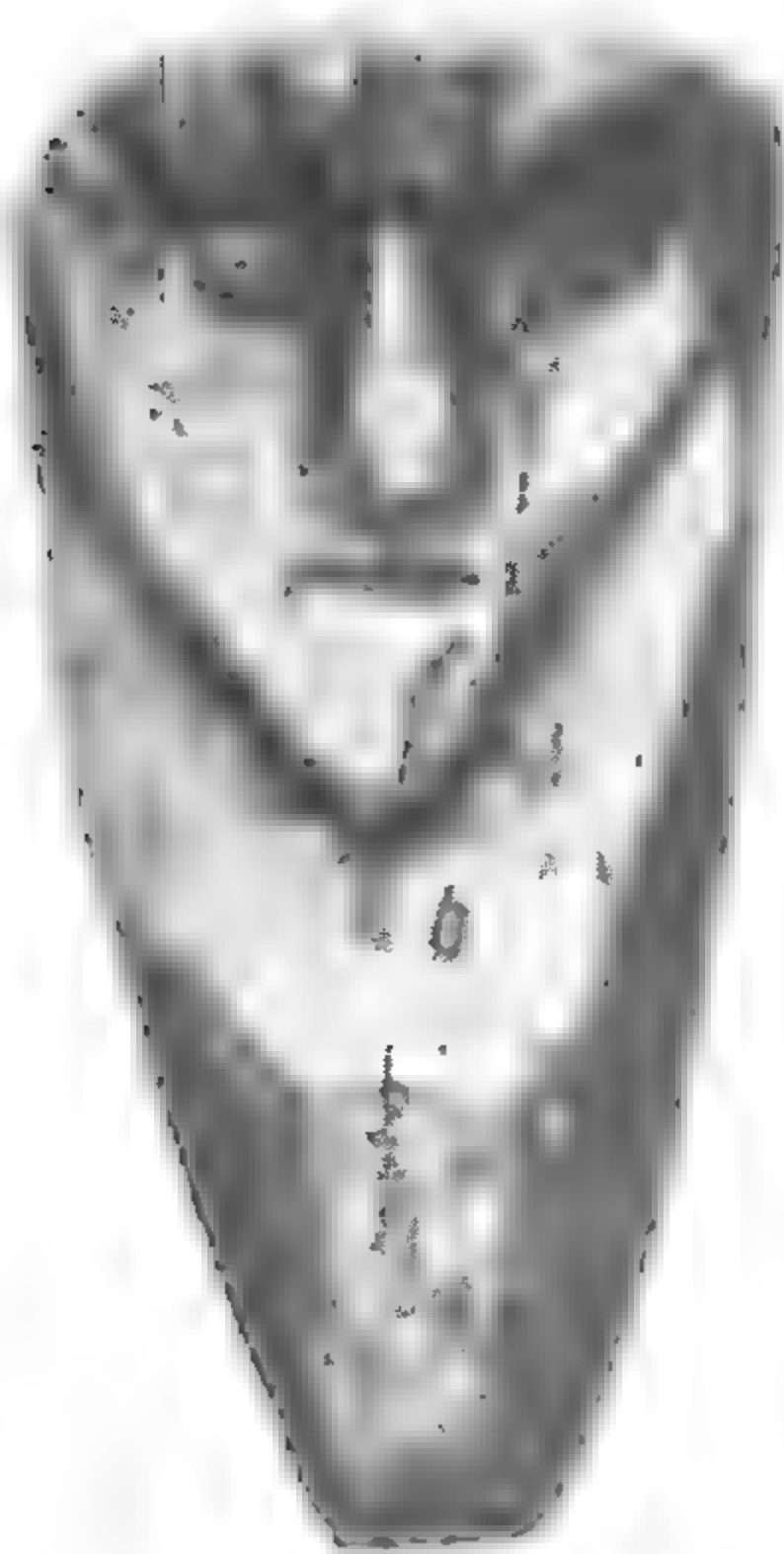
Рисунок Г. ПОКРОВСКОГО

Норманнский кузнец. Деревянный рельеф XII века.

Во втором номере журнала «Вокруг света» за 1966 год в статье «О викингх...» сообщалось, что на побережье Северной Америки найдены поселения норманнов. Читатель К. Ловцов из Владивостока спрашивает: «Не проливает ли это открытие свет на тайну исчезновения викингх из Гренландии?» Отвечая на этот вопрос, мы публикуем статью кандидата исторических наук Г. И. АНОХИНА и отрывок из книги норвежского исследователя ХЕЛЬГЕ ИНГСТАДА, открывшего поселение норманнов X—XI веков в Винланде.

Викинги уходят из Зеленой страны

Ветренным июньским днем 793 года настоятель монастыря, прилепившегося к скалам затерянного у северо-восточного побережья Англии бесприютного островка Линдисфарн, увидел на свинцово-сером горизонте паруса. Монахи, оторванные от всего мира постами, молитвами, «умерщвлением плоти» и хозяйственными заботами, спустились по скользким от морских брызг валунам к самой кромке прибоя — за последние годы ни один корабль не показывался у острова.

Необычные, крутобокие, с высокими и узкими носами корабли, легко ловя ветер красными прямоугольными парусами, все ближе и ближе подходили к скалистому берегу. И вот первый из них, заскрипев днищем, ткнулся в прибрежную гальку, высоко задрав свой форштень с чудовищной деревянной головой получеловека-полудракона со злобными и умолимыми глазами. Из корабля вышли воины с боевыми топорами в руках.

...И через несколько часов от монастыря осталось лишь то, что не было подвластно огню, — каменные стены, а по всему побережью валялись иссеченные топорами трупы монахов и крестьян.

Корабли же с кроваво-красными парусами снова исчезли за горизонтом.

...Так описывают древние хроникеры одно из первых нападений викингх на побережье Англии. И так было везде, куда приходили корабли с деревянными драконами на высоких форштеньях. «Ни один город, ни один монастырь не оставались неприкосновенными. Все обращались в бегство, и редко кто-нибудь говорил: остановись, окажи сопротивление, защищай свою родину, собственных детей, народ! Не сознавая смысла происходя-

щего и в постоянных раздорах между собой, откупались все деньгами там, где нужно было для защиты применить оружие...» — горестно восклицал французский летописец, описывая набеги «северных людей» — норманнов.

Кто же были они, эти безжалостные люди, столетиями сеявшие ужас и смерть на побережье Западной Европы? Что вело их корабли к чужеземным берегам?

Походы викингов длились почти три столетия — с конца VIII до начала второй половины XI века. Разросшееся население Скандинавии к этому времени начало испытывать острый недостаток в землях, пригодных для земледелия и скотоводства. Голод и нужда становились все более частыми гостями поселений. Появилось даже такое понятие — «предназначенные для могилы» — так называли новорожденных, которых глава и господин усадьбы отказывался кормить и оставлял в открытой могиле на голодную смерть.

Люди покидали обжитые места, которые уже не могли их прокормить. Пиратство становилось обычным занятием. Вначале викинги промышляли случайными набегами, но вскоре началась пора длительных походов.

Флотилии норманнов проникали все дальше и дальше на запад Европы. Ладьи викингов спускались в Сену, огибали берега Нормандии, подходили к Лиссабону и Севилье, осаждали порты Южной Италии, проникали в Черное море... И на всем этом пути возникали колонии викингов. Политическая слабость и разобщенность феодальных государей делала страны и княжества Западной Европы беззащитными перед дружинами норманнов.

...И при этом викинги по социальному и культурному развитию были ниже тех, кто оказался беззащитным перед ними... «Походы викингов, — пишет доктор исторических наук Гуревич, — последний этап исторической драмы, вызванной столкновением в Европе двух миров — варварства и цивилизации. Как и варвары, завоевавшие Римскую империю, норманны подчиняли себе отдельные области в странах Запада, заселяли их, оказывали воздействие на их общественный и политический строй. Но... вследствие усилившегося экономического общения с другими странами, под влиянием социальных институтов, материальной и духовной культуры более развитых европейских народов скандинавы... включились в орбиту европейской цивилизации... Социально-политические процессы (переход от племенных союзов к раннефеодальному государству. — *Ред.*) начались ранее эпохи викингов и закончились уже после ее завершения. Походы норманнов, оказавшие... воздействие на эти процессы, не определили их всецело».

Потомки викингов как бы слились с народами Европы, поселения викингов на континенте исчезли...

Но одна колония норманнов оказалась, по существу, оторванной от всего, что происходило в Европе. Колония в Гренландии. Конкретные причины ее исчезновения — до сих пор «белое пятно» в современной науке.

С конца XIII века почти всякая связь с Гренландией была прервана. В 1347 году с ганзейскими кораблями в Норвегию пришел «Великий людской мор» — чума. Вымерла почти треть населения страны. Пришли в упадок ремесла и торговля, обезлюдели города, опустели гавани — гренландские викинги оказались отрезанными от своей прародины. И путь к их поселениям был, по существу, позабыт.

Первые колонии викингов в Гренландии возникли в самом конце X века. У края вечных льдов выросли многочисленные поселки, хутора. Вскоре на западном побережье ледового острова, которому первые колонисты дали название «Зеленая страна», выросло два поселения: Вестербюгд, то есть Западное — так называли хроникеры — на севере и Эстербюгд, то есть Восточное — на юге острова. Гренландские норманны поддерживали тесные связи с торговыми городами Европы, Исландии. От берегов Гренландии регулярно уходили корабли с грузом моржовой и нарвалей кости, тюленьей кожи, оленьей и медвежьей шкуры, вяленой рыбы, сушена, масла, сыра. В XIII веке в Гренландии уже было около трехсот норманнских хуторов, в которых жило более четырех тысяч человек.

Но когда в 1350 году епископ Гренландии Ивар Бордсон отправился из Восточного поселения в Западное, его корабль пристал к пустынному берегу. Стояли брошенные дома и амбары, вокруг бродил одичалый домашний скот. Поселение не было разгромлено — никаких признаков схватки епископ не нашел. Люди просто ушли из своих домов. Навсегда.

...А спустя некоторое время таинственно исчезли люди и из Восточного поселения. Когда норвежский миссионер Хаис Эггеде в 1721 году

Норманнское изделие, найденное при раскопках в Гренландии.

Изображения норманнов, обнаруженные на эскимосских стоянках в Гренландии.

Викинг. Деревянная скульптура.

отправился в Гренландию, он не нашел там ни одного норманна. Только развалины, поросшие мхом... Впоследствии археологи нашли здесь несколько десятков скелетов, на которых были полуистлевшие остатки одежды. Такие одежды в Северной Европе носили в самом конце XV века. Значит, когда Ханс Эгед приплыл в Гренландию, дома норманнов уже столетия были пустыми...

И никто не мог объяснить причину столь внезапного исчезновения гренландских колоний.

...Что же произошло с потомками викингов на далеком ледяном острове с красивым названием — Зеленая страна?

Переселились на родину? Но ни в одной хронике того времени нет упоминания о таком событии.

Погибли от руки каких-нибудь пришельцев? Но археологические раскопки свидетельствуют, что длительных сражений на острове не было.

Может быть, смешался с эскимосами? Но антропологические исследования этого не подтверждают.

Может быть, погибли от тех страшных холодов, о которых неоднократно говорят хроники XIV—XV веков? Действительно, известно, что в Исландии в это время стояли такие морозы, что из года в год вымерзали посевы и голод свирепствовал в стране. Вполне возможно, считают некоторые ученые, что из-за таких холодов в Гренландии резко сократилась площадь пастбищ, ледники надвинулись на селения, а побережье острова блокировали паковые льды. И люди оказались бессильными перед стихией. Но почему же тогда не погибла от этих холодов исландская колония норманнов?

Может быть, потомки викингов просто покинули остров в поисках более благодатных земель?

Эту гипотезу выдвинул в последние годы норвежский исследователь Хельге Ингстад, открывший поселения викингов X—XI веков в Северной Америке.

Существуют свидетельства древних хроник и скандинавских саг, — пишет Ингстад, — на основании которых можно сделать вывод, что от первой разведки берегов Северной Америки — Винланда, как называли ее норманны, — тянется цепочка к последующим плаваниям норманнов на запад, к повторному открытию Северной Америки в XV—XVI веках.

В исландских летописях сообщается, например, о епископе Эрике Гренландском, который в 1121 году отправился в Винланд. Значит, помнили в XII веке путь к Винланду. Другая исландская хроника говорит, что в 1347 году у берегов Исландии показался потрепанный штормом корабль, плывший с грузом леса от далекого Маркланда — так викинги называли Лабрадор. Значит, помнили о далекой земле к юго-западу от Гренландии и в XIV веке. Бывали там и знали оттуда дорогу к Исландии. Существует также весьма примечательный документ XV века, содержащий жалобу немецких купцов на то, что король шведский Эрик XIII запрещает им плавать в западные колонии своей страны, да и... «в иные времена также предписывалось, чтобы никто не пытался плавать в Винланд... Несмотря на это, корабли туда ходили». И наконец, когда Себастьян Кабот в начале XVI века дошел до южной оконечности Гренландии и, по-видимому, побывал на Лабрадоре и Ньюфаундленде, то шел он, как говорят хроники, «исландским маршрутом».

Западный путь от берегов Исландии к Винланду, открытый в X—XI веках, не забывался северными мореходами. Трудно себе представить, — заключает Ингстад, — что путь, который знали в Норвегии и Исландии, был забыт гренландскими моряками, живущими совсем рядом с Винландом. И приводит слова одной хроники XVII века, основанной на древних источниках: «Жители Гренландии в 1342 году по своей воле отказались от христианства и обратились к американскому племени».

Но и эта гипотеза основана больше на предположениях, чем на реальных фактах. Да, в Исландии и Норвегии знали о Винланде, но, оторванные от всего цивилизованного мира, от своей прародины, гренландские колонисты могли забыть о нем. Во всяком случае, на побережье Северной Америки норвежских поселений XIV—XV веков не найдено. Тайна исчезновения потомков гренландских викингов еще не раскрыта до конца.

Несомненно одно: гренландская колония существовала до тех пор, пока колонисты поддерживали связь с внешним миром. Как только оборвалась эта связь, как только гренландские колонии оказались в стороне от общего хода исторического процесса, они прекратили свое существование.

И по-видимому, исчезновение гренландских колоний вызвано не какой-либо одной конкретной причиной, а всем комплексом условий, в которых оказались норманны, оторванные от всего мира.

Епископский жезл. Восточное поселение Гренландии.

Печать города Бергена с изображением ладьи викингов.

ДЕРЕВЕНСКАЯ

Рисунки И. ГОЛИЦЫНА

Старый вепрь пропорол Эмброузу Бекетту живот. Зверь дважды пронзительно взвизгнул, и все было кончено... Это случилось на повороте сырой глинистой тропы, в тот самый момент, когда эхо последнего, уже не нужного выстрела Бекетта отправилось блуждать вокруг долины от вершины к вершине.

Люди, охотившиеся с Бекеттом, обернулись и увидели только изборожденную рыжими щетинистыми складками спину зверя, со скоростью пушечного

ядра мчавшегося к спасительным зарослям бамбука, который держит тебя в тенетах и ранит и царапает, будто тысячью осколков стекла, если ты человек, а не дикий кабан, за которым охотятся уже больше пяти лет и который заporол за это время четырнадцать собак, а сейчас — человека.

Еще издали, когда они бежали к Бекетту, им бросилось в глаза его неузнаваемо изменившееся, серое, как камень, лицо и темные разводы крови, обогравшей тусклую влажную глину под древовидным папоротником. Потом Бекетт со сдавленным гортанным стоном повалился на землю, царапая ее слабеющими пальцами, и распластался на прелых листьях.

Они перевязали его, кое-как заткнув рану кусками своих рубашек и носовыми платками. Но ничего нельзя было поделать с обильным потоком крови, бьющим из рваных ран. И нечем было облегчить его страдание, прорывавшееся в приглушенных вскриках. Они соорудили некое подобие носилок из двух гибких ветвей и покрывал и понесли его по горам в деревню.

Тропа была очень узкой, а лесной перегной от дождя стал мокрым и подавался под ногами; каждый раз, когда кто-нибудь поскользнулся, носилки встряхивало. Потом носильщики приноровились, и раненый перестал вскрикивать. Но вскоре он начал безостановочно стонать, и из его рта медленно потекла темная струйка крови. Это означало, что Эмброуз Бекетт вряд ли дотянет до дому...

И когда это стало ясно, решили послать вперед слабоумного Джозефа, сына масса Кена, за доктором и священником.

Джозеф был самым слабоумным из всех дурачков в деревне. Он жил в мире полусознанных фантазий и невероятно путаных представлений о жизни. Сильный парень, который мог прикончить взрослого человека голыми руками, он плакал от одного неодобрительного взгляда ребенка.

На Кайуне дети не швыряют камни в деревенских дурачков, они только дразнят их; и Джозеф, который любил поджидать детишек с уроков у школы, отчаянно рыдал, припав к корням огромной шелковицы, если ребята, проходя мимо него, сердито спрашивали: «Джозеф, ну-ка!.. Ты что здесь делаешь?!»

Его ничему нельзя было научить, и самые простые наставления он помнил минуту-другую, и то, лишь если ему их буквально вдавливали в голову, то есть сопровождали их подзатыльниками.

Зато в горах он был незаменим.

— Доктор! — говорил сыну масс Кен, стуча костяшками пальцев по его здоровенной башке. — Доктор! Ты понял? — Он снова легонько стукнул его по лбу. — Скажи доктору и скажи священнику, чтоб они ехали скорей сюда. Скажи, чтоб скорее, понял? Скажи им, что массу Эмброузу очень плохо! Очень, очень плохо, понял?

Огромная, как каменная глыба, голова Джозефа

ТРАГЕДИЯ

ДЖОН ХИРН (Ямайка)

последний раз покачнулась от удара, и плоскости его до сих пор неподвижного лица вдруг сместились, сблизились, образовав некое подобие осмысленной улыбки. Он бросился бежать прямо сквозь густую, залитую дождем чашу. Через десять шагов его уже и слышно не было.

До деревни было двенадцать миль и четыре тысячи футов. Этот путь Джозеф проделал часа за четыре и уже в десять самозабвенно колотил в дверь пасторского дома, пока преподобный Макиннон не высунулся из окна. Услышав хлопанье ставен, Джозеф кинулся на середину лужайки перед домом и начал выделывать замысловатые прыжки, выкрикивая что-то невнятное.

— Что?.. Что случилось, Джозеф? — окликнул его преподобный Макиннон.

Пастор ничего не мог разглядеть при слабом свете звезд, он видел только неясное, расплывчатое пятно, подскакивающее на газоне, и узнал дурачка только по этим хаотичным движениям.

Джозеф подпрыгнул повыше и закричал снова; крик этот был напряженным и отчаянно-звонким, исполненным какого-то особого смысла. В конце концов преподобный Макиннон спустился по лестнице; и когда Джозеф бросился к нему, несколько раз шлепнул парня по лбу, пока тот не успокоился. Только после этого священнику удалось уяснить, в чем дело.

— Доктор! — сказал он сразу же, поворачивая Джозефа кругом и подталкивая в спину.

Джозеф прямо через газон, по мокрой багамской траве, бросился туда, где виднелось пятно желтого света в окне докторского дома, стоявшего у самой дороги. Доктор Рашн еще не ложился: он, как обычно, пил в одиночестве, что случалось не реже чем двадцать раз в месяц.

— О великий боже! — сказал доктор. — Где это случилось, Джозеф?

Джозеф увлеченно жестикулировал, но понять ничего было нельзя, потому что расстояний и мер длины, кроме тех, что обозначались футами и ярдами, он не воспринимал.

— А пастору ты сообщил? — спросил у него доктор.

Он был пьян, но не сильно. Если бы это известие пришло немного позже, он был бы уже невменяем. А сейчас он еще только «приступил» и знал, что делать. Он подошел к окну и стал громко звать своего слугу, пока тот не откликнулся сонным голосом из какого-то закутка за домом.

— Седлай мула! — крикнул доктор. — И одевайся сам! Возьми фонарь. Да поживее!

Через пять минут доктор выезжал из деревни, его слуга трусил рысцей впереди, словно ведомый кружком света от фонаря, метавшимся по выючной тропе. Рядом долгое время тянулась полоса деревьев, опавшие плоды которых, смятые и раздавленные копытами мула, источали стойкий приторный аромат. Этот аромат заглушал горячий, маслянистый запах

фонаря и подымался с тропы в холодный воздух.

Доктор нагнал преподобного Макиннона, который ехал на своем коренастом сером мерине в темноте и одиночестве.

Свет фонаря позволил доктору ясно увидеть бледное продолговатое лицо пастора и его гладкие седые волосы, ниспадавшие сейчас на лоб и полные колючек с высоких сорняков, росших по краю обрыва, вдоль которого пролегал троп.

— Вы уже слышали?! — произнес доктор вместо приветствия, и они продолжали свой путь вместе, ведомые раскачивающимся и подскакивающим фонарем.

Пастор как будто клевал носом.

Оставшись один, Джозеф присел на камень у докторского дома. Никто ведь не научил его, что делать после того, как он выполнит поручение отца, и он чувствовал смятение и беспокойство. Дома доктора и преподобного Макиннона стояли на выезде из деревни. Кто же сообщит всем людям в долине о том, что случилось в горах? Джозеф вскочил с камня и побежал в деревню, где начал бестолково метаться по улице от дома к дому, громко

разговаривая с самим собой. Потребовалось совсем немного времени, чтобы от его криков проснулись все.

— Джозеф, гадкий мальчишка, — пронзительно заверещал мистер Теннант, школьный учитель. — Ты почему шляешься по улице в такой поздний час?

Джозеф только махнул своей огромной грязной ручищей.

— Ах, так?! Вот я тебя сейчас палкой!

Джозеф отскочил, как отогнанный пес, от дома мистера Теннанта, но громко бормотать не перестал.

Мистер Теннант вышел на улицу — на его пухлых губах блуждала деланная улыбка, а в руках была крепкая длинная хворостина. Джозеф пулей помчался к дому сапожника. Только два человека в деревне умели довольно быстро извлекать смысл из сбивчивой, нечленораздельной речи дурачка: его младшая сестра Эльвира и масс Эммануэль, сапожник.

— Джозеф, — сказал ему масс Эммануэль. — Почему ты не спишь, а? Какой скверный парень! Надо бы, чтоб учитель взгрел тебя как следует...

Сапожник положил руки на его дрожащие плечи, и тогда он стал объяснять массу Эммануэлю, что случилось с Эмброузом Бекеттом. Он с необыкновенной живостью изобразил быстрое, судорожное движение вепря, набросившегося на охотника, а потом принялся старательно корчиться от боли на земле, показывая, как это делал масс Эмброуз. А масс Эммануэль переводил его «рассказ» заинтересовавшимся односельчанам, которые начали выходить из своих домов. Люди поднимали глаза кверху и смотрели на холм за деревней, где стоял дом Бекеттов.

Потом они тихо пошли к этому дому.

— О господи! — воскликнула мисс Вера Браунфорд. — Подумать только! Масс Эмброуз! Такой прекрасный человек. Бедная Луиза!

Вера Браунфорд была центральной фигурой в толпе деревенских матрон, шествовавших к дому, где Эмброуз и Луиза Бекетт прожили вместе тридцать лет. Вере Браунфорд было девяносто восемь, если не

все сто. А может быть, и еще больше. Ее первый внук родился раньше всех ныне живущих в деревне; всего несколько человек помнили ее — и то довольно смутно — в пору уже не первой молодости. Ее личное участие во всех рождениях, похоронах и свадьбах стало обязательным ритуалом. Жизнь ее была столь долгой и насыщенной, что сейчас у старухи уже не осталось никаких желаний, кроме одного — не чувствовать боли. Временами в мире ее собственных чувств, желаний и надежд уже начинала стираться грань между жизнью и смертью. И, понимая лучше других весь ужас и смятение, какие овладевают человеком, когда он приближается к этой призрачной линии, она давала утешение людям, как дерево дает тень или как поток — воду, со всей щедростью и бескорыстием человека, прожившего большую жизнь. Это стало как бы ее профессией.

В гурьбе подымавшейся на холм молодежи общим вниманием завладел Джозеф. Его мимические превращения то в Эмброуза Бекетта, то в дикого кабана начинали приобретать завершенность искусства. За всю свою жизнь он еще ни разу не удостоился такого уважения к своим способностям и к своей осведомленности, как сейчас.

— Джозеф, — озабоченно сказал, подойдя к нему, масс Эммануэль, когда они поворачивали на тропу, ведущую к спящему темному дому Бекеттов. — Джозеф, я совсем забыл. Нам нужен лед, чтобы обложить тело масса Эмброуза. Скажи им, чтоб дали лед. Лед, ты понял? В магазин! В Ириш-Корнер!!!

Сапожник дал парню пятишиллингую бумажку и с улыбкой обнял его. Только два человека: Эльвира и Эммануэль — Джозеф это хорошо знал — не сопровождали свои слова и наставления подзатыльниками.

Джозеф повернулся и побежал по тропе вниз. Он струйкой дыма скользнул сквозь толпу и быстро исчез из виду. Но еще долго из долины доносились, постепенно утихая, его монотонные «песнопения» — мешанина из религиозных гимнов и всех известных ему пе

сен. Он неизменно дополнял знакомые мотивы чем-то своим. И хотя эти его сочинения были осмысленны не более чем раскаты грома, каждая «песнь» обладала удивительной, всепроникающей силой: казалось, она нисходит, обволакивает вас со всех сторон.

Преподобный Макиннон и доктор Раши встретили охотников милях в пяти от деревни. И пастор и доктор услышали впереди лай собак и увидели огни фонарей, мечущиеся в ананасовых кустах на плантации в горной седловине.

Обе группы должны были встретиться на краю долины, на тропе, протоптанной в сплошном массиве хедихума. Ночь была холодная, с высоких, потерявших очертания горных вершин спускался туман, заполняя постепенно всю долину. В воздухе слышался только слабый, приглушенный звон: «тванг-тванг!» — этот звук издавали копыта мулов, ступавших по камням, покрытым длинными листьями хедихума.

— Эй! — крикнул слуга доктора, заведя свет фонарей. — Это ты, масс Кен? И это ты, масс Хантли?

— Да-а! — медленно прокатилось слабое эхо ответа и растаяло где-то в долине. — А кто здесь?

— Доктор. Доктор и пастор. Как масс Эмброуз?

— Ему конец...

Фонари освещали обескровленное, землистое лицо. Оно было так искажено, что приобрело несвойственное Эмброузу Бекетту при жизни выражение жестокости и циничной злобы.

— Ну и ну!.. Будь я проклят! — пробормотал доктор Раши. Потом, вспомнив о пасторе, обернулся к нему. — Прошу меня извинить, но взгляните сами!

— Взглянуть? На что? — холодно произнес преподобный Макиннон. Он всегда недолго любил этого доктора, а сейчас особенно.

— На его лицо. Вы много видели на своем веку мертвецов?

— Не считал. Столько же, сколько и вы, вероятно.

— Вот именно! — воскликнул доктор. — Во всяком случае, достаточно. Но где вы видели, чтобы мертвецы были с одним открытым глазом? Как известно, обычно у умершего человека оба глаза открыты. Или уж оба закрыты. Но так!.. Дьявольщина какая-то, правда?

— Я полагаю, что это не имеет существенного значения, доктор, — сказал преподобный Макиннон. Его длинная и некрасивая шотландская физиономия сморщилась в гримасе отвращения. Только присутствие охотников удерживало пастора в рамках вежливости.

— Конечно, существенного значения это не имеет, — отозвался доктор. — Я просто хотел обратить на это ваше внимание. А сейчас, мне думается, делать нам здесь больше нечего. Бекетта нужно доставить домой.

На обратном пути в долину доктор и пастор ехали позади всех.

— И как такое случилось, а, доктор? — первым нарушил молчание преподобный Макиннон. — Просто ума не приложу!

Его угнетало то, что он не любит доктора, «ближнего своего». И раньше он не раз задавал самому себе вопрос: как получилось, что он, служитель бога, не сумел установить контакта с этим веч-

но пьяным, опустившимся, изолированным от общины существом?

— Ничего тут нет удивительного, — ответил доктор. — Знаете ли вы, сколько в мире существует способов умертвить человека? Я как-то подсчитывал от нечего делать. Тысячи, буквально тысячи!

Преподобный Макиннон не нашелся, что сказать. Он знал по опыту — лучше не связываться с этим одиноким, ожесточенным человеком, который, что ни говори, оберегал здоровье жителей не только всего прихода, а еще и двух десятков деревень вокруг.

«И не такой уж он хороший врач», — подумал было преподобный Макиннон, но тут же устыдился и этой мысли и того, что она доставила ему удовольствие.

— А ведь вроде бы такой сильный и энергичный человек! — произнес пастор немного погодя. Его стала угнетать эта зловещая ночь — густой туман, несущий в лицо холод и сырость и заполнивший всю долину, отчего казалось, будто путники бредут прямо по воздуху; и эти фонари, которые все время качались, качались, освещая молчаливых мужчин, неловко карабкавшихся с самодельными носилками по горной тропе.

— Да, он был сильным человеком, — сухо подтвердил доктор.

— Совсем недавно я видел, как он корчевал с сыновьями участок — тот, что вверх по реке. И знаете, он один делал вдвое больше, чем оба его сына... — продолжал преподобный Макиннон.

— Да, Бекетт был хорошим фермером, что верно, то верно, — откликнулся доктор все тем же тоном. — Судя по тому, чего он достиг за последние годы, он был именно таким. Он знал, чего хотел, — в этом все дело.

— Он был примером для всей общины!.. — торжественно проговорил Макиннон. — Богобоязненный и разумный человек. Примерный семьянин. Ему недоставало только образования. А то он мог бы стать мировым судьей. Да, он был примером! Примером христианина.

— Ну что ж, может быть, его сыновья тоже станут такими, — сказал доктор. — Имея такого папу, им ничего другого не остается.

— Эти семена, к сожалению, упали далеко от корня, — возразил преподобный Макиннон. — У Томаса, как и у отца, есть чувство долга, но он слаб. А Сидней думает только о себе и о собственных удовольствиях. Он причинял Бекетту немало хлопот.

— Неужели? — вежливо осведомился доктор.

— О да! Для отца он был источником постоянных огорчений. Как вы думаете, который из них унаследует арендованную землю? Томас или Сидней?

— Не могу сказать, — ответил доктор. — Я ведь врач, а не адвокат Бекеттов. Вероятно, они поделят землю поровну. Бог ты мой, земли у покойного было вполне достаточно для здешних мест.

Преподобный Макиннон насупился и заерзал в седле. «О великий боже, — подумал он, — сделай

Томаса наследным арендатором». Он угрюмо глядел вперед, на кивающую голову мула, темневшую над неясными очертаниями носилок. Люди шли сейчас быстрее, потому что Эмброуз Бекетт скончался и не надо было заботиться о том, чтобы носилки не качались.

Двадцать лет назад Эмброуз Бекетт арендовал у прихода земельный надел. Это был первый пункт его жизненной программы, которая должна была сделать его самым крупным фермером в округе. Земля оказалась хорошей и давала приходу приличную ренту. Но после войны, когда все цены поднялись, рента по сравнению со стоимостью земли значительно понизилась, и преподобный Макиннот стал изыскивать способы ее увеличения. По природе сво-

«Я не жадный, — убеждал себя преподобный Макиннот в темноте. — Ведь я хочу этого не для себя. Пасторат приходит в упадок, и, если мне придется послать на будущий год Джин на родину, ее нужно одеть. И вероятно, на два сезона сразу. Девочки растут так быстро...»

Со временем — он был уверен в этом — он сумел бы убедить Эмброуза Бекетта, как это ни было бы трудно. А сейчас придется начинать сначала. С сыновьями. Если бы только Томас стал наследником, задача бы значительно упростилась... Это мягкий, почти женственный парень, очень набожный и умеющий ценить отношение церкви к их семье. А с Сиднеем намного сложнее. Он трудный и туповатый. И вдобавок самонадеянный.

Сидней обращался с преподобным Макиннотом с какой-то небрежной вежливостью, которая приводила пастора в бешенство и парировать которую было еще труднее, чем открытую враждебность; или же с ласковым безразличием, которое, однако, при случае сменялось беззлой жестокостью.

К примеру, как-то днем Макиннот застал его с молодой индейкой под большой скалой у реки. Парень поднял голову от ослепленного страстью лица девицы и воззрился на пастора с холодной, насмешливой злобой. А на следующий день, в воскресенье, когда Макиннот, читая со своей кафедры проповедь о грехе прелюбодеяния, взглянул вниз, на передний ряд, где в жарком, наглухо застегнутом черном сюртуке восседал Эмброуз Бекетт со своим семейством, он встретился с таким озорным и заговорщицким взглядом Сиднея, что невольно запутался в словах.

...Пока они спускались с телом Эмброуза Бекетта в долину, Джозеф уже достиг рынка в Ириш-Корнере. Он тарабанил по цинковой ограде магазина, пока оттуда не вышел сторож-китаец и не собралась небольшая толпа людей. Тут он снова начал излагать историю про Эмброуза Бекетта и кабана в лесу. Это уже было великолепное, почти профессиональное представление. Правда, потребовалось немало времени и усилий,

прежде чем люди поняли, наконец, что же случилось и чего он хочет. Тогда Джозефу дали большой брус льда, завернутый в грубую мешковину, водрузили тую ему на голову и отвели на дорогу, ведущую к деревне.

Почти не останавливаясь, он неслся в темноте по горным тропинкам и весь взмок от пота, словно его полнали; однако он не чувствовал себя усталым — возбуждение придавало ему силы. Он никогда еще не играл такой значительной роли в жизни людей и смутно ощущал, по-видимому, что вряд ли это еще случится.

Он долго и легко бежал рысцой в гору — и вдруг замедлил бег и остановился. Его ладони и огромная голова ощутили сквозь мешковину прохладную сырость льда. От дикого восторга Джозеф

ей он был застенчивым и робким человеком; и в своем стремлении увеличить церковную ренту он ограничился на первых порах одними намеками. Завуалированные и, как правило, случайные вначале, эти намеки за три года значительно эволюционировали и превратились в постоянные жалобы на тяготы земной жизни и возросшие материальные затруднения церкви. Гордость и природная робость удерживали пастора от прямых требований поддержать церковь. Удерживало его также и то печальное обстоятельство, что Эмброуз Бекетт ни на какие намеки не реагировал — арендатор вел себя с достоинством уверенного в существовании справедливости человека, который ценит землю больше, чем собственную жену, и знает, что он полезен приходу.

исступленно замычал. Лед... Лед... Если он поспешит, то ему отколют кусок белого, блестящего, шероховатого льда; он будет облизывать его, сколько захочет, он будет держать его над запрокинутой головой и открытым ртом, и холодные, невообразимо приятные капли воды будут падать ему прямо в горло; он будет тереть его неровные края по своим крепко сжатым векам, и вода, высыхая, будет приятно холодить кожу!

Он пританцовывал от радости, балансируя с глыбой льда на голове. В горах, где он жил, лед все еще считался роскошью — не для доктора, конечно, — у того даже имелась специальная машинка, которая делала из льда кубики...

Обитатели дома Бекеттов услышали лай собак раньше, чем люди поднялись на холм. Луиза выскочила из дому и бросилась по тропинке вниз, туда, где светились фонари. Взглянув на носилки, она закричала и стала дико выть, закрывая руками лицо и стягивая кожу судорожными движениями пальцев.

К ней подбежали оба сына.

— Мама... Мама...

Томас прижал ее к себе и тоже зарыдал.

Сидней нежно обнял ее за плечи.

— Не надо мама. Я буду заботиться о тебе... Всегда буду с тобой. Не надо...

Тело внесли в дом и положили на кухонный стол. Он был короток, и ноги Бекетта свешивались вниз;

доктор выпроводил всех из кухни и при свете четырех фонарей стал зашивать рваные раны. Лишь один раз он открыл рот, чтобы пробормотать:

— Бедняга, только в аду могут так отделать человека... Но будь иначе, ты бы дольше промучился...

В небольшой, тесной гостиной рядом с Луизой Бекетт сидела Вера Браунфорд. Луиза припала головой к ее старой несокрушимой груди, высохшей и жесткой, как пожарный шланг, и в то же время широкой и успокоительной, как океанский простор.

— Выплачься как следует, дитя, — говорила Вера Браунфорд. — Хорошенько покричи. Если не будешь плакать, вся сила от тебя уйдет. О боже, как тяжело терять человека! Как тяжело терять такого хорошего человека, как Эмброуз! Кричи сильнее, дитя. Тебе станет легче...

Старческий, надтреснутый голос звучал ровно, но

многолетний опыт сопереживания придавал обычным словам утешения силу высокой поэзии. Луиза Бекетт плакала горько.

Женщины деревни сгрудились возле софы, а мужчины, окружив охотников у дверей дома и на улице, слушали рассказы очевидцев, о том, как все это было. Детишки толпились около взрослых, широко раскрытыми глазами, не мигая, глядя в сторону кухонной двери.

Преподобный Макиннон подходил то к мужчинам, то к женщинам. Наконец он пробрался к Луизе Бекетт.

— Луиза, — обратился он к ней. — Прими мое утешение. Вспомни: ведь твой возлюбленный супруг не ушел от нас навсегда. Он только переселился в высший мир и ждет тебя в обители нашего господ. Твой супруг был хорошим человеком, Луиза, ревностным христианином. Пусть это утешит тебя в ожидании вечного блаженства...

Женщина подняла к нему окаменевшее от горя лицо и взглянула на него покрасневшими глазами.

— Спасибо, пастор, — прошептала она и снова уткнулась головой в грудь Веры Браунфорд.

В группе мужчин слышался глухой, нетвердый голос Хантли:

— Иисусе, это случилось так быстро... Говорю тебе, масс Эммануэль, это все так быстро случилось, что мы ничего не успели увидеть...

— Что же это делается на белом свете? А? — вопрошал Эммануэль. — Ведь прямо по библии: и в расцвете жизни мы смертны.

— Ты верно сказал, Эммануэль, — подхватил преподобный Макиннон. — Это истинная правда. — Он положил свою руку Сиднею на плечо и слегка пожал его. — Всегда помните: мы, христиане, не должны бояться смерти, если живем так, что смерть находит нас готовыми предстать перед богом.

Он внимательно смотрел на Сиднея, пока говорил; но лицо молодого Бекетта оставалось печальным, замкнутым и угрюмым: на нем ничего нельзя было прочесть.

Мистер Теннант, школьный учитель, прочистил горло. Он высоко ценил преподобного Макиннона и считал своим долгом поддерживать его в деревне, давая земной, практический «ход» утонченным и возвышенным изречениям священника.

— Это относится и к вам с Томасом, Сидней, — заговорил мистер Теннант. — Вы должны теперь стать настоящими мужчинами. Должны трудиться на своей земле так же старательно и упорно, как ваш отец. Должны заботиться о вашей доброй матушке...

Вдруг люди услышали из темноты громкое, хриплое мычание, и через несколько секунд к дому подбежал Джозеф — с пеной на губах, взмокший от пота, который, смешиваясь с водой оттаявшего льда, грязными полосами тек по его лицу и успел промочить всю одежду.

Люди перестали говорить, когда увидели лед. Масс Кен, отец Джозефа, взял сына за руку и провел в дом. Четверо мужчин из тех, что охотились в этот день с Эмброузом, последовали за ними. Они сняли с кровати постельное белье и матрас и приготовили кипу старых газет, чтобы подложить под тело покойника. Потом очистили глыбу льда от грубых, шершавых клочьев мешковины и раскололи ее на пять кусков. Расстелили газеты прямо на голых пружинах кровати и сели ждать в полутьме маленькой комнаты, в которой Эмброуз Бекетт прожил со своей женой больше тридцати лет.

К Сиднею, оставшемуся во дворе, подошел, молодой охотник, который тоже был сегодня в горах с его отцом, и осторожно положил руку ему на плечо.

— Сидней, — сказал он. — Мне тяжело, поверь, не меньше твоего. Не меньше, чем если бы это случилось с моим отцом... Возьми себя в руки, Сидней. Мы не оставим вас в беде. Вам теперь нужен будет помощник для обработки участка, который вы с массом Эмброузом раскорчевывали на днях. Что вы будете сажать? Земли там хорошая.

В глазах Сиднея сверкнули слезы. Он вспомнил этот последний день работы на новом участке у реки. Какой силой и уверенностью веяло от могучей фигуры отца в тот яркий и солнечный день!..

— Спасибо, Зак, — сказал он. — Спасибо. Томасу и мне нужна будет помощь. Отец хотел посадить там цитрусы. За них хорошо платят сейчас, ты же знаешь. С тех пор, как кончилась война, людям опять понадобилось апельсиновое масло.

Томас с беспокойством взглянул на брата.

— Когда это папа говорил, что мы посадим там цитрусы? — спросил он. — Ведь мы еще только обсуждали это. А в последний раз, вспомни, я сказал, что нужно сажать имбирь. Мне больше нравится имбирь. Он надежнее.

— Имбирь выращивают все, Томас, — произнес Сидней терпеливо. — Отец говорил еще, что если все мелкие арендаторы будут выращивать один имбирь, то он в конце концов погубит их. Должен же кто-нибудь сажать и другие культуры...

Дверь кухни раскрылась, и в желто-белом прямоугольнике света появился силуэт доктора Раши. Сид-

ней и Томас, масс Кен и Эммануэль вошли в кухню и вынесли оттуда тело покойника. Доктор сделал все, что от него требовалось. Он даже смыл пятна крови на теле мертвеца и обернул его простыней, снятой с кровати, и люди стали расходиться по домам.

Ушли все, кроме Веры Браунфорд и трех ближайших друзей Луизы.

Была мрачная предрассветная темень — время ожидания первых лучей солнца, которые вот-вот коснутся горных вершин и начнут калить небо над долиной.

Вернулся домой преподобный Макиннон и расседлал своего коренастого серого мерина. Потом он взошел на свое одинокое ложе, вспоминая кроткую, измученную жену, которую схоронил два года назад, и с беспокойством думая о своей пухлой дочке, видевшей десятый сон в пансионе милях в ста от деревни.

И доктор Раши вернулся домой. Его слуга увел мула, а он сел допивать бутылку, которую начал перед появлением Джозефа; он думал о ранах Эмброуза Бекетта и о том, сумел бы он спасти ему жизнь, если бы подоспел вовремя; а еще он думал о том, что послал неделю назад в Куинсхейвен на анализ соскоб, взятый у Эмброуза Бекетта, потому что сам он нашел у него первые симптомы рака прямой кишки...

Сидней и Томас тоже легли спать. Они лежали на кровати, на которой спали с детства, тесно прижавшись друг к другу и мучительно всхлипывая. Но, не переставая убиваться по отцу, они не переставали также спорить о преимуществах разведения цитрусовых или имбиря.

В комнате, где лежал покойник, коротали ночь женщины. Время от времени Луиза наклонялась над кроватью и недоверчиво прикасалась к влажной простыне.

— Масс Эмброуз, — тихо спрашивала она, — ты умер? Ты вправду умер?..

И Джозеф тоже вернулся домой. Он всегда спал в кухне с Эльвирой, своей младшей сестрой. И сегодня, прижавшись к ней, он вдруг начал плакать горькими слезами. Эльвира проснулась и спросила, в чем дело. И он «рассказал» ей, как он быстро пробежал весь путь до самого Ириш-Корнера, и как потом пробежал этот же путь обратно со льдом, и как никто не дал ему после всего этого даже малюсенького кусочка льда...

Неблагодарность и невнимательность людей глубоко поразили девочку. Она вытерла слезы с его большого потного лица и прижала его к себе, укачивая его и осыпая короткими, как птичьи клевки, поцелуями.

Скоро он заснул.

Перевел с английского Г. ГОЛОВНЕВ

Андре Моруа

Миф ПАРИЖАНКЕ

Речь пойдет о женщинах Парижа, не о Парижанке. Ибо это разные вещи. Парижанка стала мифом, понятием, образом. А женщины Парижа — это жизненные судьбы — различные, яркие, своеобразные.

Парижанку придумали и создали писатели. Бальзак описывал ее привлекательную фальшь, уживающуюся рядом с искренним простодушием. Бальзак видел разницу между парижанкой и провинциалкой не в месте жительства, а в самой сути. Парижанка скрывала под хрупкой внешностью ум и трезвость, смелость и безудержность. Провинциальную львицу, что властвовала над сердцами в своем департаменте, Париж немедля лишал трона.

«Чудесным утром, — писал Бальзак, — вы гуляете по Парижу. И вам навстречу идет женщина; первый же взгляд, брошенный на нее, кажется предисловием к прекрасной книге, обещающей открыть мир элегантных и утонченных вещей... На ней нет ни ярких одежд, ни вычурных пряжек... На ногах ее однотонные серые чулки, башмачки изящнейшей простоты... Но поглядите, как она ставит ногу, и вы замрете в восхищении».

Это описание верно и поныне. Женщины Парижа по-прежнему славятся своей элегантностью. Но сегодняшние женщины Парижа — выходцы из всех слоев, уроженки многих стран. Аксиома: женщина Парижа может быть из Рима, Мадрида, Лимы, Рио, Боготы или Бейрута. Зачастую она приезжает из Бордо, Лилля или Мазаме. Кино и современные скорости уравнивали шансы. Париж набирает женщин со всего света, но только он кладет на их портрет окончательный штрих.

Через двадцать лет после Бальзака Тэн¹ описывал продавщицу парижского магазина. «Это какая-то особая порода женщин, — говорил он. — Я приобрел совершенно ненужные мне перчатки... Но то, как она их продает, стоит затраченных денег. Никакого жеманства или навязчивости. Голос мягкий, поставленный; понимающая улыбка сообщницы; движения размеренные, грациозные; жесты умелой

¹ Ипполит Тэн (1828—1893) — французский искусствовед второй половины XIX века. (Прим. ред.)

Да, женщины Парижа куда более многолики, чем Парижанки прошлого. На их долю выпала жизнь более простая и более трудная, но у них есть что-то неуловимо общее друг с другом.

Сегодня, как и вчера, нельзя быть женщиной Парижа и не иметь вкуса. Но в Париже не трудно иметь вкус, ибо живешь в окружении прекрасных вещей. Работница, едущая утром в свое ателье на рю де ля Пэ вдоль

хозяйки дома. И все это не для коммерции — таково их естество; им доставляет удовольствие нравиться и красиво одеваться».

Созданный литературой тип Парижанки еще жив. О нем напоминают светская хроника и куплеты кабаре. Несколько кинозвезд, несколько жен политических деятелей, несколько певиц все еще играют эту роль. Но это уже не первая роль. Парижанка отживает свой век. На место ее приходит женщина Парижа.

Сены через двор Лувра, буквально переполняется красотами этого пути. Пусть она даже не думает о них, не замечает; они всегда были здесь, как и во времена ее матери, ее бабки. И этот врожденный вкус становится большой силой. «Во Франции обладать вкусом — это больше, чем быть наделенным умом», — утверждал Бальзак. Добавим лишь, что мы ценим вкус как одно из проявлений ума.

«Острее, чем в Париже, не сыщешь языка», — пел Вийон. Женщины Парижа по-прежнему владеет тайной живого, легкого разговора, чуть сентиментального, чуть ироничного.

СТУДЕНТКИ. Латинский квартал, описанный Гюго в «Отверженных», Сорбонна, какой мы ее знали в нашей молодости, больше не существуют.

Во времена Гюго женщины Латинского квартала были в основном гризетки — веселые, бездумные и ласковые подруги студентов. Сейчас во дворе Сорбонны, в кафе на бульваре Сен-Мишель и на улице дэз Эколь перед книжными развалами среди прохожих, листающих серьезные журналы, девушек так же много, как и молодых людей.

Почему идут они в университеты? Потому что им нравится ученье, но главное, конечно, потому, что женщина сейчас должна иметь профессию. Одни готовятся преподавать; другие врачевать; третьи рассчитывают, что диплом переводчика английского или испанского языка даст им должность секретаря, откроет двери посольства, учреждений ЮНЕСКО. На естественном факультете считают, что девушки не знают равных в лабораторных исследованиях. На факультете права оттачивают мастерство будущие адвокатессы. Девушки в Париже, как и в Лондоне или в Нью-Йорке, испытывают жгучую потребность в моральной и материальной независимости.

Беседую с четырьмя подругами; все — хорошенькие, в коротеньких пальто или твидовых куртках, под мышкой — папки, набитые книгами. Когда они идут по тротуару своим легким шагом, невольно видишь в них победительниц.

— Что читаете?

— Декарт, Валери, Бальзак, Сартр...

— Кино?

— Все меньше и меньше... Особый интерес к старым лентам — Чарли Чаплин, «Броненосец «Потемкин»... По вечерам, если есть время и деньги, — театр, балет... Наше поколение не бежит за новым ради нового.

Я привожу им строки Валери: «Ничто не старится так быстро, как новизна».

— Кто «финансирует» ваши занятия?

— У одних — родители... Иногда стипендия... А я учу латыни мальчишек, которым она наскучила так же, как и мне...

— Вы не боитесь при такой дороговизне жизни, к тому же не имея квартиры, рано обзаводиться семьей?

— Да, это трудно, — отвечает Жаклин, медичка. — И все же большинство из нас бросается очертя голову в счастье.

РАБОТНИЦЫ. Не будем втягиваться в метафизический спор о мужских и женских профессиях. Остановим просто двух работниц во дворе завода «Рено». Первой тридцать три года; завод привлек ее тем, что женщины получают здесь ту же зарплату, что и мужчины. «А потом здесь мужчины следят за тем, чтобы администрация выполняла условия договора, — это надежней». С мужчинами, говорит она, легче быть товарищем — им не придет в голову неприязненно относиться к подруге, если та лучше причесана или туфли у нее поновее...

Вторая, тридцатилетняя, незамужняя, работает с тринадцати лет. Была официанткой в кафе, продавщицей. На «Рено» пять лет. С рабочими тоже товарищеские отношения. С энтузиазмом занимается политикой...

¹ Национальное предприятие «Рено» — одно из немногих во Франции, где мужчины и женщины получают равную зарплату. (Прим. ред.)

«ГОТОВОЕ ПЛАТЬЕ». Слова — это всё. Что-то перестало нравиться? Назовите эту же вещь по-другому — она омолодится. Слово «конфекция» напрочь вычеркнуто из словаря модельеров. Теперь говорят «готовое платье».

— Между Домом моделей и нами, — говорит с гордостью директор универмага, — разница только в ценах... Мы перешли на американские рельсы. А что здесь зазорного? Они же копируют наши модели; мы скопировали их методы... Если бы только французы не были такими индивидуалистами! В Штатах вы можете продать в маленьком городке двадцать, сто, двести одинаковых платьев. Там женщины гордятся тем, что похожи на «идеал». А у нас! Попробуйте-ка продать в Тарасконе или Самбре одно и то же платье жене иотариуса и жене бакалейщика!

ТОРГОВКИ. Частенько они представляли Париж королям и президентам, которых любопытство приводило в чрево Парижа.

— Да, мой дорогой мосье, сюда почаще следует приходить министрам, инкогнито конечно. Они бы услышали всю правду. Ну, как мой салат? Свеженький, как хорошенькая женщина... Не я, конечно... в моем-то возрасте... Каком возрасте? Мне пятьдесят, мосье... Как видите, работа не дает стариться...

ЦВЕТОЧНИЦА. Колет стоит со своим ларьком на Пляс де ля Конкорд. Из-под рук у нее выходят романтические, наивные и мудрые букеты; белые, красные, фиолетовые; тугие, компактные, похожие на ручной работы восточный коаер. У Колет черные глаза, живой взгляд.

— Кто вам подал мысль стать цветочницей?

— Никто. В этом квартале почему-то не продавались цветы. Странный квартал... И вот я решила попробовать. Клиенты теперь приезжают даже издалека. Здесь все решает вкус. Нужно подобрать бутоны, найти цветовой стержень для центра, подогнуть стебли. Мы с матерью не успеваем сделать больше дюжины в день.

— Во сколько вы приходите?

— В десять утра... А до этого надо сходить на Центральный рынок за товаром.

— И вы стоите здесь в любую погоду?

— Да, до семи-восьми вечера.

В любую погоду под колоннадой Габриэль маленькая цветочница Колет строит свои романтические букеты. Цветочница — красивое слово. Цветочница — тяжелое ремесло.

КОНСЬЕРЖКИ. Это уж чисто парижский тип. В других больших городах у каждого жильца свой звонок. В Америке перед роскошными домами стоит портье в форме. Но женщина, которая из своей каморки следит за входом и выходом, которая безошибочно судит по визитерам о личной жизни жильца, которая раздает почту, убирает лестницу, помогает холостяку со второго этажа, — ее не сыскать нигде, кроме Парижа. Она приводит в восторг иностранцев. Консьержка — первый контакт с простым лю-

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН

НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА БОЛГАРИЯ

КАЗ — ТАК НАЗЫВАЕТСЯ ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ГРУЗОВИК, опытная серия которого проходит сейчас технические испытания на полигоне Коларовградского автомобильного завода. У грузовика просторная удобная кабина с климатической установкой.

ПАНАГЮРСКАЯ МАГНИТНАЯ ОБСЕРВАТОРИЯ — первая не только в Болгарии, но и на всем Балканском полуострове. Данины, полученные на Панагюрской обсерватории, используются при составлении мировой магнитной карты, создание которой предусмотрено программой Международного года спокойного Солнца.

В ВАННЕ С ПРОЗРАЧНЫМИ СТЕНКАМИ плавает аппарат, напоминающий остов причудливого судна. С помощью этого прибора можно производить на расстоянии измерения скорости и направления течений. Такие изме-

рения необходимы для рыбного промысла, для контроля за уровнем рек, каналов, искусственных водоемов и т. д. Новый прибор, сконструированный Иваном Джаковым, сотрудником Геофизического института Болгарской академии наук, отличается тем, что все показатели можно получить, не вынимая прибор из воды.

ЛАЗЕРЫ УЖЕ СОЗДАЮТСЯ и успешно применяются в Болгарии. В 1964 году был создан первый рубиновый лазер, а недавно — и газовый лазер непрерывного действия. В настоящее время в Болгарской академии наук ведется работа по созданию лазера мощностью свыше одного мегаватта, который будет применяться при некоторых специальных физических исследованиях.

ВПЕРВЫЕ В СТРАНЕ начнется выпуск кормовой муки из еловой хвои. В селе Чепеларе строится фабрика, которая будет

перерабатывать 260 тонн хвои в год. Хвойная мука обогатит корм для скота витаминами.

САМЫЕ СТАРЫЕ БЛИЗНЕЦЫ В СТРАНЕ — сестры Василка Дерменджиева и Васила Япурджиева недавно отпраздновали свой день рождения в 104-й раз. У Василки Дерменджиевой 10 детей, 16 внуков и 21 правнук, а у ее сестры Василы — четверо детей. Сестры-близнецы чувствуют себя хорошо. За сто лет они ни разу не обращались к врачу.

В АНТАРКТИКУ С СОВЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ отправился болгарский метеоролог Цонко Чапак. Это первый болгарский ученый, который будет работать на ледяном континенте. Чапак занимается изучением высоких слоев атмосферы. Исследования ученых в этой области проливают свет на тайны «кухни погоды».

дом — доставляет им сладостное ощущение непривычной новизны.

Как и все типы людей, консьержка в XX веке быстро изменилась. Закончился век болтливой, жадной до сплетен и подачек толстухи, начавшей свой путь в литературе с романа Эжена Сю. У нынешней консьержки нет времени — на ней весь дом плюс семья. Да еще знаменитая «ложка» — та каморка, откуда она выходит открывать подъезд в любое время суток. Среди них есть даже свои святые — мне рассказывали об одной слепой консьержке, узнававшей жильцов по походке, по тому, как они закрывают дверь.

ТАНЦОВЩИЦЫ. Она маленькая, с ладной фигуркой, хорошенькая. «Хотя красота лица неважна для танцовщицы, — говорит она. — Главное — общий рисунок».

Кроме Оперы и ансамблей классического танца, в Париже существуют бесчисленные труппы современного балета и мюзик-холла. Кстати, между очаровательными солдатами этого корпуса нет глухой стены. Сплошь и рядом девчушка, отданная в училище при Опере, если она растет слишком быстро, «эмигрирует» в смежные жанры: в Оперу ведь нет места слишком высоким женщинам — они нарушили бы общий ансамбль. И она идет выступать в канкане, работает в «Фоли-Бержер», в «Мулен Руж» или в «Лидо».

Забавно, наставница в «Лидо» — ирландка по происхождению, англичанка по национальности и парижанка по избранию. Она считает себя женщиной Парижа, и она права. Ее питомцы беспрекословно подчиняются ее почти военному распорядку.

Те, кто судит о жизни танцовщиц по Бальзаку,

заблуждаются в корне. Они не понимают, что эти девушки ходят вечером танцевать канкан точно так же, как другие ходят по утрам в контору. Представление идет с десяти вечера до двух ночи. Ложатся они, таким образом, не раньше трех и вынуждены спать до полудня. Потом надо одеваться и идти на репетицию — ибо репетиции у них ежедневно, иначе спектакль быстро разладится.

Публика? Поклонники? Те, кого англичане называли раньше «Дежурный-под-дверью-Джонни», больше не существуют. Пожалуй, нигде больше работа не имеет так мало общего с личной жизнью.

— О чем вы разговариваете у себя в уборных?

— Как обычно — дела, семья... Часто, когда простужена или больна, едва хватает сил выдержать представление.

— А вы танцуете, даже когда больны?

— А как вы думаете! Нужно уж, чтобы совсем было не в состоянии, только тогда...

Какие занятия описать еще? Продавщица воздушных шаров позволила бы внести в рассказ поэтический символ?.. Телефонистка — современная богиня, связывающая воедино две судьбы и одним движением прерывающая трагедию?.. Парикмахерша — исповедница своих клиенток?.. Нет, я не могу создать новой Парижанки. Есть женщины Парижа.

ВЛЮБЛЕННЫЕ. Я ехал в машине, и перед машиной на площадке автобуса целовалась пара. Не замечая никого в вечно спешащей толпе, прижавшись друг к другу, серьезные и нежные, они уносились в автобусе в туман сумерек. Ведь влюбленные всегда вдвоем и в целом мире — даже в Париже.

Сокращенный перевод с французского М. МАРИКОВА

ЖОРЖ АРНО

ПЛАТА ЗА СТРАХ

Грязный, с запекшимся ртом, с блуждающими, глубоко запавшими глазами, Штурмер выскочил из кабины. Джонни остался сзади, по колени в зловонной жиже. Потом он с трудом выкарабкался по склону на сухое место. Черные капли стекали с него, тут же впитываясь в землю. Нефть склеила его спутанные волосы так, что он казался лысым. Непристойный, страшный, он приближался хромя.

— Не мог же я остановиться, — проворчал Штурмер: из-за этой неудачи он прямо дрожал от ярости. — Ну, что теперь будем делать?

Глядя на Джонни, нельзя было сказать, что он горит желанием поскорее взяться за дело. Румын

разорвал рубашку, полотняные брюки. А ботинки... ботинки застряли там, в яме. Оставшись нагишом, он стал осматривать свою рану. Нога вспухла, болела, из нее сочилась кровь. Кожа местами лопнула, как на перезрелой вишне. Но что-нибудь различить было трудно, ногу покрывали нефть и налипшая лепешками грязь. Джонни подошел к машине, взялся за дверцу.

— Через час я займусь тобой, помогу тебе отмыться, — остановил его Штурмер. — Но теперь нужно выбираться отсюда. Нефть поднимается, да и солнце тоже. Через час ты будешь ни на что не годен — а ты мне нужен...

Взгляд, который Джонни бросил на Жерара, стоял слез, не выплаканных всеми страдальцами мира.

Окончание. Начало в № 2—4.

Но Штурмер его даже не заметил: такой взгляд пропал даром! Жерар тоже очень устал. И если тут еще думать о постороннем, далеко не уедешь. Думать нужно было только об одном — как выбраться.

— Да, — продолжал Штурмер. — Здорово тебе досталось! Через час у тебя будет жар. Давай не терять времени.

Черное жидкое покрывало уже доходило до заднего борта кузова — грузовик сидел на дифференциале. Чтобы убедиться в этом, Жерару пришлось самому по шею погрузиться в грязь. И все-таки руки его не доставали до шасси. Он набрал полные легкие воздуха и погрузился с головой. Какая мерзость!

Сзади не подберешься. Что же делать? Залить дно воронки цементом или, может быть...

Штурмер чувствовал, что им овладевает неудержимая ярость. У людей его породы это одновременно достоинство и недостаток, они словно дети, которые трясутся при виде игрушки — то, чего они хотят, они хотят немедленно, ждать им невозможно. Это как суеверие. Жерару казалось, что он должен любой ценой вытащить грузовик до наступления жары. Но, по сути дела, эта мысль была совершенно безрассудной и свидетельствовала разве о его мужестве. И жизнеспособности.

Он перебрал в памяти все уловки, все способы, которые узнал за долгое время вождения грузовиков по всяким дорогам — от гнилых венесуэльских льяносов до крутых склонов Анд — здесь ничто не годилось. Ни кирка, ни лопаты, ни тросы, ни два лома не могли принести пользы — здесь нужна была лебедка на переднем мосту. Подумать только, ведь в Лас Пьедрасе было столько разных машин с четырьмя и шестью ведущими колесами, оборудованных специально для размытых лилиями дорог, с лебедками и тросами спереди и сзади, с приводом от мотора... Но кто мог себе представить такое в разгар сухого сезона?

Воздух уже нагревался. В еще прозрачном небе, не замутненном волнами марева, которое поднимется через час от раскаленной земли, с криком пролетела стая зеленых попугаев. Они летели из бескрайних лесов Парикато, с далекого юга. Тяжело, неуклюже, но довольно быстро они тянулись к морю.

* * *

Джонни свалился на землю и сидел теперь, опершись спиной о переднее колесо. По-видимому, ему было очень больно. Температура у него поднялась куда раньше срока, самоуверенно назначенного Жераром.

— Послушай, француз, — попытался крикнуть Джонни. Но ему не хватило дыхания, и он долго собирался с силами, чтобы позвать снова: — Жерар, эй, Жерар!

— Какого черта?

— Подойди!

Штурмер подошел, недовольно бурча:

— Сейчас я тобой займусь. Можешь ты оставить меня в покое хотя бы минут на пять?

— Послушай, скоро у меня начнется бред, и тогда будет поздно. Глубоко засели?

— До рессор. А что?

— Я знаю один способ. Но ты сразу займешься мной, ладно, Жерар?

— Я ведь сказал: как только вылезем...

— Нет, сейчас. С такой раной, как у меня... если ничего не делать... вся эта дрянь, попавшая в кровь, под кожу — это гангрена... Да еще под таким солнцем...

— Что это за способ?

— Обещай, что поможешь мне. Обещай, Жерар! Я не хочу тут подыхать...

— Знаю, что не хочешь ни тут, ни в другом месте. Так что это за способ?

— Мы им пользовались в Румынии, там есть такие же дороги. И этот фокус никогда не подводил.

— Послушай, ты что, рассказываешь свою биографию?

— А ты меня сразу перевяжешь?

— Да, зануда!

— Ну так вот... О черт, как мне плохо!.. Вобьешь оба лома перед машиной. Но не все равно где, а точно по оси... По оси... В этом все дело.

— По какой оси?

Джонни умолк. Казалось, он спит. Голова его свисала на грудь.

— Джонни! Эй, Джонни!

Штурмер бросился в кабину, схватил фляжку с ромом. Потом вцепился раненому в волосы, откинул его голову назад и два раза сильно хлестнул по щекам. Вставил горлышко фляги в рот, плеснул. Джонни поперхнулся, но все-таки сделал глоток. Закашлялся — ром обжег горло. Струйки пены, желчи и слезы потекли у него изо рта. Он открыл слезящиеся глаза, но взгляд оставался бессмысленным. Жерар не стал ждать:

— По оси чего?

— Не знаю... О чем ты?.. Какая ось?..

— Ты мне сказал: вобьешь оба лома по оси... И больше ничего: ты грохнулся в обморок. Так по какой оси?

Джонни задумался, наморщил лоб, и по морщинам к вискам потекли нефтяные ручейки. Потом заговорил задыхаясь; гримасы боли то и дело искажали его лицо:

— Так слишком трудно объяснить... Но ты вывернись... У меня башка раскалывается... я тут, а башка катится туда, а я тут... Вот, значит... О чем это я?

Жерар схватил его за плечо и встряхнул. Но рука его скользнула по жирной коже, Джонни не удержался и свалился на бок.

— Как это сделать? — засрал Штурмер ему на ухо. — Как... это... делается?

— Будь проклято все, мне плохо... Помоги мне... Мне очень плохо, я больше не могу...

— Как это делается?

— Заклинишь тросы между ведущими колесами... От колес — к ломам. По оси, Жерар... По оси...

Он снова потерял сознание. Штурмер приподнял его и прислонил к колесу. Потом отцепил от заднего борта оба лома, взял в кузове кувалду и отнес все вперед, метров на пять-шесть от переднего бампера.

* * *

Раненый очнулся. Увидел своего напарника за работой, опустил взгляд на раны, которые так и остались непромытыми, неперевязанными. И безмолвно заплакал. Слезы круглыми каплями катились по

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

его замасленному лицу. Он хотел позвать Штурмера, но снова почувствовал, что погружается в бездну, проваливается. Попытался было сопротивляться и сдался.

— Сейчас, — проворчал Жерар, проходя мимо, чтобы закрепить тросы на задних колесах.

* * *

Нефть уже просачивалась сзади в кузов. Времени не оставалось: через час нефть доберется до передних колес. Задние уже погрузились в нее полностью.

Жерар снова окунулся в грязевую ванну. Он не дышал, но нефть проникала ему в уши, в нос, обжигала слизистую оболочку. Жерар едва заставил себя не выскочить.

В правой руке — пеньковый трос. Стальной бы ему никогда не намотать... Чертовски плохо, что трос оказался коротким: не более двадцати метров, и его еще пришлось разделить надвое, по куску на каждую сторону. А от задней ступицы до переднего бампера не менее пяти метров.

Дотянувшись до ведущих сдвоенных колес, Жерар нащупал отверстия в дисках, между которыми нужно было зажать большой узел на конце троса, и, задыхаясь, вынырнул из нефтяной ванны.

Он схватил тряпку, которую заранее повесил на борт, вытер глаза. Нефть обжигала роговицу, и, когда он открыл глаза, боль сделалась нестерпимой. Но слезы, выступившие от боли, принесли облегчение: через минуту остались только неприятное ощущение масляной скользкой кожи да тошнотворный привкус нефти во рту.

Пришлось подождать, пока выравнивается дыхание. Потом, дрожа от омерзения, он снова нырнул под грузовик. Глазное было — не спешить, словно нормально работаешь где-нибудь в гараже. Спешка ничего не даст.

Металлические детали, резина колес — все, к чему он прикасался, было одинаково липким, и на ощупь почти не различалось. Ничего нельзя было спознать наверняка, не за что было ухватиться. Когда он вынырнул, чтобы перевести дух, полагая, что крепко зажал узел троса между дисками, трос остался в его руках, едва он за него потянул. Ему пришлось дважды все начинать сначала, и оба раза без толку. Перед третьей попыткой Жерар решил пять минут передохнуть.

Солнце уже высоко стояло в безоблачном небе. Над поверхностью нефтяной лужи показались дрожащие струйки нагретого воздуха. Штурмер дошел до кабины, наклонился над щитком приборов, чтобы посмотреть, который час. Четверть девятого. С каждой минутой опасность возрастала. Он решил не делать передышки и вновь принялся за работу, не обращая внимания на стоны Джонни, раны которого начали гноиться под лучами солнца.

На третий раз получилось. И тут же он сообразил, как с первой попытки закрепить трос с другой стороны. Через десять минут и эта часть работы была сделана. Осталось лишь вбить ломы. Точно по оси, говорил Джонни, — конечно, по оси, — по той линии, что идет через сочленения дисков сдвоенных ведущих колес. Это было несложно: на грузовиках такого типа задний мост немного шире переднего.

Вбить лом в одиночку тоже оказалось вполне под силу бывшему золотоискателю. Штурмер вырыл киркой ямку, точно определив ее положение тросом: в натянутом положении трос не должен был

задевать ни внутреннего, ни внешнего баллона заднего колеса.

Затем он вставил железный стержень вертикально в приготовленную для него воронку, укрепил лом камнями. Теперь оставалось только загнать его глубже.

Глухие удары кувалды разбудили Джонни. С упреком посмотрел он на своего приятеля, зная, что звать его бесполезно: Жерар даже не ответит, не прервет работы. Потом он увидел свою рану. Опухоль росла, боль разлилась уже до паха. Он пощупал. Там вздулся большой болезненный узел. Джонни пришел в ужас. Он не думал, что это пойдет так быстро. Напрягая все мышцы, попытался подняться, но только закричал от боли и понял, насколько он слаб: из горла его вырвался даже не крик, а писк новорожденного.

Наконец оба железных стержня укреплены в земле. Теперь Жерар вспомнил свое матросское прошлое — кем он только не был! Два полужитка — туда и обратно, — скрепить намертво затяжной петлей, и вот готов узел, узел, который чем сильнее затягиваешь, тем становится крепче. Отойдя на несколько шагов, он в последний раз оглядел все сооружение. Как будто все в порядке. Может, справа трос — ну не провисает, а так, чуть слабее натянут, но это не страшно.

Наклонившись над Джонни, все еще не пришедшим в себя, он просунул одну руку ему под колени, другую под лопатки и приподнял. Голова раненого упала на грудь Штурмера, он приоткрыл глаза, на губах его мелькнуло что-то похожее на улыбку. Потом он сказал что-то. По-румынски. Жерар ничего не понял. Опустив свою ношу на сиденье, он взялся за руль.

Начиналось самое трудное. Жерар мысленно повторил все указания, которые дал ему Джонни, прежде чем потерял сознание. В принципе должно получиться. Выхлопная труба погружена в нефть. Что ж, тем лучше — сама нефть практически не воспламенима, страшны только ее пары. Если на старте из трубы и выскочит какая-нибудь искра, она тут же погаснет в жидкой нефти. Значит надо начинать.

Отработанный газ из выхлопной трубы прорывался сквозь нефть равномерным бульканьем, которое перекрывало шумящий на малых оборотах мотор. Все решится, когда он включит сцепление. Под ногой Жерара — он нажимал все легче, легче — плавно поднималась левая педаль. Все части механизма сцепления сближались. Вот они уже коснулись друг друга. И Штурмер увидел, как впереди начали натягиваться тросы.

Когда тросы напряглись, оба лома слегка дрогнули. И грузовик двинулся с места. Чудо свершилось! Твердая почва незаметно приближалась к колесам: приоткрыв дверцу и глядя вниз, Жерар видел, как машина отвоевывает сантиметр за сантиметром. Где-то внизу под вздрогнувшей поверхностью нефти пеньковый трос плавно наматывался вокруг ступиц, на барабан, образованный стальными дисками спаренных колес. Штурмеру казалось, будто ковер из долларовых бумажек так и стелется перед грузовиком. И в то же время он не переставал радоваться тому, что выкарабкался.

Колеса начали цепляться за твердую почву. Как раз вовремя: правый лом вот-вот должен был согнуться. Едва Штурмер заметил это, ухнул громкий взрыв.

«Вот оно!» — подумал он. И тут же понял, что это еще не «оно».

Конец лома согнулся, и трос соскочил с него. Грузовик резко занесло в сторону, второй трос врезался во внешнюю шину левого колеса. И этот левый внешний баллон, буксовавший в грязи на краю воронки, лопнул, словно разрезанный тросом. Задний мост начал медленно раскачиваться, будто грузовик раздумывал, продолжать ему подъем или скатиться назад.

Штурмер совсем отпустил педаль сцепления. Нажимая на газ, он пытался помочь колесам зацепиться за почву. Резкими поворотами руля он старался вывести из заноса задние колеса. И вдруг рев мотора утих. Грузовик решил: свернул чуть левее и тремя оборотами колес уверенно вырвался из нефтяной западни.

* * *

Надо было передохнуть, но об этом не могло быть и речи. Только секунда, чтобы сказать себе: с этим ты справился, но теперь другое, не менее срочное — Джонни. Как-никак напарник — совесть Жерара была неспокойна. Заранее набравшись терпения, он очень осторожно начал очищать кожу вокруг раны.

Нефть въелась в кожу. Чтобы довести дело до конца, пришлось взять из бака немного бензина — конечно, не идеальное дезинфицирующее средство. Когда стала видна еся рана, Штурмер ужаснулся.

Кожа была натянута, как на барабане, красная, блестящая, с синими венами. По всей длине берцовой кости тянулась зигзагообразная трещина с четкими краями.

Разумеется, никакой аптечки в машине не было. Никто не подумал о том, что, кроме взрыва, может произойти еще какой-нибудь несчастный случай. Ну что ж, раз нет медицинского спирта, сойдет и ром.

Когда Штурмер маленьким лезвием перочинного ножа начал скрести кость, Джонни завыл...

* * *

Надо было еще сменить колесо. Дело привычное, легкое, ерундовое. Но Жерар совсем выдохся. Он около часа снимал запасное колесо и подкатывал к тому, которое нуждалось в замене. Домкрат удалось поставить быстро, но, чтобы отвинтить гайки, нужны были сила и спокойствие. А когда пришлось поднимать тридцать пять кило железа, сжатого воздуха и резины... Он трижды принимался за дело, помогая себе монтировкой, как рычагом. Голова кружилась, под веками, когда он закрывал глаза, дрожала кровавая пелена. И когда Жерар справился и с этим делом, был уже полдень.

Он был полон решимости продолжать путь. Плевать на жару — он больше о ней не думал. Бочонки так накалились, что до них больно было дотронуться. При какой же температуре эта похлебка взрывается? И сколько критически нагретой жидкости нужно, чтобы произошел взрыв?

Только усталость мешала ему немедленно заняться решением этой задачи, но она же подсказала безумцу единственно разумный шаг. Спотыкаясь от усталости, он направился к Джонни. Тащить его на себе удовольствие маленькое. Но оставаться в кабине им было нельзя.

...Нога раненого начинала гнить.

* * *

Хорошо еще, что запах нефти отгонял moskitov! Это вспухшее синее мясо, эта зловонная сочащаяся жижа... Джонни был весь ею залит. Когда Штурмер подsunул руку ему под колени, его чуть не вывернуло наизнанку. Внезапно отчаяние охватило француза. Он выронил свою ношу и сам опустился на землю всего в нескольких шагах.

А сколько еще нужно было сделать! Полить бочонки. Отойти подальше на случай возможного взрыва. Прикрыть голову раненого. Выспаться. А ну, старина, вставай!..

* * *

Легко сказать: вставай! В зените уже не одно солнце, а три, четыре, десять, и все только ждут, когда он закроет глаза, чтобы пуститься в пляс хороводом; и по красной пелене неба катятся крупные капли-тени, катятся и падают на землю. Так всегда бывает перед солнечным ударом — это верный признак. Надо вернуться к грузовику, освежить голову водой, лечь в тени, то есть прямо под кузовом.

Штурмер обеими руками подхватил раненого под мышки. Мускулы его одеревенели, пальцы не слушались. Он едва не уронил свою ношу. Глухая боль волнами ползла от расцарапанного пальца по руке к плечу и отдавалась в груди. Даже сердце ныло, сжимаясь от приступов боли.

Жерар, пятясь, тащил за собой Джонни обратно, и каждая неровность дороги раздирала плоть раненого. Надо было преодолеть всего тридцать метров, но и этого оказалось достаточно, чтобы гангренозная рана лопнула в нескольких местах; за ней потянулся ручеек сукровицы с лохмотьями отпадающего черного гнилого мяса. Однако остановиться он не мог: нужно было укрыть Джонни от страшных лучей, сжигающих его заживо. Иначе он погибнет.

Кровь Штурмера закипала. Солнечных ожогов он не чувствовал, тропики давно изжарили и пережарили Жерара, но сейчас ему казалось, что его мозг, легкие, почки сжигает серная кислота. Каждая мышца, каждое сухожилие превратились в раскаленные добела проволоки, распиливавшие внутри его костяк. И когда он уже добрался до кузова грузовика, в его ладонях и кончиках пальцев забегали мурашки — грозные предвестники теплового удара. Он упал на землю и прополз между задними колесами. Потом короткими рывками, теряя последние силы и напрягая всю свою волю, — спасти Джонни! — он подтащил его к себе в тень.

Жерар давно уже не рассуждал. С того самого момента, когда они подъехали к воронке, вырытой взрывом. Его жестокость, стремление проехать, несмотря ни на что, проехать немедленно, не задерживаясь, не думая об опасности, — все это было чисто импульсивным. Но существует порода людей, которых даже при выключенном сознании всегда спасает инстинкт. Штурмер был из таких людей.

Он лежал в тени с открытыми глазами; когда он их закрывал, перед ним всплывали воображаемые солнца, которые слепили сильнее настоящего. Ни о чем не думая, — главное, не думать! — Жерар старался дышать спокойно, ровно. Безмолвно, без лишних движений, он подбирался, накапливал остаток сил: как только сможет, он выкатится из тени, одним прыжком доберется до кабины, отцепит один из полотняных мешков, привязанных к ручкам обе-

их дверей, плеснет воды себе на голову, вернется в тень и смочит виски Джонни.

Как бы не пропустить этот решающий, очень короткий момент, потом будет поздно — его хватит удар.

Момент наступил. Жерар напряг все мышцы, попробовал шевельнуться. Ему показалось — настолько жара и солнце иссушили его мозг, — ему показалось, будто у него больше нет ни рук, ни ног. Кое-как он встал на четвереньки.

Голова немного кружилась, но не сильно. Он выполз из тени. Хотел выпрямиться — и не смог. Скорчившись, волоча ноги, почти ползком, он тащился к воде.

* * *

В Южной и Центральной Америке водятся совершенно нелепая порода зверюшек. Это явно представители каких-то доисторических времен, по необъяснимому капризу природы дожившие до наших дней. Это ленивцы. Размером ленивец с обезьянку сапажу, у него такие же пропорциональные, даже элегантные, руки и ноги, на пальцах — такая же нежная шерстка, но у сапажу мордочка живая и подвижная. А на морде ленивца как бы застыло выражение сонного оцепенения. Все его гримасы, все движения скованы необъяснимой медлительностью. Чтобы поднести руку ко рту, ему требуется больше минуты. Даже страх, когда ему грозит смертельная опасность, отражается на физиономии болезненного заморыша далеко не сразу. А потом он пускается наутек, но вся его «стремительность» выражается лишь в удивительной аккуратности движений. Его походка остается такой же нелепой, замедленной, как у человека в кошмарном сне. Вот на тебя мчится поезд, а ты не в силах даже шевельнуться, чтобы сойти с рельсов. Примерно так выглядел Жерар Штурмер, когда стремился к воде.

* * *

Когда он вернулся, Джонни дышал с трудом, и между вздохами из его груди вырывались глухие kloкочущие хрипы.

От воды ему, видимо, стало полегче. Дыхание его сделалось спокойнее, ровнее. Приступы удушья, во время которых казалось, сердце его вот-вот разорвется, стали реже. Он очнулся, но, видно, ничего не помнил. Сначала он прошептал длинную фразу по-румынски, потом перевел ее на немецкий и, наконец, сказал по-английски:

— Разбудите меня в половине десятого и подайте завтрак.

«Ты в довольно странном отеле, бедный мой Джонни». Зато Штурмер окончательно пришел в себя. Нельзя сказать, чтобы это было к лучшему, скорее наоборот: он тотчас вспомнил, под каким грузовиком они оба укрылись от солнца и что за груз у них над головами... Сколько времени им еще осталось? Когда температура для данной массы достигнет критической точки?

Попробуй догадайся, что там творится в этих бочонках, в этом дьявольском месиве, коварном, как злой дух «вуду», всегда поражающий внезапно, врасплох... Его ни о чем не спросишь, сиди и гадай на кофейной гуще. Да это и не гаданье. Только в блатном жаргоне, только в языке заключенных, давно привыкших подчиняться обстоятельствам, никак от них не зависящим, есть подходящее выражение: «чет или нечет». Вот и Жерар играл в «чет или нечет»: может быть, сейчас, через мгно-

венье, а может быть — уже, и он не успеет додумать... А может, позднее, может быть, никогда... Или в тот самый миг, когда вторично произнесет слово «никогда»... Нет, это невозможно, невыносимо!

Ухабы дороги в тысячу раз надежнее.

«Ехать!» — говорит себе Штурмер. Но губы его произносят: «Ярость». Почему?

Придется снова волочить этого по всем ямам и кочкам. Надо бы натянуть на него хоть что-нибудь, чтобы камни не раздирали мясо. А потом еще втаскивать его в кабину. Искушение овладело Жераром. Нет, все-таки не это!..

Он продумал все движения, которые придется совершить. Повторил их про себя: прислонить его к подножке. Нет, сначала принести ему брюки. Натянуть их, дотащить его до кабины. Прислонить к подножке. Самому влезть в кабину. Подхватить его под руки. Сесть попрочнее и поднять его. Нет! Ничего не выйдет. Слишком много хлопот. Нельзя же столько требовать от одного человека! Несправедливо! Да, да, именно несправедливо. Да еще, если вспомнить, как этот Джонни вел себя ночью, — такого и приятелем не назовешь.

Штурмер пожал плечами и кое-как выбрался из-под грузовика на солнце.

* * *

Уже почти тронувшись с места, он переменял решение. Вылез, подошел к Джонни, лежавшему рядом с задним колесом. Он валялся на солнце, как труп. Прежде чем бросить раненого, Жерар его все-таки одел: по крайней мере хоть с этим теперь не придется возиться. Осталось самое трудное...

Он напряг все тело. Кровь стеклянными колокольчиками вызванивала в висках Жерара, гулким эхом разносясь по всей голове. Такая дохлятина, но до чего же он тяжел, скотина! И все-таки он справился. Вот она, эта куча трепещущей от боли плоти, на полу кабины. Втащить его на сиденье у Жерара не хватило мужества. Ничего, хорошо будет и так...

Когда грузовик тронулся, солнце уже завершило свой путь над равниной. Спускались сумерки, которые длятся здесь не более четверти часа. Они победили! — жару не удалось взорвать их груз. Знай Жерар об этом заранее, он мог бы спокойно проспать весь день. И тут же до него дошло, что на это у него все равно не было бы времени.

Победили... Казалось, целая вечность лежала перед ними, когда они выезжали из Лас Пьедраса. И лишь теперь будущее, прежде затянутое дымской завесой от пылающей вышки, это будущее вновь замаячило впереди. Но едва сердце Жерара начало входить в новый радостный ритм от этой мысли, как настала ночь, поглотившая облако, которое заслоняло ту часть горизонта, к которой они стремились. Купол неба над их головами окутала непроглядная чернота. И казалось чистой случайностью, что впереди, над влекущей их целью, не сияет ни одна звезда.

В принципе они победили. Но только в принципе. Пожалуй, все-таки рановато было отдаваться течению радости, мечтаний, надежд. Ехать еще предстояло целую ночь. Конечно, можно было считать, что все трудности позади. Теперь надо только без спешки вести машину, избегая малейшего риска. При средней скорости семь километров в час часов за двенадцать они вполне успеют добраться до места. Кроме того, у них в запасе

будет еще два часа после восхода солнца, пока жара не так опасна. В любом случае, даже если попадется ровный участок дороги, незачем гнать. Пока в этом нет никакой нужды, газовать было бы безумием. К тому же Жерар был не в форме. Единственное, на что он еще был способен, — это аккуратненько, потихоньку вести грузовик посередине дороги все прямо да прямо...

* * *

Со Штурмером творилось что-то неладное. Временами он чувствовал себя отлично и заранее смаковал каждую крупницу счастья в случае удачного исхода поездки. Мысленно он уже останавливал грузовик в ста метрах от буровой и спрыгивал на землю, оставив дверцу широко раскрытой. Скрывая поспешность, он отходил подальше, а к машине бежали те, кто должен был теперь заботиться о смертоносном грузе. Санитары забирали Джонни. Внезапно — как щелчок в голове, — и он опять на земле и опять ведет грузовик, начиненный мгновенной смертью. Значит, он уже не контролирует себя...

Грузовик заглатывает дорогу потихоньку, с неизменным ровным аппетитом. Уже хорошо виден пожар. Высокие светлые языки пламени вздымаются

от самой земли, но это случайные вспышки, изредка прорывающиеся сквозь клубы дыма. А постоянно перед глазами дрожит лишь необычно красное зарево; и его отблески играют в черных складках траурных кулис — пожар нарочито расставил их, чтобы скрыть дверь в глубине сцены, дверь, через которую войдет герой.

Нет, решительно в голове Жерара не все в порядке. Все походило на сон с предчувствием катастрофы: пока еще ничего не случилось, но скоро и неотвратно... Виски Жерара стали влажными, он искал, искал и не находил. Щелчок, второй, третий — на обочине дороги последовательно, один за другим, возникают реальные предметы, выхваченные из темноты светом фар. Значит, грузовик еще движется, значит, еще не все кончено, не все пройдено, не все преодолено? Значит, они еще не победили?

От усталости путаются мысли, мельтешит в глазах. Сон и бред избрали личность Штурмера, чтобы выяснить отношения, чтобы объясниться. Им не скажешь — уйдите! Они не поймут.

Рефлексы шофера, приобретенные за долгие годы вождения в самых трудных условиях, подменяют сознание водителя. Он в полусне, но продолжает путь. Скорость минимальная — после те-

плохого удара быстрее вести он не может. Лучше бы он свалился без сознания. И его ноги соскользнули бы с педалей газа, и машина остановилась бы... Но он не имеет права остановиться: утром он должен быть на месте. Утром или никогда.

Грузовик тащится по неровной дороге. Гофрированное железо подставляет ему свои канавки, он погружает в них огромные колеса, втискивает черную, твердую и эластичную резину шин, вылезает и катит дальше мерной слоновьей поступью. Так это представляется в сознании Штурмера.

Между человеком и машиной образуется неразрывная связь, общность ощущения. Если шофер на повороте срывается в кювет и гробится, значит он потерял это чувство. Впрочем, в наши дни у людей не осталось ни чувств, ни чуткости. Распускать ниски — вот это они умеют. Но чувствовать? На это у них не хватает мужества.

— Черт, я же отключаюсь!..

В термосах — ни капли кофе. Коньяк тебе не поможет — только сильнее захочется спать. Ты, брат, совсем один против всемогущего сна и всех его чар. Защищайся. Не поддавайся. Сон постарается нарисовать тебе на стене тьмы придуманный мир — не верь его фокусам. Борисы! Борисы! Вцепись в рычаги и борись. Эта женщина, рожденная из вихрей пожара и идущая тебе навстречу, мутноглазая, влекущая, непристойная и восхитительная, — ее нет, все это выдумка, все — ложь. А если она существует, это — смерть, знай это. Как только ты поставишь ее на место, как только поймешь, что она — мираж, привидение, бессильный, бесплотный, а следовательно, бездушный призрак, ничего не бойся. Лишь бы руки твердо держали руль, была врублена первая скорость и педаль газа утоплена наполовину.

* * *

Не поддавайся мрачным увещаниям сна, Жерар, иначе ты пропал. Нахмурь брови, зажмурься, открой глаза, встряхнись, откажись от мыслей о сне, гони их, гони прочь...

* * *

Но женщина сильнее. Она не открывала дверцу кабины, и все же она здесь, сидит рядом со Штурмером, поставив обе ноги на тело Джонни, по-прежнему распростертое на полу. У нее нет лица, но она очень красива; когда она затягивается сигаретой, губы ее хищно изгибаются, как от предвкушаемого наслаждения. А ведь рта у нее тоже нет. Он отсылает ее обратно в пламя пожарища, откуда бы ей лучше было не выходить. Он давит на тормоз — слишком резко — осторожно, Жерар, осторожно! Грузовик замирает, заметно вздрогнув. Штурмер трет глаза, сжимает плечами. Ощупью ищет на сиденье сигареты и натывается на руку Джонни, судорожно сжимающую пачку. Как он в нее вцепился, скотина! Не вырвать! Да ладно, в сетке над головой есть другая.

* * *

Женщина вернулась. У нее по-прежнему нет лица, но ведет она себя все более вызывающе.

— Ты, убери свои ноги с моего приятеля!

Даже эта совершенно нелепая фраза, произне-

сенная вслух громким голосом, не разбудила Жерара. Нет, на самом деле он вовсе не спит. Просто сейчас на его месте сидят два человека.

Один осторожно, осмотрительно, почти шагом, ведет красный грузовик, ему страшно, и сознание его ясно. Пусть он не гений, но он честно делает то, что нужно. Он видит дорогу, монотонную равнину и там, в глубине ночи, клубы дыма, вздымающиеся до небес и низвергающиеся волнами на объятую пламенем буровую.

И тут же другой, который ничего не знает и не видит: он бредет сквозь ночь, как слепец, и двое мертвых сопровождают его. Первый когда-то очень давно, больше часа назад, был его другом, но вот уже сто лет, как ушел из жизни; а вторая — женщина, упорно не желающая обрести лицо, но прекрасная, несмотря ни на что, — может быть, сама смерть.

— Меня зовут Анна, — говорит она. — Я хочу тебя.

Теперь становится страшно не тому Жерару, который бодрствует и ведет машину. Становится страшно другому.

Отражаясь в завесе дыма, цепляясь за собственное отражение, зарево разливается по всему небу, освещая землю. Его красные отблески безмерно удлиняют тени. Все новые призраки возникают перед колесами. Но больше ни один не успевает сжечь — капот заглатывает их, и они умирают, раздавленные.

Женщина положила руку на бедро Жерара. Ладонь очень нежная, он ее чувствует сквозь брюки. Мотор мурлыкает бесконечную песенку. И Жерар различает слова: эти запретные таинственные слова, те самые, что так волновали его, когда он был маленьким.

Жерар-шофер хорошо справляется со своим делом. Стрелка спидометра дошла до цифры «десять километров» и не шевелится. Колеса равномерно подминают под себя дорогу, не скользят, не буксуют, даже не поднимают пыли: при такой скорости кажется, что не едешь, а плывешь.

Другой Жерар окружен химерами.

...И сейчас он больше всего боится проснуться. Он снова превратился в маленького мальчика, для которого подобные сны всегда заканчивались разочарованием — откуда ему было знать, что должно было присниться дальше? Но в эту ночь он обязательно узнает. Это случится!

* * *

Оба Жерара не сводят глаз с дороги, сливаются в одно. Это, наверное, от усталости, — решают они. И конечно, от страха.

Штурмер берет еще одну сигарету из сетки над головой. Пока догорает спичка, он успевает заметить, что Джонни, скорчившийся на дне кабины, не дышит. Умирающие всегда стараются за что-нибудь уцепиться. Джонни вцепился в пачку «Лаки». По-английски «лаки» — счастливчик.

* * *

Ночь неторопливо, безжалостно отсчитывала секунды — по одной, по одной... Она не щадила Жерара. Сон изнутри вонзал когти в его веки и рвал их, рвал. Но кровь не текла. Может быть, после

всего этого у него совсем не осталось крови? А тут еще изволь вези эту пададь, от которой и при жизни разило гангреной...

Все коварней и коварней пляска теней, пляска сполохов перед колесами. Хорошо хоть, женщина не вернулась. Он был совсем один, наедине с Джонни. Совсем один.

Свет впереди стал ярким, резким, ослепляющим. Каждую секунду ему казалось, что уже конец, и Жерар пристально вглядывался в темноту. Нет, пока нет. И грузовик сонно катился дальше. Голоса тех, кто должен был его встретить, звучали у него в ушах, но Жерар знал, что это ему только кажется. Пламя пожара, вот уже несколько часов слепившее ему глаза, начало бледнеть, а потом и вовсе исчезло. Еще более непроницаемая тьма окружила его со всех сторон, и он не сразу понял, что уже начало светать и что темное облако, сквозь которое он пробирался, было клубами дыма, застилавшего всю равнину вокруг буровой. Потом дым разогнало ветром, и в просвете он увидел людей, бегущих навстречу. Они отчаянно размахивали руками, чтобы он не ехал дальше. Но он им не поверил. Наконец один из них вскочил на подножку и схватил его за локоть...

— Молодец, парень! Добрался! А где остальные?

* * *

Спать! Спать, как животное, задушить сном все мысли, весь мир, всю свою жизнь! На долгие часы — в тяжелый сон, без сновидений, без движений, в сон, подобный смерти. Руки и ноги налиты свинцом, наполнены мраком. Тяжесть усталости наваливается на тело спящего, вдавливая его в постель. Лишь время от времени губы чуть вздрагивают и вырывается короткий вздох. Но он опять спешит погрузиться в небытие, смакует его, наслаждается им, тонет в нем.

Палатка была поставлена в трех километрах от того места, где рабочие компании «Круд» наспех сколотили нечто вроде сарая для хранения взрывчатки. Вертикальные лучи солнца пронизывали полотно, охрой окрашивая его изнутри. В палатке царила удушающая жара. Серебристые лопасти вентилятора месили горячий воздух. Струйки пота медленно стекали по телу спящего.

* * *

Пока бригада рабочих разгружала грузовик, три местных пеона лениво рыли могилу для Михалеску.

— Два метра глубины! — проворчал высокий негр, опуская кирку, чтобы утереть пот со лба. — Когда хоронят кого-нибудь из наших, хватает и горсти песка.

Джонни был тут же, рядом. Еще не уложенный как следует, валялся кусок мяса под брезентом цвета хаки, предоставленным ему вместо савана. Всю ночь вариться в собственном соку, в собственной грязи, в собственной шкуре на раскаленном дне кабины...

— Ну прямо как из котла! — припечатал, увидев труп, повар бригады, китаец, который, подобно большинству своих соотечественников, работал когда-то в прачечной.

Наконец после общих усилий могила достигла нужной глубины. Судьба Джонни Михалеску была решена: его невыносимо смердящее тело достанется не замурам, крылатым могильщикам, а червям, как это принято на его родине.

Солнце должно было вот-вот исчезнуть за горизонтом. А в палатке, избавленный, наконец, от смертоносного соседства с нитроглицерином, по-прежнему спал Жерар. Он не будет присутствовать при погребении того, кого он убил.

Похороны были назначены на девять часов. Начальник участка нервничал, потому что никак не мог отыскать свою библию. Ее не было ни на столе, ни под грязными носками в металлическом шкафчике. Куда ж она запропастилась, черт ее побери? Стой, таких слов не стоило бы произносить, дело касалось священного писания. Ага! Вот она, наконец, в аптечке за коробками с лекарствами. Оставив двустворчатую дверь хлопнуть за своей спиной, Джеральд Мак-Джоуэн быстрым шагом направился к месту погребения.

Еще раз пожар сменил солнце на небосклоне. Он снова стал хозяином равнины и всего видимого мира на целую ночь. Его могучее, неиссякаемое шипение изгнало тишину, заглушив голоса людей.

Два здоровенных янки старались распрямить тело Джонни, чтобы уложить его в мало-мальски пристойной позе. Они пытались преодолеть окоченение, не забывая о том, что пораженные гангреной ткани расползаются под руками, — работенка не из приятных! Из последних сил они сдерживали самые страшные проклятия. Время от времени оба отворачивались, чтобы глотнуть свежего воздуха.

Повернувшись спиной к разъяренному огню, штурмующему небо, Мак-Джоуэн принялся неуверенно бормотать псалмы. Позади него соломенные, обмакнутые в нефть факелы отбрасывали зыбкие отблески.

Ветра не было, но иногда без всякой причины клубы дыма накатывались на людей, заставляя их задыхаться от кашля.

— «Адонай, глава рода Израилева, явившийся Моисею среди красных языков пламени, сжался над рабом твоим, господи, мы взываем к тебе...»

Здесь собрались все нефтяники, кроме тех, кто должен был следить за пожаром. В конце каждой фразы индейцы-католики торопливо крестились и бормотали: «Аминь».

— «Поспешь на помощь ко мне, о господи, в тебе мое спасение. Я погряз с головой в прегрешениях моих. О господи, не гневайся на меня».

Один факел замигал и погас. В полутьме кто-то выбрался из общего круга и, надрывно кашляя, исчез в темноте.

— «О господи, наставь неправедного на путь праведный. Укажи мне пути твои, господи, и научи меня мудрости своей...»

Начальник участка закрыл библию. Двое пеонов воткнули свои факелы в землю и начали сбрасывать в яму песок полными лопатами. Но привычного зловещего стука земли о дерево не было: Джонни похоронили без гроба, завернув голое тело в брезент.

Мак-Джоуэн приблизился к краю могилы и пробормотал короткую молитву собственного сочинения:

— Господи, ты сказал: и у лис есть свои норы, а сыну человеческому негде даже преклонить голову. Господи, когда ты был среди нас, ты часто спал в тени палатки или дерева. Прими же создание твое в круг твоих избранных! Мы тебя просим. Может быть, Джонни жил во грехе и скверне, но он умер, выполняя свой долг, и сделал он это наверняка не из гордыни. Прими же его, господи, в доме своем!

— Прими его в доме своем! — подхватили янки.

* * *

— Значит, вы не успели вовремя затормозить?

— Он стоял сбоку, я не видел, как он поскользнулся. И потом я так устал...

— Понимаю.

В бараке начальника участка перед тремя стаканами виски сидели Мак-Джоуэн, специалист из Далласа по взрывным работам, и Штурмер. Умытый, выбритый, Жерар великолепно чувствовал себя в свежей одежде, за которой сходил к разгруженному и отныне безобидному грузовику; он был настолько бодр, что и сам удивлялся.

Виски было не простым «бурбоном», а настоящим шотландским. «Уайт Хорс» — для Жерара, во всяком случае, это было в самый раз, а янки пили свое кентуккское — видно, им нравился вкус бриллиантина.

— Я напишу отчет, — продолжал инженер. — Тем более что никаких вопросов не возникает. Его рана сама по себе была неопасной. Умер он от заражения крови... и вы здесь совершенно ни при чем, так я и объясню. Намучились вы с ним, наверное, а?

Жерар окончательно поверил в удачу только тогда, когда инженер вручил ему расписку за доставленные двести килограммов груза.

— Поберегите эту бумажку: она стоит две тысячи долларов, я присоединил сюда и долю вашего напарника. Мой отчет они получают только через неделю. Поэтому хорошенько запомните следующее: Джонни Михалеску умер здесь, по приезде. Перед смертью он просил, чтобы его часть вознаграждения передали вам. Я уже договорился об этом с моими помощниками, они не возражают. Компания достаточно богата...

— Спасибо, большое спасибо, — произнес Жерар.

Две тысячи долларов! Как раз то, что требовалось. Он закрыл глаза. Перед ним замелькали обрывки воспоминаний. Хватит: больше ни одного рейса! Конец этой пытке, конец безумию, страху...

— Когда вы намерены ехать обратно? Если хотите, обратно вас отвезут. У нас есть люди, которые хорошо водят и будут радешеньки провезти уикэнд в Лас Пьедрасе. Это даст вам возможность отдохнуть перед следующим рейсом...

Ни в какой новый рейс Штурмер не собирался, но он не видел необходимости сообщать об этом американцу. Тот сразу раскаялся бы в своей щедрости.

— Я поведу грузовик сам. Вот допью и поеду.

Было рано, солнце еще не набрало силы. Шестидесять часов назад красные грузовики, покинув побережье, отправились в далекий путь. Трое погибли — Бимба, Луиджи, Джонни, — да и священник из Лос Тотумоса, наверное, отправился за ними следом. Но мысли Штурмера не задержались на столь печальном итоге.

Он удобно устроился на подушках сиденья, хлопнул дверцей и резко сорвался с места, со скрежетом переключая скорости, не глядя под колеса, и сразу выскочил на дорогу. Лихо махнул рукой остающимся. Этот прощальный жест показался ему самому нелепым, насмешливым. В зеркальце он увидел, что начальник участка тоже помахал ему вслед. И вот Жерар остался один, наедине со своими планами, с предвкушением ожидающих его радостей. Он ринулся навстречу своему будущему, которое стояло на якоре в тихой бухте, покачиваясь на ласковых волнах Карибского моря.

Жерар что-то выкрикивал, и мотор ревел вовсю, подтягивая своему хозяину. Победная песня так и рвалась из сердца Жерара. Возвращение превращалось в гонку. Кто всю жизнь просидел за баранкой, умеет выражать радость лишь одним способом — скоростью. Особенно после того, как пришлось весь долгий рейс притормаживать, одергивать себя...

* * *

Собственная лихость и ловкость возбуждают Жерара. Он сидит, не прикасаясь к спинке, подпрыгивает на ухабах и ведет машину точными скупыми движениями. Стрелка спидометра ползет вверх. При восьмидесяти километрах толчки становятся неощутимыми, грузовик уже не едет — летит. Два быстрых и резких поворота руля налево-направо: пока все в порядке — машина хорошо держит дорогу. Девяносто. Сто. Мотор работает на полную мощность, тембр его не меняется, он воет на ровной высокой ноте. Так он пройдет весь путь часов за десять: пятьсот километров — не успеешь оглянуться. И Штурмер втягивается в бешеный темп гонки. Все более четкие мысли и образы возникают в его голове. Дел по приезде хватит. Надо привести в порядок шхуну. Уладить вопрос с тем самым священником, не заплатив полиции ни гроша. Выправить у местных властей диплом капитана дальнего плавания. Но все по порядку... Жерар заранее предвкушает подробности своего возвращения. Что касается оставшегося пути, он вполне полагается на грузовик. Дорога прямая. Руководствуясь особым шоферским чутьем, он ведет машину автоматически, и это не мешает ему мечтать, мечтать.

* * *

Здорово будет, когда, вернувшись в Лас Пьедрас, он проедет мимо «Корсарио»!

Все высыплют из дверей, и среди них — Линда.

Смутный образ мелькнул в его памяти, образ женщины из прошлой ночи. Но теперь ему было наплевать на обольстительные миражи. Между измученным бродягой той ночи и сегодняшним победителем почти не осталось общего.

Да, так он и сделает. Остановится на минутку перед входом в «Корсарио» и скажет...

А что скажет, трудно представить. Вот он вернется в лагерь «Круд», вылезет из кабины перед конторой этого кабана О'Брайена.

— Здорово, парень! Рад тебя видеть.

И тут ничего дальше не придумаешь. Может быть, потому, что он привык ничего не загадывать наперед... Так или иначе, теперь ему приходится бороться со скукой и нетерпением. А единственное развлечение — дорога. Нежирно.

Равнина плоская как стол. Пылающая буровая осталась за спиной, и теперь даже клубы дыма не радуют глаз. На горизонте плато резко обрывается, врезаясь в небо. Эта четкая мерцающая линия означает, что дальше, за плато, лежит море.

Ни деревца. Скучная растительность уже в нескольких метрах неотличимо сливается с почвой. Ни одного кудрявого кустика. Лишь две черные трубы нефтепровода мчатся рядом по обеим сторонам грузовика.

— Особенно не гоните, — сказал ему Мак-Джоуэн на прощание.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ ГАРРИ ГАРРИСОНА «ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ПОЛЕТ».

Успокойся, Мак, Штурмер мчится, стелясь над землей, не ради выгод компании. Он спешит ради себя самого. И точка.

* * *

Как и тогда, на рассвете, после гибели Луиджи и Бимбы, над дорогой пролетела стая попугаев, продолжая в небе свой крикливый разговор.

«Надо одного такого взять на шхуну, пусть сидит на грот-мачте, — подумал он. — Только не пестрого и не ара — они глупы. Одного из таких вот».

Если их приручить, они милы и забавны. Умны и преданны, как собаки. Штурмер цепляется за все, что бы могло его развлечь.

Ну что ж, теперь он богатый человек. Может позволить себе все, что пожелает. Может хлестать по щекам мэра, осквернять святыне дары — никто ничего не посмеет сказать.

— Черт, есть хочется!

Он останавливается, шарит в сумке, которую приготовил для него повар. Насовал туда столько, что хватит на банкет для целого американского легиона: консервированные омары, цыпленок, лососина, пиво в банках, виски — тоже в банках, но паршивое, жевательная резинка, шоколад, овощное ассорти, нечто вроде рагу из неизвестно каких овощей. Трогательное внимание: повар, восторженный поклонник истинного мужества, присовокупил на десерт блюдо собственного сочинения: вырезка из игуаны (здесь полно этих ящериц), завяленная на солнце, засахаренная, политая каким-то зеленовато-красным соусом и утыканная заплесневелыми карамельками, блюдо — увы — такое же неудобоваримое и несъедобное, как и его описание! Но разве в этом дело? Главное — благие намерения налицо.

* * *

Гудение мотора снова начинает его убаюкивать. Хорошо еще, что Жерар закусил скромно и ничего не пил. Впрочем, после того, что он пережил прошлой ночью, сонливость ему нипочем — теперь он с ней расправится затросто!

Как это ни странно, самой характерной особенностью пейзажа становится тишина. Тишина весомая, плотная, ощутимая. Тишина, поглотившая все. Когда на горизонте появляется силуэт насосной установки, похожей на семафор, ее ритмичное движение не прерывает безмолвия. Мерное посапывание насоса не воспринимается как звук, оно сливается с окружающей тишиной, лишь подчеркивая ее. Грузовик надвигается на подстанцию, минует ее. Десять оборотов колес, и она перестает существовать. Впереди — снова равнина.

* * *

«До Лас Пьедраса шестнадцать километров». Здесь начинается последний спуск. Вираз за виразом, головокружительный серпантин. Тормоз, сцепление, крути баранку. Тяжелый грузовик кренится на повороте, по инерции вылетает к внешнему краю дороги, отрывается от земли, снова оседлы-

вает полотно колесами и вылетает из виража. Быстрее, черт возьми! Быстрее! Играть так играть. Еще быстрее — на следующий поворот, еще быстрее и резче! Ведь это игра, всего лишь игра. Смерть разжала челюсти и выпустила его там, у пылающей буровой, где остался дьявольский груз. И машина теперь — всего лишь послушное и точное оружие в руках победителя — вроде карабина или автомата, которым он расстреливает дорогу, убивая один поворот за другим.

Головокружительный серпантин — вираз за виразом; ноги танцуют на педалях: тормоз, сцепление, полный газ, скорость, сцепление. Ладонью, кулаком по рычагу скоростей — пусть срубается до конца, летает из паза в паз! Шины, дифференциал стонут, жалуются, плачут, вопят. Сто, двести лошадиных сил ревут в унисон. В судорожно сжатых пальцах Жерара руль кажется одушевленным, послушным, живым.

Дорожный знак — крутой поворот как раз на середине спуска. Это уже серьезно. Такой поворот играючи не пройдешь! Тормоз! Тормоз, в господ бога!.. Педаль не пружинит, не слушается, проваливается в пустоту...

Он хватается рукоятку ручного тормоза. Конечно, этого недостаточно. Но, может быть, он еще успеет притормозить мотором, перейдя на низшие передачи? Перестав накачивать ножной тормоз, Штурмер выключает пятую скорость и отчаянным, яростным ударом по газу заставляет мотор взреветь. Включена четвертая, и стрелка спидометра сразу падает до цифры «шестьдесят». Шасси, рессоры, даже кузов стонут, и к этому воплю присоединяется пронзительный визг шины, которая трется о дерево или железо, оторвавшееся от кузова. Осталось всего тридцать метров, а скорость надо сбросить хотя бы наполовину!

Еще удар по педали газа, еще один вопль ошалелого мотора. Врублена третья скорость. Теперь ограждающий барьер совсем близко.

Жерар поджимает ногу над педалью сцепления. Еще один толчок. Но толчок совсем слабый, приглушенный, мягкий, — и сразу же отчетливый треск прорезает гул колес: карданный вал лопнул! Машина неуправляема.

Ну, что ж, цепляйся за баранку, Штурмер! Что ж, не бросай ее, держись до конца! Попробуй еще упрямо прижаться к дверце, чтобы притормозить. Ничего уже не выйдет: разве что спасешь нефтепровод. Да, ты, ты выиграл, только банкомет оказался жуликом!

У самой скалы — кювет для стока воды. Одно колесо влетает в него. Скорость снижена, но она все еще слишком велика! Грузовик разворачивается, как волчок, вокруг переднего моста, подсакивает и — задом, задом вперед, сбивая барьер, валится в пропасть. Он переворачивается и распадается на части на лету, и когда он разбивается о скалы, на него сыплется град железных обломков. А Штурмер, Жерар, так и остается за рулем — жертва своей мечты, яростной мечты — жить!..

К о н е ц

Перевел с французского Ф. МЕНДЕЛЬСОН

СМОГ НАСТУПАЕТ НА ГОРОД

В декабре 1952 года Лондон накрыло огромное облако смога — тяжелого от вредных частиц отработанных газов тумана. Когда облако ушло, то Лондон недосчитался четырех тысяч человек. Еще тысяча жителей британской столицы умерла четыре года спустя после очередного «визита» смога. В 1962 году были приняты некоторые меры предосторожности: например, объявлено по радио, чтобы в дни особо опасные пожилые люди оставались дома. И все же, несмотря на эту меру, три дня смога стоили лондонцам семисот пятидесяти жизней. По этому поводу один британский ученый сказал так: «Мы пока, к сожалению, не можем не умирать, но контрибуция, которую мы платим этому виду смерти, честно говоря, слишком высока». Смог требует не меньше жертв, чем какое-нибудь огромное стихийное бедствие, чем одновременная катастрофа трех-четырех океанских лайнеров, чем сорок одновременных воздушных катастроф, чем половина всех аварий со смертельным исходом, которые регистрируются за год на дорогах, скажем, Италии.

Смог опасен не только для людей пожилых, но и для тех, кто еще не умеет или только едва научился ходить. Медики подсчитали, что смертность от легочных заболеваний среди городских детей в тридцать раз превышает смертность среди их сверстников, живущих в деревнях. Объясне-

ния долго искать не пришлось: верхний бортик детских колясок находится как раз на уровне отравляющих воздух выхлопных труб автомобилей.

Смог обычно образуется в долинах, где ветер слабо перемешивает воздух, таких, например, как долина Темзы или По. Как известно, горячий воздух стремится вверх, холодный — вниз, а так как верхний слой атмосферы более холоден, происходит постоянное перемешивание слоев, способствующее очищению воздуха. Однако иногда плотный теплый слой устанавливается над холодным (происходит так называемая инверсия) и таким образом становится чем-то вроде пробки. Холодный слой не может преодолеть теплый, воздух постепенно все больше загрязняется, а количество кислорода в нем уменьшается — точно так же, как в потерпевшей аварию и лежащей на дне подводной лодке. Потому-то — уверяют метеорологи — и солнечных дней стало меньше. В Париже, например, количество солнечных дней в году за 100 лет сократилось на 25 процентов.

«Мы не в силах, — писал итальянский журнал «Доменика дель коррьере», — в один миг удалить из атмосферы тот яд, который в ней уже находится, мы не в силах в один миг насадить на земле деревья, которые когда-то были вырублены. Нам надо сделать другое — перекрыть, наконец, беско-

Этот снимок сделан в Милане. Влажный воздух, насыщенный вредными веществами, содержащимися в отработанных автомобильных газах и дымах заводов, тяжелым одеялом окутал город. Единственное оружие, с которым горожане пока борются против смога, — самодельные маски.

нечный столб вредных газов, ежедневно поднимающийся из фабричных труб».

В некоторых крупных городах, где смог частый гость, определенные меры уже принимаются. Так, в Париже работают 15 постов наблюдения за дымами над городом. Сейчас, по их подсчетам, «составные части» смога выглядят так: 23 процента составляет промышленность, 25 процентов — автомобили и 52 процента — один миллион печных труб департамента Сена. Меры воздействия, к которым прибегает муниципалитет, увы, весьма ограничены — самая крупная из тех, что они обрушивают на головы «несознательных» промышленников, — редкие штрафы. Конечно, таким оружием смог не победить. Потому-то так остро и заинтересованно обсуждается эта проблема общественностью и прессой огромных городов, на которые смог ведет наступление.

С. РЕМОВ

РЫЦАРСКИЕ ИЗДЕРЖКИ

Джейн Дуглас, медсестра из Сан-Франциско, грустно стояла на обочине пустынного шоссе — отказал мотор машины. На ее счастье, мимо проезжал некий Стэнли Камински. Галантный Стэнли оставил свою десятилонку и, засучив рукава, полез в мотор машины Джейн. Через час она уже катила дальше.

Растроганная Джейн написала о благородном поступке директору фирмы, которой принадлежал грузовик. Через некоторое время пришел ответ: «Благодарим Вас за сообщение. На водителя С. Камински наложен штраф в размере 10 долларов за постороннее занятие в рабочее время. В случае повторного нарушения С. Камински будет уволен».

БИЧ ТЕПЛЫХ МОРЕН

Ни один из живущих на Земле хищников не причиняет человеку столько вреда, как акулы. Вот цифры: за последние восемь лет акулы напали на 1410 человек; 477 пловцов погнали. Эти данные сообщил на конгрессе в Японии доктор Леонгард Шульц, изучающий жизнь акул. Так что борьба с акулами — актуальная проблема для жителей побережий в тропиках и субтропиках.

ДАНТИСТЫ В ПОХОДЕ

Австралийские этнографы установили, что жителям Новой Гвинеи совершенно не знакома зубная боль. Сейчас группа зубных врачей отправилась на остров, чтобы попытаться найти причину такого удивительного явления.

ЛОДКИ НА УЛИЦАХ

Такое действительно увидишь не часто: лодки, а не машины загрохотали улицы. Здесь укрыли их рыбаки испанского городка Гудильс-ро, спасая от надвигающегося шторма.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ ОШИБКА

На автострате у въезда в город Бостон (США) установлена табличка, на которой вместо слова «стоп» написано «сопт». Теперь почти все водители снижают перед неожиданным знаком скорость, а то и вовсе останавливаются, пытаясь понять, что означает это загадочное слово. Начальник местной полиции заявил, что не собирается заменять указатель, так как ошибка в слове значительно уменьшила количество несчастных случаев в этом опасном месте.

ТРЕБУЮТСЯ ГОЛУБИ

В начале года в Генуе была объявлена охота на городских голубей. Но в отличие от большинства столиц и крупных городов Европы, где также время от времени проводятся подобные кампании, ибо голуби становятся подлинным бичом исторических зданий и памятников, в Генуе их ловили... для продажи в другие города Италии. Туристы обожают сниматься с голубями, а, как оказалось, в некоторых местах их маловато.

КЛАД — ЗА БОРТ

Сильно не повезло Теренсу Дейви: нашел он на дне Ла-Манша сундучок, в котором оказалось 77 старинных серебряных монет. Пошел Дейви к скупщикам, а те только за оценку клада запросили солидный куш. Узнав о находке, братья Теренса потребовали своей доли. Мытарства кончились тем, что чиновник по делам крушений (есть, оказывается, и такой) приказал Теренсу сдать монеты, пообещав ему треть выручки в том случае, если правительство продаст сокровище.

Увидев, какой оборот приняло дело, Теренс... швырнул монеты обратно в воду.

НЕ БЫСТРЕЕ ЛИ

Вопрос этот вполне закономерен при взгляде на забитые автомобилями улицы крупнейших городов мира. А ведь огромное автомобильное стадо продолжает расти.

«СЦЕНИЧНЫЕ» ОВОЩИ

После того как скандального исполнителя шлягеров француза Клода Франсуа дважды забросали помидорами, союз крестьян Нормандии избрал его своим «почетным членом». В дипломе было написано: «Мы благодарим вас за то, что вы активно содействовали сбыту помидоров».

ВЕРНОСТЬ ГАДКОГО УТЕНКА

Сколько существует рассказов о верности домашних животных! Но этот случай совсем уж неожиданный. У одного английского фермера в Уэльсе была утка. Пришло время, и он ее продал. Новый владелец подрезал на всякий случай ей крылья и пустил на птичий двор. Но утка так затосковала по прежнему дому, что пустилась в обратный путь и, пройдя 18 километров, нашла своего хозяина.

МЫШИ ВЫНУДИЛИ

Один итальянский крестьянин из Бриссена пришел покупать телевизор, принес с собой увесистый мешок мелочи. Удивленному продавцу он объяснил, что ненавидит бумажные деньги — с тех самых пор, как все его сбережения съели мыши.

ПЕШКОМ?

«Противоядие» пытаются изобрести во многих странах. Скажем, любитель-конструктор из Мюнхена предлагает перейти на разборный велосипед. Если не удастся выбрать из «пробки» на двух колесах — разбирайте машину и выходите из затруднительного положения пешком.

Ну, а если и ездить, то только в миниатюрных автомобильчиках, которые выглядят карликами рядом с «роллс-ройсом». Манчестерская фирма-изготовительница считает, что у малюток большое будущее.

Во Флоренции построили специальную машину для узких улиц старых кварталов. Длина этой машины 180 сантиметров, ширина — 120. Удивительно ли, что залезают в нее как в бутылку — через «горлышко» в пластмассовом кузове.

Молодые парижане по-своему разрешили проблему транспорта: они передвигаются в таком, несколько эксцентричном, малобаритном экипаже. Как видите, в его «моторе» ни одной лошадиной силы.

САМЫЙ ПЛАВУЧИЙ ЧЕЛОВЕК

Тридцатилетний индийский юрист Мохар Сен проплыл по Панамскому каналу. Он потратил на это 35 часов, но чувствовал себя вполне бодро. И не мудрено: Мохар Сен — энтузиаст марафон-

ских заплывов. Ему уже случилось переплывать Ла-Манш, Босфор и Дарданеллы, Гибралтар и Полкский пролив. Если вспомнить, сколько трагических легенд и сказаний существует о покорителях проливов, можно сказать, что индийский юрист затмил сказочных атлетов прошлого.

ОСТАВЬТЕ РОБИНЗОНА В ОДИНОЧЕСТВЕ

Девятинадцатилетняя австралийка Терри Риджуэй вернулась на родину. Целый год она провела в одиночестве, занимаясь наблюдениями на затерянном коралловом острове. Она бы хотела работать там и дальше, но... одолели туристы: они специально делали крюк, чтобы только взглянуть на «робинзона». «В последнее время я была вынуждена больше следить за внешностью, чем заниматься работой», — сказала Риджуэй.

ЛОШАДЬ БЕЗ ФАР

Пятнадцатилетняя англичанка была оштрафована за то, что она, как сказано в полицейском отчете, «разъезжала в темноте по городу на неосвещенной лошади». Полиция в данном случае руководствовалась старым законом, требовавшим от хозяев с наступлением темноты снабжать лошадей сигнальными огнями.

МЕСТНАЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЬ

В Мюнхене в возрасте 94 лет умер Карл Шнейдер. Газеты дружно откликнулись на это событие, почтив память «достопримечательности» города. Кем же был столь украшавший город Карл Шнейдер? Оказывается, нищим. Семьдесят лет он простоял на одном и том же углу с протянутой рукой.

РЫБИЙ АЙБОЛИТ

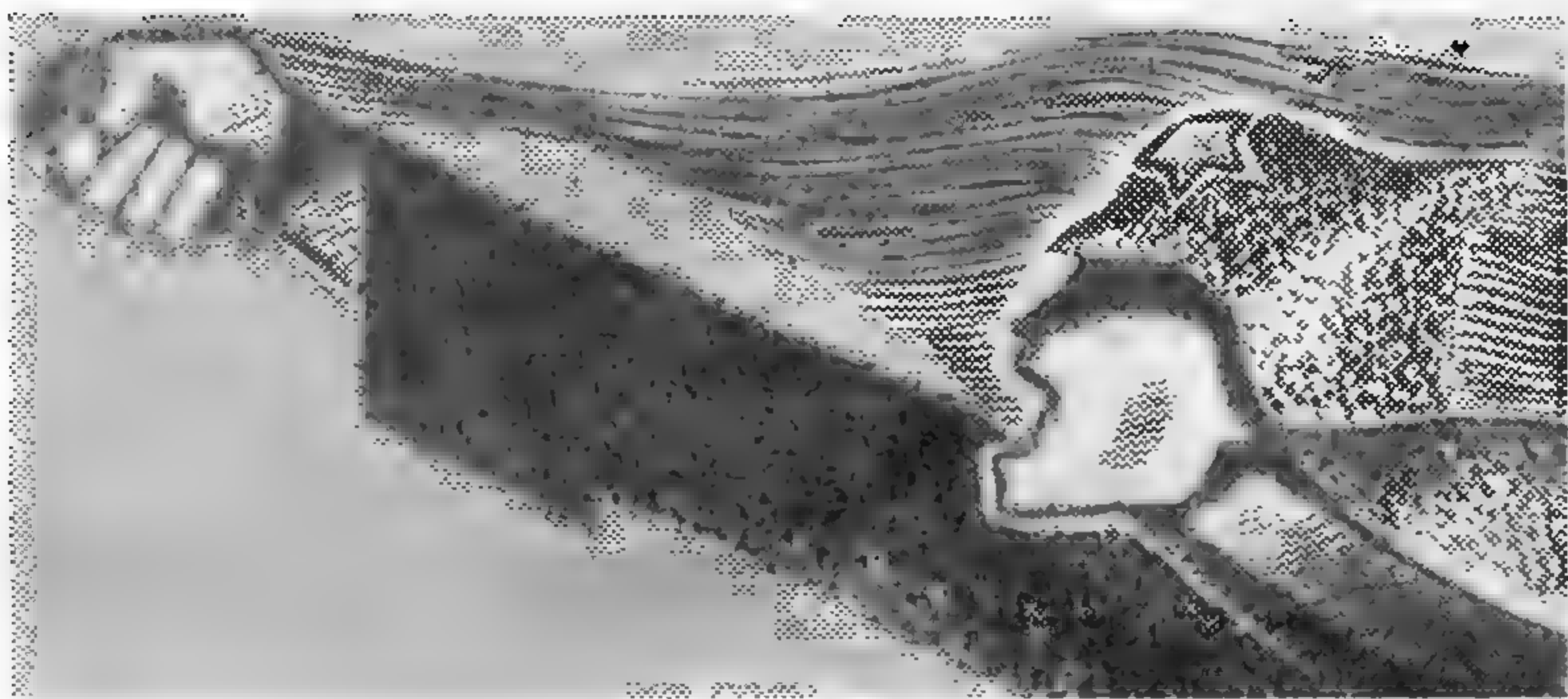
Госпиталь для рыб открылся недавно в предместье Токио. Рыб здесь лечит главный врач Катака со своими учениками и помощниками. Если ценная редкая рыба оказалась пораненной, ее обрызгивают усыпляющим составом и оперируют тут же, не вынимая из воды. В числе пациентов клиники не только рыбы, но и дельфины и черепахи-астматики, которые прожили годы в аквариумах.

И ТЕМ ПОСРАМИЛ...

Французский альпинистский клуб получил разрешение парижского муниципалитета использовать Эйфелеву башню для показательных выступлений по технике скалолазания. В присутствии многочисленной толпы альпинисты, обвязавшись веревками, по всем правилам горных восхождений лазали по башне, добираясь до площадки на двухсотметровой высоте. После этого под аплодисменты восхищенных зрителей руководитель клуба предложил зрителям попробовать свои силы. Он, естественно, полагал, что его предложение останется лишь красивым жестом. Но, к неописуемому изумлению всей толпы, вперед вышел молодой человек, сбросил пиджак и запросто начал карабкаться на башню. За какой-то час безо всякой страховки, несмотря на требование немедленно спуститься, неизвестный забрался на площадку башни, где и был... арестован полицией. Тут же было выяснено, что по профессии молодой человек маляр и вот уже два года работает на окраске Эйфелевой башни.

ФАБРИКА ТИКАЮЩИХ ГИГАНТОВ

На часовом заводе в Лейпциге не увидишь мастеров с лупами у глаза. Завод производит только самые большие часы. Гигант среди гигантов — шестиметровые часы, украсившие недавно дрезденскую теплоэлектростанцию.

МЫ — МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Паренек в лихо заломленной буденовке, алый стяг в стремительно выброшенной вперед волевой руке. Весь порыв и движение — таким запечатлен огненный всадник на юбилейном проспекте издательства «Молодая гвардия».

Около четырехсот книг тиражом почти 30 миллионов экземпляров выпустит в год 50-летия Советской власти, в капун 50-летия комсомола «Молодая гвардия».

Мы попросили директора издательства «Молодая гвардия» Ю. Н. ВЕРЧЕНКО рассказать о новинках юбилейного года.

— Миллионы и миллионы советских юношей и девушек, — сказал Ю. Н. Верченко, — составляют активную армию наших читателей. Молодости свойственно воспринимать книгу как руководство к действию, героя — как пример для подражания, мысль писателя — как критерий истины. Это налагает на нас, издателей, высокую ответственность. Мы стремимся, чтобы каждая страница, каждая строка новой книги помогали воспитанию борцов за коммунистические идеалы.

Из книг, выходящих в этом году, особый интерес вызовет книга Б. Яковлева «В. И. Ленин». Писатель собрал воедино автобиографические высказывания Ильича и многочисленные свидетельства тех, с кем Ленин не раз делился воспоминаниями о пережитом. Это фрагменты биографии века, социалистической революции, биографии нашей партии.

Воссоздавая правдивый и сложный облик современного молодого человека, героя наших

дней, преемника и продолжателя революционных, боевых и трудовых традиций партии и народа, обращаясь к документам истории Советского государства, мы рассказываем о роли комсомола и всей молодежи на разных этапах строительства нового общества. Сейчас издательство готовит к печати двухтомную историю комсомола.

Многочисленные серии: «Жизнь замечательных людей» и новая историко-биографическая серия «Пионер — значит первый», «Ровесник шагает по планете», «Глобус», «Кем быть?», «Тебе в дорогу, романтик», «Твои ровесники», «Эврика», «Бригантина», «Честь, отвага, мужество»; новое издание «Советские фантасты о будущем», новые ежегодники «Подвиг», «Студенты», — каждая из выпущенных книг будет расширять знания читателей о прошлом, настоящем и будущем нашей страны, вооружать молодежь тем качеством, которое Горький называл историческим оптимизмом.

«Когда-нибудь историк Шлиссельбургской крепости периода 1905—1917 годов неизбежно остановится на крепкой, как будто кованой фигуре Лихтенштадта и поразится не только величию его души, но и тем влиянием, которым он пользовался даже среди тюремщиков».

Этим же словом бывшего узника Шлиссельбурга И. Ионовна начинается очерк о Владимире Лихтенштадте — революционере, который был вождем политкаторжан в мрачной царской тюрьме, большевике, который в годы революции записал в своем «Дневнике», что «не мыслит себя вне партии», комиссаре 6-й дивизии Красной Армии, героически по-

гибшем в бою с войсками Юденича. Этот очерк — он входит в сборник «Сквозь время» — основан на письмах и дневниковых записях, которые вел революционер в тюремной камере. В книгу войдут документы, принадлежавшие героям «Народной воли» и участникам первых марксистских кружков, тем, кто сражался на баррикадах первой русской революции, и тем, кто победил в Октябре.

Героям революции и гражданской войны, руководителям Советского государства посвящены специальные выпуски историко-биографического альманаха «Прометей» и многие книги серии «ЖЗЛ»: «Ногин» В. Архангельского, «Юрий Гавен» В. Баранченко, «Орджоникидзе» И. Дубинского-Мухадзе и другие.

О легендарном рыцаре революции Феликсе Дзержинском написана остросюжетная, увлекательная книга Ю. Дмитриева «Первый чекист».

В библиотечке «Честь, отвага, мужество» выйдут приключенческие повести «Охота на горlinkу» Л. Константинова, «Конец белого ордена» М. Чачко. В них рассказывается о работе чекистов, о мужестве комсомольцев.

«На высоте пятинадцати метров надо было остеклить корпус. Раскаленные жаровни пылали днем и ночью. Старые стекольщики наотрез отказались работать в такие морозы. Ветер бил в пустые провалы железных рам; жаровни пылали день и ночь. Две сотни комсомольцев пошли на штурм. С ними пошел старый безымянный стекольщик. Двести взойшли на леса и впервые в своей жизни стали учиться работать с алмазом, пригонять, вставлять стекла в железные рамы. Девушек вела Женя Зозуля. Милая, слзвая дивчина в красной косыночке, с большими, широко глядящими на мир глазами. Сколько в ней было горячей веры в будущее! «Ребята, вот оно откроется перед нами с лесов стройки! В неимоверных трудностях, в живой борьбе...»

Этот репортаж Бориса Галина со стройки первого в стране тракторного завода и рассказы Михаила Шолохова, Андрея Платонова, Бориса Горбатова, Николая Богданова и других советских писателей вводят в атмосферу трудовых подвигов комсомольцев тридцатых годов. Они включены в своеобразную хрестоматию по истории ВЛКСМ «Здравствуй, юность!». В этом же ряду книг — сборник «Комсомол в цифрах и фактах» и книга писателя Платона Галавача, бывшего в 1926—1929 годах секре-

тарем ЦК комсомола Белоруссии, «Переполюх на загонах».

«...И они встали в рост — четыре человека в полосатых тельняшках, в черных бескозырках, окровавленные, перевязанные обрывками форменок, но сильные и готовые снова пробиваться сквозь сотни врагов.

И, видимо, сами они поразились своей живучей силой. И Перепелюха сказал:

— Один моряк — моряк, два моряка — взвод, три моряка — рота... Сколько нас? Четверо?... Батальон, слушай мою команду!..»

Эти строки взяты из нового издания «Морской души» Леонида Соболева. Дополненная новыми рассказами, книга представляет собой волнующие страницы летописи нашего Военно-Морского Флота.

Подвигу советского народа в войне с фашистами будет посвящена документальная книга Г. Миронова «Танки — вперед!» — о славных делах 96-й Добровольческой танковой бригады имени Челябинского комсомола. Сборник «Нам не забыть вас, ребята!» рассказывает о подпольщиках-комсомольцах, сражавшихся с захватчиками на оккупированной территории Прибалтики, Украины, Белоруссии и РСФСР, а книга «Дорогой отцов» была создана в наши дни участниками походов по следам боев. Своеобразной энциклопедией современной Советской Армии будет сборник «Есть статья в строю!»

...«Освобождение Хесуса Фариа — это победа... Это еще одна победа, подобная той, что недавно была одержана в борьбе за свободу для Педро Саада, Энрике Хиль Хильберта и других эквадорских товарищей. С момента победы Великого Октября и до сегодняшнего дня не было в мире ни одной кампании за освобождение узников-революционеров, в первых рядах которой не находилась бы героическая партия советских коммунистов».

Эти слова председателя Коммунистической партии Аргентины Викторно Кодовилья взяты из книги К. Непомнящего «Коммунисты». На основе дневников, переданных на свободу из тюремных застенков, протоколов допросов, личных разговоров с мужественными борцами создал журналист яркую книгу о людях, несущих огонь Прометея, — борцах современного коммунистического движения в странах капитала.

Издательство «Молодая гвардия» познакомит читателей и со сборником памфлетов Ю. Оганисяна «Кто есть кто?» — о ненавистных всему прогрессивному миру диктаторских режимах, с

книгами «Ядовитые пилюли на экспорт» В. Сплатьева, «Короли лжи и сенсаций» И. Ланицкого — о нравах буржуазной прессы и «психологической» войне, которую ведет капиталистический мир против социалистических стран.

«...Машинка ехала медленно в гору, потом стремглав летела куда-то вниз, круто заворачивала на полном ходу, опять ползла в гору, казалось, этому пути не будет конца. Он трясся пять суток в поезде, вышел на станцию Ярск и думал, что он уже на месте. А теперь он ехал в котлован, снова через тайгу, снова куда-то к черту на кулички.

...Все располагалось перед взглядом Виктора в несколько огромных ярусов — от едва угадываемой в высоте стометровой эстакады до более ясно различимой другой эстакады, вполтину меньшей, чем первая. Он разглядел мост, по которому двигались машины. Реки не было видно за густым паром. Еще ниже был собственно сам котлован, его ложе, которое тоже казалось многоэтажным из-за разных горизонтов работы и гигантских блоков, похожих на многочисленные небоскребы.

Виктор по-настоящему был растерян. Даже напуган, хотя и не сознавая бы в этом даже самому себе. Но одно дело читать про небывалые масштабы стройки, а другое — увидеть их своими глазами».

Это страничка из нового романа А. Приставкина «Голубка». Бывший детдомовец, демобилизованный моряк Виктор Смирнов приехал строить крупную сибирскую гидроэлектростанцию...

Книги о современности по праву занимают в планах «Молодой гвардии» первое место. Читатель встретится с книгами любимых поэтов и прозаиков старшего поколения и с первыми произведениями молодых. Только за два минувших года издательство дало путевку в жизнь более чем ста тридцати начинающих писателям. Они несут в литературу тот мир проблем и забот, которым живут их коллеги и сверстники: физики — в повести «Ищите солнце в глухую полночь» Б. Бондаренко, геологи и изыскатели Севера — в книге О. Кузнецова «Весенняя охота на гусей», ученые-вирусологи в повести Ю. Щербака «Как на войне».

К октябрю выйдет и новый выпуск книги «Звезды 1967 года», в которой журналисты и фоторепортеры расскажут о замечательных героях нашего времени: молодом сибирском ученом Александре Скрипнике — одном из открывателей «антимира», о враче Николае Олешко, имя которого знают многие жители далекого Мали, о комсоре сборной хоккейной команды СССР Анатолии Фирсове и многих других.

КТО ОТКРЫЛ АВСТРАЛИЮ?

Считается, что Австралию открыл голландец Виллем Янзон, который в 1606 году на крошечном суденышке «Голубка» обследовал залив Карпентария и прошел к полуострову Йорк.

Но вот несколько лет назад австралийский геодезист Митчел Терри во внутренних районах Австралии, около местечка Алайс Спрингс, случайно увидел загадочные наскальные барельефы. Один из них, по описанию Терри, напоминал какое-то животное, похожее на носорога. Носороги никогда не водились в Австралии, но тем не менее, утверждает Терри, на скале явственно проступали короткие и толстые ноги, выгнутая спина и... рог на носу. Другой рисунок изображал лежащего человека в шлеме. Причем по манере исполнения изображение резко отличается от рисунков коренных жителей этих мест.

Находки Терри — это еще одно звено в цепи доказательств (правда, не слишком еще прочной) того, что Австралию издавна посещали мореходы Средиземноморья.

...В 1838 году капитан Грейн нашел в районе Кимберлейс пещерные росписи и воспроизвел их в первом томе своих «Путешествий». На этих изображениях люди одеты в накидки из листьев, напоминающих листья пальм из семейств рафия, что растут лишь в тропических районах Африки и Америки. А на головном уборе самой большой фигуры начертаны значки, похожие на латинские буквы. Рядом высечена голова с орлиным профилем. По мнению ученых, эти изображения напоминают... древнеавиловские росписи.

...В 1891 году англичанин Бэрдшоу нашел росписи с изображениями людей в пещере у реки Принца-Регента. Ученый писал, что у него «создалось впечатление, будто он находится в древнеегипетском храме»...

...В начале века вблизи города Кернс была найдена бронзовая монета времен Птолемея IV, правившего Египтом более двух тысяч лет назад. Возможно, конечно, что монета попала сюда сравнительно недавно. Но ведь нашли ее слишком глубоко в земле, чтобы утверждать, что ее обронил какой-то незадачливый нумизмат.

...До сих пор ученые не могут объяснить существующий на острове Дарлей обычай мумифицировать умерших. Причем техника этого обряда напоминает технику мумифицирования египтян эпохи 23-й династии. И любопытно, что местные географические названия многим лингвистам кажутся похожими на египетские. Что это — случайное совпадение?

Во всяком случае, среди некоторых ученых сейчас существует мнение, что египетские, финикийские или греческие моряки могли в древности приплыть к Австралии, проходить через Торресов пролив и проникать в Полинезию. Не исключена также возможность, что в Австралии и Океании существовали даже колонии египтян и финикийцев.

Будущие исследования покажут, насколько правильна гипотеза о том, что цивилизации прошлого знали о существовании Terra Australia.

И. ЮРЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЕРИЙ ОРЛОВ — У самого синего неба	1
В. САПАРИН — Пари	6
М. БЕЛЕНЬКИЙ — Чиклерос: изжеванные жизни	13
Загадки, проекты, открытия	17
Во имя человека	18
АЛЕКСАНДР ЛУКИН — Львовский аккорд	22
На меридианах Родины	28
Прочти — подумай — напиши	30
К. ПАНИН — Туи Малили с островов Тонга	31
В. ПРИТУЛА — Филателист из криминальной полиции	31
АН. БЫКОВ — Роза побежденному	32
А. ВОСКРЕСЕНСКИЙ, А. СИНЕЛЬНИКОВ — Шахи-Зинда	32
БЕРНАР ГОРСКИ — Остров на краю света	36
Л. ШАПОШНИКОВА — «Я не трону тебя, килло!»	38
Г. ПОКРОВСКИЙ — Звездный дом	46
Г. АНОХИН — Викинги уходят из Зеленой страны	48
ДЖОН ХИРН — Деревенская трагедия	52
АНДРЕ МОУА — Миф о Парижанке	59
Вести из братских стран: Народная Республика Болгария	63
ЖОРЖ АРНО — Плата за страх	64
С. РЕМОВ — Смог наступает на город	75
Пестрый мир	76
Ю. ВЕРЧЕНКО — Мы — молодая гвардия	78
И. ЮРЬЕВ — Кто открыл Австралию?	79
Влюбленный гиппопотам...	80

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), К. Г. ПАУСТОВСКИЙ, П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный — 2-85; литературы — 3-5В, 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

А01205. Подп. к печ. 15/IV 1967 г. Бум. 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5(8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 600 000 экз. Заказ 391. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ВЛЮБЛЕННЫЙ ГИППОПОТАМ...

В зоопарке Роттердама утренняя тишина. Неподвижно лежат в воде бегемоты. Лишь время от времени один из них медленно поднимается на поверхность. Глубокий вдох — и массивная туша вновь тонет в прохладной воде.

Как и все остальные, спит молодой гиппопотам Джуп. Спит, пока не раздастся приветственный трубный сигнал со стороны загона для слонов, пока к канавке, отделяющей их царство от царства бегемотов, не притопают длинноногая приятельница Джупа. Тогда серая глыба поднимается из воды, и всегда готовый на проделки Джуп бросается навстречу слонихе. Широко раскрыв пасть, поставив передние ноги на край барьера, бегемот ждет начала игры. Дружески похлопав Джупа хоботом, слониха засовывает хобот прямо ему в пасть. Джуп, делая вид, что хочет укусить, бережно сжимает хобот зубами.

Насколько гиппопотам миролюбив в обращении со слонихой, настолько же он агрессивен по отношению к людям. Как-то раз слониха попала в ров с водой, и Джуп ни за что не хотел подпускать к нему зрителя. Каждый раз огромная туша устремлялась навстречу людям, и пасть ее была при этом раскрыта отнюдь не миролюбиво. Да и вообще между людьми и бегемотами гораздо меньше доверия, чем между бегемотами и слонами. Так сказать, разные весовые категории.

Правда, иногда бегемоту все же достается от его приятельницы: когда игра наскучивает ей, слониха награждает Джупа таким сильным ударом хобота, что он чувствителен даже для гиппопотама. Но Джуп не обидчив — на следующее утро он снова стоит у рва, широко раскрыв пасть и поставив передние ноги на край барьера.

На первой странице обложки: ГРЕЦИЯ. Остров Миконос — это там, где в Эгейском море на мелкомасштабной карте желто от островов. Это там, где каждое название не может не напомнить вам о Греции античной. Остров Миконос — остров скромный, всего лишь один из двадцати четырех, носящих общее имя Киклады. Древние считали, что острова эти лежат внутри линии одного круга, потому и называли архипелаг «Киклос» — «круг». Силуэты старых ветряных мельниц, их спящая белизна на фоне голубого моря остались патриархальными символами острова Миконос.

10

CANADA

05

expo67

СССР
путник
БЮРО
МЕЖДУНАРОДНОГО
МОЛОДЕЖНОГО
ТУРИЗМА

МОЛОДЫЕ СОВЕТСКИЕ ТУРИСТЫ

ПОСЕТЯТ ВСЕМИРНУЮ ВЫСТАВКУ В МОНРЕАЛЕ.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

